

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
СЕКТОР ГУМАНИТАРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И БИОЭТИКИ
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР БИОЭТИКИ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ

Выпуск 23

Гуманитарный анализ биотехнологических проектов
«улучшения» человека

Под редакцией член-корреспондента РАН Б. Г. Юдина

Москва 2016

Рецензенты:

док. филос. наук В. И. Аршинов,
док. филос. наук И. А. Асеева

Редакционный совет серии:

Б. Г. Юдин — председатель,
П. Д. Тищенко — ответственный редактор,
Р. Р. Беялетдинов — ученый секретарь,
С. В. Лаврентьева — секретарь,
Д. Л. Агранат,
А. А. Воронин,
Н. В. Захаров,
Вал. А. Луков,
Ф. Г. Майленова,
О. В. Попова,
М. А. Пронин

P13 **Рабочие тетради по биоэтике.** Выпуск 23. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. — М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2016. — 164 с.

При финансовой поддержке РНФ, грант № 15-18-30057

ISBN 978-5-906912-19-0

ББК 85.75

СОДЕРЖАНИЕ

Юдин Б. Г. Институционализация биоэтики и «улучшение» человека	5
Тищенко П. Д. Биотехнологическое улучшение человека в эпоху консьюмеризма	12
Попова О. В. Тело как арт-объект: этические коннотации практик эстетического улучшения телесности	39
Беялетдинов Р. Р. Биотехнологизация морали и проблема «моральной машины»	54
Кожевникова М. Этико-культурологический анализ тела и сексуальности постчеловека (на примере двух современных фильмов)	69
Гребеницкова Е. Г. Границы улучшения человека	86
Шевченко С. Ю. Субъект «улучшения» в геномике: к новым измерениям социотехнических мнимостей	97
Юдин Г. Б. Максимизация жизни, улучшение человека и спортивный дух: критика утилитаристской аргументации о легализации допинга	113
Луков В. А. Биотехнологии будущего в оценках молодежи	132
Лапшин В. А. Формирование ожиданий путей развития человеческого потенциала у молодежи под влиянием биологических и медицинских технологий «улучшения» человека	156
Авторы выпуска	162

CONTENT

<i>B. G. Yudin</i> Institutionalization of bioethics and human enhancement	5
<i>P. D. Tishchenko</i> Human Bioenhancement in the Epoch of Consumerism	12
<i>O. V. Popova</i> The body as an art object: the ethical connotations of aesthetic improvement of human body	39
<i>R. R. Belyaletdinov</i> Biotechnologization of morality and problem of «moral machine»	54
<i>M. Kozhevnikova</i> Ethical and cultural analysis of the posthuman's body and sexuality (on the basis of two contemporary movies)	69
<i>E. G. Grebenshchikova</i> The limits of the human enhancement	86
<i>Shevchenko S. Y.</i> Subject of enhancement in genomics: towards a new dimensions of sociotechnical imaginaries	97
<i>G. Yudin</i> Life maximization, human enhancement and the spirit of sports: against utilitarian defense of relaxing doping regulations	113
<i>Val. A. Lukov</i> Future biotechnologies as viewed by the youth	132
<i>V. A. Lapshin</i> Formation of ways of development of human potential expectations of young people under the influence of biological and medical technologies "improve" the human	156
<i>Authors</i>	162

Институционализация биоэтики и «улучшение» человека¹

Б. Г. Юдин

Institutionalization of bioethics and human enhancement

B. G. Yudin

Аннотация. Биоэтика рассматривается в статье как дисциплина, во многом обеспечивающая возможности «мягкого» нормативного регулирования в контексте создания и применения новых биомедицинских технологий. Во многом такие возможности возникают вследствие того, что биоэтика выступает в качестве особого социального института. Модель нормативного регулирования, опирающаяся на биоэтику, оказывается востребованной и в других областях массированного применения новых технологий, за рамками биомедицины. Одной из таких областей является применение биомедицинских технологий для улучшения человека. В этой области, впрочем, возможности биоэтики сегодня остаются ограниченными в силу того, что по отношению к ней биоэтика не выступает в качестве легитимированного социального института.

Ключевые слова: биоэтика, социальный институт, нормативное регулирование, управление, биомедицинские технологии, улучшение человека.

Abstract. Bioethics is presented in the article as a discipline, which to essential extent provides opportunities for "soft" normative regulation in the context of development and use of new biomedical technologies. These opportunities arise due to role of bioethics as a specific social institution. The model of normative regulation based on bioethics, is asked for in other areas of massive use of new technologies, outside the biomedicine proper. One of such areas is use of biomedical technologies for human enhancement. However, in this area opportunities of bioethics today are rather limited due to the fact that bioethics is not legitimized there as a legitimate social institute.

Key words: bioethics, social institution, normative regulation, governance, biomedical technologies, human enhancement.

¹ Данное исследование поддерживается Российским научным фондом, проект № 15-18-30057.

В данной статье речь будет идти о биоэтике как *социальном институте* и о том, как и в каких сферах жизни общества биоэтика выполняет эту роль. Выступая в этой роли, биоэтика, в частности, позволяет осуществлять *нормативное регулирование* тех новых форм социальной практики, которые порождаются бурным развитием биомедицинских технологий. Тем самым становится возможным *управление* (как правило, мягкое управление в смысле governance) инновационной деятельностью в этой сфере и развитием этой сферы в целом.

Биоэтику в смысле Андре Хеллегерса¹ (в отличие от биоэтики в смысле Фрица Яра² и Ван Поттера³) можно понимать как специфическую форму *рефлексии*, объектом которой является медицинская практика, в частности, разнообразные целенаправленные вмешательства в организм и психику человека, предпринимаемые во имя восстановления, сохранения, укрепления и т. п. его здоровья. Медицинская практика при этом рассматривается как поле, усеянное множеством этических и юридических проблем. Цель же биоэтической рефлексии можно охарактеризовать как поиски соответствия между моральным опытом, интуициями и размышлениями так или иначе вовлеченных в эту практику людей, с одной стороны, и стремительно растущими возможностями биомедицинского воздействия на них, с другой.

В социальном смысле биоэтическая рефлексия необходима для выявления и уточнения, а также согласования интересов различных стейкхолдеров, вовлеченных в разработку и использование той или иной новой биомедицинской технологии. Результатом биоэтической рефлексии в каждом конкретном случае должно быть обоснование и установление моральных и правовых норм, которые регулируют взаимодействия между людьми во многих сложных жизненных ситуациях, порождаемых этими технологиями.

В последние десятилетия такая рефлексия стала *институционализированной* формой реагирования на многие вызовы в сфере терапии человека, которые в изобилии порождают новые биомеди-

¹ Hellegers A. Bioethics Center Formed // Chemical and Engineering News. 1971. No 7 (11 Oct.); Reich W. T. The "wider view": André Helleger's passionate, integrating intellect and the creation of bioethics // Kennedy Institute of Ethics Journal. 1999. March; 9(1). P. 25–51.

² Fritz Jahr (1885–1953): From the Origin of Bioethics to Integrative Bioethics. Ed. by Christian Byk and Hans-Martin Sass. Paris, 2016; Яр Ф. Биоэтика: об этике отношений человека к животным и растениям // Человек. 2013. №6. С. 50–53; Юдин Б. Г. Биоэтический императив Фрица Яра. Там же. С. 46–49.

³ Поттер В. Р. Биоэтика. Мост в будущее. Киев, 2002.

цинские технологии. Это значит, что биоэтическая рефлексия стала принятой практикой, занявшей определенные позиции в данной области. Благодаря этому этическая оценка любой новой биомедицинской технологии может начинаться еще до того, как люди сталкиваются с какими-либо рискованными или негативными последствиями ее применения. Более того, очень часто биоэтическая рефлексия бывает изначально встроена в процессы создания и разработки таких технологий в качестве необходимой составляющей. Ближайший пример такой рефлексивной деятельности — это многочисленные обсуждения, дискуссии и заявления по поводу моральных проблем, порождаемых технологиями редактирования генов¹.

Между прочим, существование в форме социального института является одним из важных отличий между биоэтикой «по Хеллегерсу» и биоэтикой «по Яру-Поттеру». Вторая выступает в качестве некоторого идейного течения, может быть — (хотя и с натяжкой) социального движения экологической направленности. При этом постоянно предпринимаемые сторонниками такого понимания биоэтики попытки упрочить ее социальный статус не приносят сколько-нибудь ощутимых результатов. В этой связи можно упомянуть немецкого специалиста по биоэтике Х.-М. Сасса, немало сделавшего и делающего для признания Ф. Яра основоположником биоэтики. Сасс предлагает расширить концепцию биоэтики Ф. Яра до интегративной биоэтики и, далее, даже до геоэтики, которая призвана «применять разум и ответственность в ответ на глобальные естественные и порождаемые человеком изменения с целью защищать человеческие жизни и культуры и способствовать им».² Отталкиваясь от сформулированного Ф. Яром биоэтического морального императива, Сасс выдвигает его гео-этическую версию: «Уважай мать-Землю со всеми ее формами жизни, естественными или созданными человеком, прежде всего как цели в себе и, насколько возможно, относись к ним соответствующим образом».³ Нисколько не ставя под сомнение значимость такого рода попыток развить и даже расширить трактовку биоэтики как этики отношения к живому, следует тем не менее отметить, что социально институционализированными становятся другие трактовки биоэтики.

¹ См. в этой связи Юдин Б. Г. Редактирование человека // Человек. 2016. №3. С. 5–19.

² Hans-Martin Sass. Fritz Jahr's 1927 Concept of Bioethics / Fritz Jahr (1885–1953): From the Origin of Bioethics to Integrative Bioethics. Ed. by Christian Byk and Hans-Martin Sass. Paris, 2016. P. 34.

³ Там же.

В целом же можно констатировать, что биоэтическая рефлексия как рефлексия относительно биомедицинской практики стала одной из ключевых составляющих процессов признания и принятия обществом новых технологий в области терапии человека. В дальнейшем подобного рода рефлексия стала, во-первых, оформляться в *особый слой знаний*, по преимуществу *социально-гуманитарного характера*, а во-вторых, выходить за рамки терапевтических технологий, охватывая всю сферу того, что сегодня принято называть технаукой.

В этой связи интересным представляется своего рода пограничный случай: биоэтическое регулирование исследований, в которых испытуемыми выступают люди, при том, что сами исследования являются социологическими, антропологическими, психологическими и т. п. и не имеют отношения ни к медицине, ни к терапии человека. Такие исследования уже давно стали объектом биоэтического регулирования, обязательной биоэтической экспертизы в США, тогда как практики их этического регулирования в большинстве европейских стран не являются столь же устоявшимися и единообразными. Эти различия можно объяснить разницей культурно-исторических обстоятельств, в которых происходила институционализация биоэтики в США и в странах Западной Европы.

Как оказалось, те образцы, методологии и средства рефлексии, которые были наработаны в биоэтике, стали востребованными и в других областях инновационно-технологической деятельности. И во всех случаях задачи их разработки и применения несут в себе отчетливо выраженные нормативные элементы. Было бы, конечно, упрощением считать, что именно биоэтика задает канон для таких бурно развивающихся социально-гуманитарных методологий практик, как оценка технологий (*technology assessment*), ответственные исследования и инновации (*responsible research and innovation*), вовлеченность общества в науку (*public engagement*), гуманитарная экспертиза, исследования науки и технологий (*science and technology studies*) и т. п.

Можно отметить даже появление своеобразной конкуренции в этой сфере социально-гуманитарных методологий. Представители такой новой области, которая именуется социологией био-знания (*sociology of bio-knowledge*), считают, что она должна прийти на смену биоэтике.

Как пишут австралийские социологи Э. Коуэл и А. Петерсен, «объявление о клонировании овцы Долли в 1996 г. и завершение картирования генома в 2000 г. наряду с нарастающим оптимизмом вокруг геномики, изучения стволовых клеток, репродуктивной медицины и нейронауки, породило много шума относительно того, что науки о жизни неизбежно «революционизируют общество». Однако споры вокруг последствий этих достижений обычно вели ученые, философы, специалисты по биоэтике и правоведы, т. е. те кто находится за пределами социологии. Вопросы, касающиеся нормативного сопровождения этих достижений, часто называли «био-этическими». Социологи же были в стороне от этих дискуссий об «общей картине» последствий этих достижений, оставляя их объяснение другим, например, специалистам по биоэтике».¹

В другой своей публикации А. Петерсен говорит о том, что недостатки биоэтики, прежде всего ее «принципализм», т. е. опора на абстрактные принципы, ограничивают ее возможности продуктивно участвовать в дискуссиях и определении политики относительно новых технологий. В этой связи автор предлагает «альтернативный нормативный подход, а именно, социологию био-знания, фокусирующуюся на правах человека».² Не вдаваясь в более детальный разбор этой позиции, хотелось бы тем не менее отметить, что концептуальный арсенал биоэтики отнюдь не исчерпывается четырьмя принципами Т. Бичампа и Дж. Чилдресса, да и эти принципы вовсе не обязательно понимать как нечто ограничивающее рамки возможных дискуссий относительно нормативного регулирования новых технологий.

Тем не менее во всех этих рефлексивных методологиях есть нечто общее: их социально-гуманитарная направленность, заметная роль в них нормативного начала, необходимость выявления и согласования интересов различных стейкхолдеров, а также вовлечения в процессы выработки и принятия решений тех, кто в дальнейшем станет потребителем этих инновационных продуктов и технологий, и представителей широкой общественности. Мы можем зафиксировать, следовательно, то обстоятельство, что формирующийся сегодня слой социально-гуманитарных знаний становится *органическим элементом* технауки.

¹ E. Kowal, A. Petersen. Sociology of bio-knowledge at the limits of life // Journal of Sociology. 2015, Vol. 51(1) P. 4–5.

² A. Petersen. From bioethics to a sociology of bio-knowledge // Soc Sci Med. 2013. Dec;98:264–70. doi: 10.1016/j.socscimed.2012.12.030. Epub 2013 Feb 1. P. 264.

Второе обстоятельство, побуждающее расширять сферу применения биоэтической рефлексии, связано с тем, что более объемным становится круг проблем, к решению которых начинают привлекаться биомедицинские технологии. Все чаще они используются за пределами сферы собственно терапии, ради того, что называют *улучшением* человека. Вопрос о соотношениях между терапией и улучшением порождает немало дискуссий¹, некоторые авторы предлагают вообще не делать различий между двумя этими понятиями. Мне, однако, это различие представляется принципиально значимым. Во многом его значимость проистекает как раз из того обстоятельства, что с точки зрения биоэтической рефлексии область терапии намного более институционализована, чем область улучшения.

Если в первой мы имеем более или менее определенный набор стейкхолдеров с более или менее определенными интересами, то во втором случае такой определенности нет. Ни потенциальный набор стейкхолдеров, ни специфические интересы каждого из них не являются четко установленными. Поскольку биоэтическая рефлексия в области технологий улучшения человека не институционализована, у нас нет ни достаточных концептуальных средств, ни достаточно легитимизированных моральных практик для того, чтобы выносить обоснованные оценки и принимать взвешенные решения относительно различных технологий улучшения человека. Недостаточная легитимизированность практик улучшения человека находит свое выражение, в частности, в том, что сама применимость биоэтической рефлексии к такого рода практикам требует специального обоснования, которое еще только предстоит разработать.

Если попробовать рассуждать на самом общем уровне, то можно отметить следующее обстоятельство: оставаясь в рамках биомедицины, мы имеем дело с достаточно четко выстроенной иерархией ценностей, в которой первое место со значительным отрывом от всех остальных занимает ценность здоровья. Такой преобладающей ценности нет во всех тех областях, применительно к которым обсуждается проблематика биотехнологического улучшения.

Обратимся в этой связи к дискуссиям относительно «улучшения» физических возможностей человека, более конкретно — к чрезвычайно остро дискутируемой теме допинга. Один из глав-

¹ См. напр., Beyond therapy: biotechnology and the pursuit of happiness / President's Council on Bioethics (United States) (2003) <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/index.html>

ных аргументов противников допинга заключается в том, что применение стимулирующих препаратов, которые позволяют на короткий период улучшить функционирование тех или иных систем и органов, в более или менее отдаленной перспективе приводит к ухудшению здоровья. Было бы наивно полагать, будто спортсмены, принимающие такие препараты, их тренеры и врачи ничего не знали о том, что допинг наносит вред здоровью. Однако для спорта высоких достижений характерны иные ценности, чем для области биомедицины, так что ценность здоровья здесь занимает намного более скромные позиции. Спортсмен жертвует своим здоровьем для того, чтобы установить рекорд или добиться победы.

В дискуссиях по этическим проблемам применения допинга в спорте сталкиваются разные биоэтические принципы. Сторонники применения допинга считают, что в соответствии с принципом уважения автономии спортсмен вправе предпочесть победу над соперниками (и обычно сопровождающие ее моральные и материальные бонусы) сохранению своего здоровья. Их оппоненты опираются на принцип непричинения вреда (здоровью спортсмена) и на этом основании считают необходимым запрет допинга. Еще один аргумент противников допинга основывается на принципе справедливости: поскольку спортивные соревнования носят состязательный характер, употребление допинга дает незаслуженное преимущество его пользователю.

Таким образом, возможности использования биоэтической рефлексии для кратковременного «улучшения» функционирования некоторых систем организма при действии определенных нагрузок — это задача, которую еще предстоит решать. Отнюдь не случайно то обстоятельство, что биоэтические органы межправительственных организаций, таких, как Комитет по биоэтике Совета Европы, как Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО, отнюдь не спешат включать проблематику допинга в орбиту своих интересов.

А в более общем плане остается открытым и вопрос о применимости биоэтической рефлексии ко всем другим биомедицинским технологиям «улучшения» человека. Ведь сегодня отсутствуют даже сколько-нибудь широко принятые классификации этих технологий. Это не значит, что биоэтическая рефлексия, направленная на технологии улучшения человека, бесполезна. Напротив, это значит, что такая рефлексия чрезвычайно необходима.

Биотехнологическое улучшение человека в эпоху консьюмеризма¹

П. Д. Тищенко

Human Bioenhancement in the Epoch of Consumerism

P. D. Tishchenko

Аннотация. В статье обсуждается специфическое влияние эпохи консьюмеризма (Ж. Бодрийяр) на формирование мотивационных установок биотехнологического улучшения человека. Подчеркивается роль рынка как места семантического обмена между дискурсами производства и дискурсами потребления. Обсуждаются габитусы рыночного обмена как предпосылки жизненного мира необходимые для формирования научного мировоззрения. Рассматриваются исторические и логические аспекты коммерциализации науки и ее влияние на биотехнологии совершенствования человека. Подчеркивается дополнительность практик совместного производства (co-production) знаний и социальных структур и столь же совместного их потребления (co-consumption)

Ключевые слова: улучшение человека, прогресс, биотехнологическая утопия, рынок, наука, производство, консьюмеризм, свобода как выбор, наделение властью, совместное производство, совместное потребление

Abstract. The paper discusses specific influences of the era of consumerism (J. Baudrillard) on the formation of motivational attitudes in biotechnological human enhancement. It emphasizes the role of market as a space of semantic exchange between discourses of production and discourses of consumption. Habitual structures of market exchange are discussed as life-world prerequisites that are necessary for the formation of the scientific worldview. Historical and logical aspects of the commercialization of science and its impact on biotechnology development is considered. Complementarity of the practices and discourses of knowledge and society co-production and co-consumption is underlined

Keywords: human bioenhancement, progress, bio-power, bio-technological utopia, market, science, production, consumerism, freedom as a choice, creation as construction, co-production, co-consumption

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 15-18-30057.

Обсуждение вопроса о смысле биотехнологического улучшения (enhancement) человека может быть строиться на анализе особенностей воздействия на сознание и тело, но и на учете структурных особенностей «внешнего контура» технауки (Б. Г. Юдин) — социальной системы, включающей науку, бизнес, образование и общество. Причем смысловая энергия в этом контуре движется как бы в двух различных направлениях. В направлении, структурно представленном подсистемой социально-распределенного производства знаний и умений (Mode 2 production of knowledge) и в как бы в обратном направлении, которое задается «логикой» потребления продуктов биотехнологического улучшения, которую я осмыслю с отсылкой на ранние работы Ж. Бодрийяра (прежде всего книги «Система вещей»). Вместе с тем, чисто знаковую, структуралистскую идею потребления и потребительского (консьюмеристского) мировоззрения я считаю возможно дополнить (т. е. удерживать в диалогическом взаимодействии, без гегелевских «снятий») с классическим представлением о потреблении как удовлетворении человеческих потребностей. Тем самым сохраняется в деле план биологического преобразования человеческого существа, контролируемый аппаратами био-власти и биополитики.

Принципиальную переориентацию науки на потребителя ясно выразил Б. Г. Юдин: «...научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, который выступает в качестве главного потребителя того, что дает этот прогресс. Новые технологии оказываются теперь таким товаром, который ориентирован на массовый спрос, без этой массовости было бы невозможно обеспечить эффективность лаборатории. В свою очередь, и сами интересы и нужды потребителей становятся мощным стимулом, во многом определяющим направления и подстегивающим темпы научно-технического прогресса. В итоге устанавливается двусторонняя связь между лабораторией, производящей новые технологии, и индивидами, выступающими в качестве их потребителей»¹.

Позиция. Прежде обсуждения вынесенной в заголовок темы, полезно будет обозначить предпосылки, которые были сформулированы мной ранее в логике производства, без учета которых не выпол-

¹ Юдин Б. Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии ... ; см. так Юдин Б. Г. Технаука и «улучшение» человека //

не будет понятен подход к обсуждаемой проблеме¹. В частности была предложена интерпретация понятия биотехнологий, в основе которого выделена удвоенная форма *наделения властью* над телесностью человека: инструментально-технологическая (власть изменения, контроля и конструирования жизни на биологическом уровне) и социо-технологическая (био-власть как власть политическая). Воля к власти выступает *универсальной* осново-полагающей ценностью биотехнологического улучшения человека. *Остальное ценностное содержание (связанное с верой человека, его философскими и этическими убеждениями, личными предпочтениями и т. д.) контекстуально особенное*. Иными словами, двигателем биоинженерства является воля к власти. *Что значит улучшить человека, его тело или сознание? Это значит — дать ему новую власть изменять, контролировать или проектировать процессы жизнедеятельности человека*. Цель реализации этой власти оставляется на откуп «потребителя». Отмечу, что предложенное мной различие в формах наделения властью над жизнью (в духе аристотелевского *bios* и *zoon*) соответствует представлениям Б. Г. Юдина о внутреннем и внешнем контуре технонауки.

На примере развития синтетической биологии (этот пример для меня парадигмальный), продемонстрировано, что и внутренний, и внешний контуры технонауки подвергаются процессу технологизации. Под техникой понимается способ и/или средство действия, основывающиеся на неотчуждаемом от субъекта знании-умении (мастерстве). Технология — это способ и/или средство действия, основывающиеся на отчуждаемом, интерсубъективном знании. В пределе, технологизация выражается в замещении действия ученого-мастера действием компьютеризированного автомата.

Переход от научных познавательных техник к технологиям представлен как существенное свойство синтетической биологии и технонауки в целом. Ученый как мастер и первооткрыватель постепенно превращается в «научного сотрудника», чью деятельность лихорадочно пытаются стандартизировать руководящие научные *менеджеры*. Стандартизация материалов и технологических процедур

¹ Тищенко П. Д. Биотехнологии инженерства: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 21–41.; Тищенко П. Д. Двойная спираль технологизации жизни // Эпистемология и философия науки т. XLVIII. № 26. 2016. С. 51–53.

обеспечивает возможность *научного аутсорсинга* — возможность распределения исследовательских задач между научными сотрудниками внутри институтов или между многообразием научных организаций как в локусах *технопарков*, так и в системах национальных и международных исследовательских программ.

Существенным условием, обеспечивающим возможность «сборки» результатов производства множества познающих субъектов (их соизмеримости и сопоставимости), выступает разработка процедур *контроля качества* измерений и продуктов, *поставляемых* (идея постава М. Хайдеггера) в качестве *ресурса* биотехнологической деятельности, в том числе и биотехнологического улучшения человеческих свойств. Системы контроля качества играют ту же роль, что и эталоны веса, времени и длины в классической физике. Тем самым, можно сказать, что технологизация обеспечивает превращение биотехнологического *производства* в сложно организованную сетевую конструкцию. Каждая исследовательская сеть формируется как своеобразная *ad hoc* «фабрика» для решения конкретной исследовательской или производственной задачи. В деятельности биотехнологических сетевых «фабрик» особую роль играют *имагинативные* социо-технологические «агглютинаты» (*socio-technological imaginaries*). Они, наряду с планами и проектами, «витают как предпосылки» (если использовать выражение К. Маркса) в головах ученых и членов общества, обеспечивая целостностный характер их взаимодействия. Я назвал их *агглютинатами*, заимствовав медицинский термин в качестве метафоры. В медицине так называют склеившиеся, гетерогенные по составу комочки из микробов, клеточных и внеклеточных структур крови. Дело в том, что «целое» представлено не только в результатах репродуктивного и продуктивного воображения (в классическом кантовском понимании), но и в склеившихся с ними *аффективных* комплексах страха, надежды, желания и др., а так же товарных знаков, лейблов. Была так же обсуждена роль идеологии биотехнологического прогресса в формировании новой разновидности утопического сознания.

Вполне естественно, что интерпретировав таким образом смысл биотехнологического улучшения человека, перед нами встает вопрос — что управляет деятельностью социально-распределенных биотехнологических практик, что движет ими? Ответ на этот вопрос уже подспудно звучит в ранее опубликованных статьях. Ясно и определено он дан в связи с современными конфигурациями

био-власти и биополитики Б. Г. Юдиным¹. *Это рынок*. Но какое отношение имеет рынок к науке? Является ли он источником *внешних* воздействий на этос научного творчества (влияния из внешнего контура на внутренний), или внутри самой науки имеется к нему и его мотивациям некоторая изначальная предрасположенность? На эти вопросы я и попытаюсь ответить в данной статье. Для меня принципиально важно, что рынок является местом встречи и взаимонастройки дискурсов и практик, мировоззрений *производства* и *потребления*. Рынок производит консьюмеризм как характерную *доминанту* современной эпохи, которая закрывает своей густой тенью классическую эпоху человека производящего, деятельного, творческого. Но что такое эпоха и что в эпохе эпохального?

Эпоха. Под эпохой мной понимается характерный для определенного сообщества способ временения, определяющий особое отношение мышления и бытия, *пред-полагающий* для мысли и в самой мысли специфический тип загадочности бытия и столь же специфический путь получения мыслью осмысленных разгадок. Эпоха, здесь, — не временной период, а особое время. Эпохи не сменяют (в смысле представлений об историческом прогрессе) и не снимают (как в гегелевской диалектике и спекулятивной философии) друг друга. Они вспыхивают как просветы знания в опыте, ориентирующих мысль различий (между бытием и небытием, сущим и несущим, одним и многим, истинным и ложным, достоверным и недостоверным, очевидным и неочевидным и т. д.) и гаснут, погружаясь в забвение или беспокоящую стихию непонятого. В этом смысле, эпоха Нового времени неслучайно маркирована М. Хайдеггером как «время картины мира». Поэтому, для иной эпохи в которой, к примеру, живет Б. Латур, — «Нового времени не было». Было какое-то существование людей, которые не понимали себя, и это непонимание без труда разоблачается в опыте очевидностей этой другой эпохи... Мне, вероятно, в силу особенностей жизненного опыта, важно удержать *эпохи производства*, для которой время картины мира еще актуально. Актуально как не «снятый» голос в *со-гласиях* и *разно-гласиях* с другими голосами столь же актуальных здесь — сейчас эпох, как Новое время в со-временности с другими опытами

¹ Юдин Б. Г. Биополитика улучшения человека // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 91–104.

временения. В данном случае, мне важно будет услышать голос и уловить время эпохи, которую я, с подсказки Ж. Бодрийяра, называю эпохой консьюмеризма.

Специфическая оптика эпохи консьюмеризма по особому визуализирует существо человека и обосновывает специфический подход к его биотехнологическому улучшению. Консьюмеризм производит утопическое сознание, которое радикально отличается от утопического сознания эпохи производства, связывала человеческое в человеке с деятельностью, трудом.

Науку эпоха консьюмеризма начинает вбирать в себя с серьезным запозданием (если сравнить с процессами, описанными Бодрийяром в экономике и идеологии западных стран) под флагом её коммерциализации. Сразу же хочу отметить особенность своего понимания роли рынка в научном мировоззрении и, соответственно, в особенностях современных практик биотехнологического инжиниринга. С моей точки зрения, наука рождалась и развивалась вместе с ростом и развитием рыночных отношений. Как будет показано ниже, именно в *опыте* товарного обмена формируются габитусы без которых трудно представить себе научный подход к реальности.

Наука и коммерциализация. Процесс превращения фундаментальной науки в капиталистическое производство начался в США в середине 70-х, начале 80-х годов XX века наиболее активно в молекулярной биологии, геномных исследованиях. Тогда появились первые биотехнологические компании, производящие не только традиционные «товары», но и знания как особые товары в форме патентов и технологических разработок. Различные аспекты этого процесса мной были обсуждены в ранее опубликованных работах¹. До этого времени наука как социальная система сохраняла полупфеодалную организацию, в которой основные отношения строились на отношениях административной (нередко, личной) зависимости. Особенно, это было характерно для советской науки в «эпоху застоя», хотя она и не отличалась существенно по своей организации от американской.

Основным предназначением науки как в США, так и СССР было обеспечение обороноспособности страны и ее научно-технологического престижа. Достаточно упомянуть проекты по разработке

¹ Тищенко П. Д. Геномика как «другая наука» / Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : ИФРАН, 2001. С. 16–24; Тищенко П. Д. «Коммерциализация» фундаментальной науки — инновационные социальные технологии // Человек, 2014. № 6. С. 111–126.

ядерного оружия и космические программы. После распада СССР на четверть века о науке в России вспоминали только сами ученые. Когда же у власти дошли до нее руки, то по планам анонимных авторов ее сразу же решили встроить в мировой тренд коммерциализации. Тренд интересный. В чем то весьма перспективный. Многих отечественных ученых и философов — пугающий.

Для меня рынок не представляет собой ни добро само по себе, ни зло. Это просто особая форма социальной кооперации, которая имеет свои достоинства и недостатки. Собственно говоря, за каждой человеческой деятельностью стоит свой этос, свои добродетели и пороки¹, свои знания-умения, свои социальные технологии инновационного развития². Поэтому стоит разобраться в том, что собой представляет коммерциализация науки с философской точки зрения, каких социальных действующих лиц и исполнителей она вытребывает, каковы ее преимущества для развития научных исследований и недостатки. Естественно, что речь пойдет о коммерциализации, т. е. о превращении знания в товар, производящийся, продаваемый и покупаемый на *рынке*. Коммерциализация вне рыночной экономики, как это имеет место в нашей стране, скорее выступает как монетизация бюрократических отношений лояльности. Данный аспект проблемы мной не обсуждается.

Безусловно, поставить перед собой вопрос о смысле коммерциализации науки можно различным образом — экономист обнаружит одно, социолог науки — другое, историк — третье... Собственно говоря и философия может дать свой спектр возможных подходов. Взять хотя бы влиятельную сейчас доктрину STS (Science, Technology & Society). Ведь и в этом направлении каждый подход не может рассматриваться как более или менее последовательная дедукция из каких-то общих предположений, опираясь на которые можно было бы дать некоторое определение. Скорее есть определенные общие или пересекающиеся тематизации. Мое исследование можно связать с STS темой совместного производства научных знаний и социальных структур (co-production of science and society)³. Существенной инновацией

¹ Иванова, Н. М., Степаненкова Т. В. Моральная философия рынка и бизнес // Сервис plus, 2013. № 3. С. 50–57.

² Национальные инновационные системы в России и ЕС. Ред. Иванов В. Н., Иванова Н. И., Розебум И., Хайсберс Х. [Электронный ресурс] // Центр исследований проблем развития науки РАН. Москва, 2006. URL: <http://www.viniti.ru/download/russian/INNOV/nacinnov.pdf> (дата обращения: 23.07.2016).

³ Jasanoff, Sh. The idiom of co-production // States of knowledge: the co-production of science and social order / ed. by Sh. Jasanoff, Routledge London, New York. 2004. P. 2–52.

этой статьи, является дополнение идеологии совместного производства идеологией столь же совместного потребления (co-consumption¹ of science and society). Потребление лишь на первый взгляд кажется индивидуальным актом. Маркетологи как пастухи сгоняют индивидуальных потребителей, каждый из которых хочет быть неповторимым, в однородные массы фанатов определенных брендов, лейблов, фирм и т. д. и т. п. Причем это касается не только покупателей ширпотреба, но и масс политиков, ученых и философов, которые тематизируют свои исследования с оглядкой на модные, звучные, проходные в смысле получения ресурсов проблемы...

Научные инновации для своего успеха нуждаются в параллельном развитии благоприятной социальной среды, которая не просто питает инновационные проекты ресурсами, но и формирует в себе социальный потребительский запрос на научные открытия и изобретения, культивирует сложные механизмы их использования в реальной жизни. Формирует потребителей научных инноваций.

Хотелось бы подчеркнуть, что положительное социальное восприятие, позитивная оценка, накопления и потребления новых знаний и технологий ни в коем случае не может рассматриваться как пассивное исполнение чьих-то команд, приказов или законодательных актов (как у нас уже целое десятилетие пытаются «сверху» внедрить энергосберегающие лампочки). Для успешной реализации инновации необходима согласованная деятельность различных социальных субъектов, «переводящих» достижения науки на язык своих профессиональных или личных интересов, формирующих для реализации научных знаний свои собственные знания и прежде всего — знания-умения. Необходима стыковка производителей и потребителей, для которых одним из наиболее продуктивных мест встречи является *рынок*.

Поэтому, тезис о совместном производстве научных знаний и социальных структур полезно дополнить тезисом о том, что производство знаний не кончается в лабораториях, а технологий — в КБ. Это лишь первый этап (хотя в отношениях сетевой взаимозависимости трудно говорить о чем-то как о «первом»), за которым следует распределенное в обществе между различными социальными

¹ Значения слова consumption, релевантные для нашего рассуждения:

1) the act of consuming, as by use, decay, or destruction;

2) *Economics*. the using up of goods and services having an exchangeable [Электронный ресурс] // URL value.<http://www.dictionary.com/browse/consumption> (дата обращения 01.09.2016).

субъектами (политиками, финансистами, страховщиками, медиками, бизнесменами, продавцами, рекламными и PR агентами и главное — обычными потребителями) *производство и потребление* знаний и умений. Общество знаний, о котором (как и о коммерциализации) у нас пока полезно только поразмышлять, — это не просто общество, высоко ценящее знания, но и общество, которое тотально может рассматриваться как агрегированная система производителей, накопителей и потребителей новых гетерогенных (не только научных, но профессиональных и жизненно-практических) форм знания. Теоретически этот аспект разработан в концепции 2-го типа производства знаний¹. Использование определенных идей этой концепции представляет для меня второе сопряжение с идеологией STS. Бодрийяр вносит существенное уточнение — не только *производство*, но и *потребление*.

Но если в обществе различные социальные агенты производят и потребляют специфические формы знания, то возникает вопрос — каковы механизмы, которые связывают их между собой и координируют их взаимодействие — совместное производство и потребление? В советской системе реализации наиболее успешных мегапроектов (прежде всего ядерного) такой силой выступала принудительная *мобилизация*. Этот интеграционный механизм был естественен для советского общества, особенно в эпоху сталинизма. Близкие механизмы привлечения ученых в проекты оборонного значения существовали и в США. Они возникли как вполне естественные во время 2-ой мировой войны. После войны из этой системы выросли американские государственные институты поддержки фундаментальных научных исследований. Как и в СССР мобилизационные механизмы постепенно преобразовались в полуфеодалные административные механизмы, неэффективность которых стала, по крайней мере для американцев, ясной в 70-х годах прошлого века.

Коммерциализация была ответом на кризис административных механизмов управления научными разработками не только в прикладных, но и фундаментальных науках. Она создала новые возможности и механизмы для обеспечения более эффективной связи науки и общества. Естественно, что как и всё, что создает человек —

¹ Gibbons, Limoges C., Nowotny, Schwartzman, Scott P., Trow M. The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London : Sage, 1994 ; Nowotny, Scott P., Gibbons M. Re-Thinking Science. Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2001.

эти возможности и механизмы хорошо реализуются и работают лишь там, где они уместны и используются в должной мере. Мало перспективно их применение в гуманитарных науках, хотя такие программы существуют¹. Все же универсализировать их применимость, как полагают отечественные реформаторы науки, будет ошибкой. Однако, и недооценивать их так же будет недальновидным делом. Рынок и его специфическая рациональность играют роль дополнительного внутри- и внеученого интеграционного механизма сетевым образом структурированной современной деятельности по производству и потреблению знаний. Повторюсь. Альтернативой рынка в нашей стране являлось не сообщество ученых-бессеребряников, бьющихся над достижением истины, а неэффективная бюрократическая система, выросшая из эффективной, но чрезвычайно затратной (прежде всего в человеческом смысле) инноватики сталинских шаражек...

Наука и рынок. Проблема связи. Для верной оценки проблем коммерциализации современной науки, необходимо понять природу связи между рынком и научной деятельностью. На наличие этой связи в свое время обратил внимание основоположник экстерналистского направления в философии науки советский философ Б. М. Гессен, который, сформулировал в общей форме роль «торгового капитала» в зарождении и «блестящем расцвете естествознания XVI–XVII века»², но проигнорировал его в конкретном тематическом анализе науки. Догматическое восприятие труда как основы человеческого в человеке («труд создал человека») не позволило подступиться к пониманию роли рынка в возникновении науки. Для Гессена было важно показать каким образом физическая тематика науки той эпохи формируется из насущных запросов развития транспорта, промышленности и горного дела³.

Мне представляется, что не менее важен экзистенциальный опыт рынка, который на протяжении тысячелетий участвовал в оформлении жизненного мира человека. Используя термин Э. Гуссерля «жизненный мир», я хотел бы подойти к вопросу о связи науки

¹ Gascoigne T., Metcalfe J. Commercialisation of research activities in the humanities, arts and social sciences in Australia [Электронный ресурс] // Hass Commercialization Report, № 1. 2005. URL: <http://trove.nla.gov.au/work/11547326?selectedversion=NBD27200680> (дата обращения: 23.07.2016).

² Гессен, Б. Н. Социально-экономические корни механики Ньютона. Государственное научно-теоретическое издательство. Москва-Ленинград, 1932. С. 7.

³ Там же. С. 18.

и общества (в данном случае его рыночных механизмов) не в форме указания на объективные потребности, которые возникают в общественном производстве (как это делал Б. Н. Гессен), а исследовав ту почву обыденного опыта, из которого рождаются научные представления. *Рынок для меня — одно из место-рождений науки* в том отношении, в котором он участвует в формировании структур жизненного мира...

Прежде чем идти дальше, необходимо вкратце остановиться на некоторых аспектах представлений о жизненном мире.

Жизненный мир, нетематическая живая деятельность и габитусы. Согласно четкому определению А. Шюца: «...наш повседневный мир с самого начала есть intersубъективный мир культуры. Он intersубъективен, ибо мы живем в нем как люди среди других людей, связанные с ними общим влиянием и работой, понимающие других и являющиеся для них объектом понимания. И это мир культуры, ибо с самого начала жизненный мир есть для нас универсум обозначений, т. е. смысловая сеть, которую мы должны проинтерпретировать, и мир смысловых взаимосвязей, которые мы устанавливаем лишь посредством нашего действия в этом жизненном мире»¹. Т. е. жизненный мир представляет собой своеобразную обработанную культурой почву (сеть) смысловых отношений, которую человек усваивает как естественно данный, общий для конкретных сообществ ресурс (основание) intersубъективных коммуникаций.

Предпосылочную роль этого смыслового ресурса Э. Гуссерль в книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» обозначал как пред-данность жизненного мира, которая в наших тематизированных рассуждениях остается вне поля внимания рассуждающего субъекта, хотя парадоксальным образом определяет сами «живые» акты тематизации. «Мы как субъекты актов (Я-субъекты) направлены на тематические объекты в модусах первичной, вторичной, а иногда ещё и сопутствующей направленности. В этом занятии с объектами сами акты остаются нетематическими. Однако мы позднее можем рефлексировать в отношении нас самих и нашей соответствующей активности; она становится теперь тематически предметной в *некоторой новой, со своей стороны опять нетематической, живой функционирующей деятельности* (курсив мой — П. Т.)»².

¹ Шюц А. Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: 2004. С. 194.

² Гуссерль Э. Избранные работы М.: Территория будущего, 2005, С. 450

Т. е. любой акт обосновывающего предметного, предуготовленного к осмыслению (исследованию) представления (тематизации) пред-полагает нетематическую (постоянно ускользающую из поля тематизирующего внимания) *живую деятельность*. Последняя сама может быть тематизирована и представлена в некотором представлении (например, в том представлении, которое предстаёт перед читателем в момент вот сейчас происходящего чтения), но лишь из (в среде или контексте) иной, *нетематической живой деятельности*. Причём эта, ускользающая от тематизации, живая деятельность не просто пока ещё не представлена и не тематизирована, но включает в себя непредставимое и нетематизируемое как таковое¹. Нетематизированная живая деятельность (здесь я использую для конкретизации тезис А. Шюца) сама *так, как она есть* представляет собой «вторую природу» человека, обработанную и одомашненную культурой на протяжении многих тысячелетий и за счет этого ставшую незаметной для него — его культурной телесностью. Или, как сказал бы К. Маркс — языком как «самоговорящим бытием человеческого рода». В поле дискурсивно формируемого «зрения» эта деятельность попадает лишь задним числом в форме исторически особых дискурсивных лакун (апорий, антиномий, парадоксов и т. д.), которые являются началами мысли, принуждающими ее к попытке смыслового схватывания, но постоянно ускользающими от нее. Поэтому, например, чрезвычайно сложно определить само понятие жизненного мира. Гуссерль так же обращает наше внимание на тот факт, что нетематизированную живую деятельность можно тематизировать но только опираясь на какую-то иную нетематизированную жизнедеятельность. В этом смысле я интерпретировал нарративно структурированные *жизненные апории как начала биоэтики*².

П. Бурдье попытался внести, с определенными оговорками, структурную упорядоченность в нетематизированную живую деятельность человека как субъекта мысли. «Детерминации, связанные с особым классом условий существования (условий жизненного мира — П. Т.), производят *габитусы* — системы устойчивых

¹ Вопрос о непредставимом и его эффектах в конфигурациях силы и власти мной обсужден в статьях: Тищенко П. Д. Институт человека как философская идея // «Человек» № 6 С. 23–41; Тищенко П. Д. Сила и власть. Карнавал, труд, праздник // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 8. Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины). М.: ИФ РАН, МОСГУ. 2009. С. 25–47.

² Тищенко П. Д. Жизненные апории как начала биоэтики / На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: МПРЪ, 2011. 16–44.

и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, *порождающие* и *организующие* практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению (т. е. в пределе остаются нетематизированными — П. Т.). Объективно “следующие правилам” и “упорядоченные”, они в то же время ни в коей мере *не* являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно оркестрованными, *не являются продуктом организующего действия дирижера оркестра* (курсив мой — П. Т.)¹.

Дискурсивные лакуны незнания, в нашем сознании тематизирующиеся как тайны, проблемы или задачи, образуют изначальные напряжения мысли, которые разрешаются (производят ответ в форме речевых высказываний или действий) через неосознаваемое использование пред-установленных и специфичных для времени, места и культуры габитусов (диспозиций речи, действий и т. д.). Например, повествования структурируют смысловое содержание не произвольным образом, а специфичным для данного сообщества способом представления событий в рассказах, связанных шаблонами сюжетов, завязок, героев, перепетий и т. д. Причем эта специфичность для членов конкретного сообщества выступает как естественный, само собой разумеющийся способ (диспозиция) реализации желания «хочу сказать». И, естественно, предполагает коррелированную структуру «слуха» потенциального зрителя или читателя. Начиная с раннего детства нас обучают правильно (т. е. по писанным и неписанным канонам) выражать свои желания, правильно действовать и т. д., а так же правильно понимать правильно произнесенные слова, совершенные действия других людей, не рефлексируя на тот факт, что эта правильность является особой социальной конструкцией.

Мне представляется, что идеи жизненного мира, нетематизированной жизнедеятельности и габитусов могут быть полезны для выявления конкретной связи между опытом рыночных отношений и существенно важными предположениями науки. Тысячелетиями культивируемый в жизненном мире человека опыт рынка форми-

рует ресурс общепонятных, очевидных связей и отношений, которые можно, следуя Бурдье, охарактеризовать как устойчивые диспозиции или габитусы, неприметным образом структурирующие нашу (как субъектов) направленность на «тематические объекты» самой разной природы. Было бы серьезным упрощением дела утверждать, что габитусы рынка непосредственно детерминируют некоторые основные предположения науки. Они сами по себе лишь *необходимые, но недостаточные* апостериорно (исторически особенно) априорные (пред-данные, т. е. до-опытные для каждого человека, всегда уже погруженного в жизненный мир своей культуры) условия возможности научного усвоения реальности.

В этом смысле, утверждение, что рынок выступает *место-рождением* науки, следует рассматривать как рабочую гипотезу рассуждений. Меньше всего, я собираюсь «выводить» науку из рыночного опыта. Скорее всего, речь идет об опыте каждодневной жизни, в котором формируется наше «подручное» (М. Хайдеггер) понимание реальности, или, если использовать другую терминологию — знания-умения человека ориентироваться в сложной окружающей среде и реализовывать в ней свои потребности.

«Политэкономия» Аристотеля и габитусы рынка. Уже Аристотель сформулировал ясное понимание роли рынка в формировании специфического отношения человека к вещам и другим людям. Несколько модернизируя ситуацию, я в анализе его текста, буду называть эти специфические отношения габитусами, имея в виду неартикулированные диспозиции отношения к другим людям (габитусы общения) и предметам деятельности и обмена. Приведу достаточно пространственный фрагмент: «[В]сё, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом *сопоставимо*. Для этого появилась *монета* и служит в известном смысле посредницей, ибо *ею все измеряется*, а значит, как переизбыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде. Соответственно отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или к еде, а если этого нет, *не будет ни обмена, ни [общественных] взаимоотношений*. Не будет же этого, если [обмениваемые вещи] не будут в каком-то смысле равны. Поэтому, как и было сказано выше, *все должно измеряться чем-то одним*. Поистине такой мерой является потребность, которая все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким,

¹ Бурдье П. Структура, габитусы и практика // Журнал социологии и социальной антропологии 1998, т. 1, выпуск 2. Электронный ресурс <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>

[т. е. не справедливым]; и, словно замена потребности, по общему уговору появилась монета; оттого и имя ей «номисма», что она существует не по природе, а по установлению (νομῶι) и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления (курсив мой — П. Т.)»¹.

Характеризуя гегелевскую «Феноменологию духа», Маркс удачно назвал логику деньгами духа. Я, опираясь на аристотелевское понимание необходимых условий обмена, переворачиваю это марксистское понимание, утверждая в этой статье, что деньги и их обращение — это и есть универсальная *до-* (в диахроническом аспекте) и *вне-* (в синхроническом аспекте) научная «логика» освоения мира человеком, данного сквозь структурирующую призму габитусов, генерируемых рыночными отношениями. Обмен основан на «сопоставлении», которое возможно лишь при *наличии общего основания*. Это общее — «посредник», который фундирует связь различных продуктов человеческой деятельности. Причем не просто посредник, а общая «мера» для всего того, что *есть* в мире рыночных отношений.

Конечно, габитусы обмена, которые исторически начинают формироваться в глубокой древности, непосредственно не детерминируют возникновения науки или логики. Скорее речь идет о какой-то общей семантической сети предположений, которые на уровне интуиций позволяют связывать разные слова и вещи, хотя бы в качестве метафорических переносов смысла. Известный случай с киником Диогеном наглядно иллюстрирует подобного рода метафорическую связь. Как свидетельствует Диоген Лаэртский: «По словам Диокла, его отец, заведовавший казенным меняльным столом, портил монету и за это подвергся изгнанию. А Евбулид в книге «О Диогене» говорит, что и сам Диоген занимался этим и потом скитался вместе с отцом. И сам Диоген в сочинении «Барс» признает, что он обрезывал монеты. Некоторые рассказывают, что его склонили на это работники, когда он был назначен заведовать чеканкой, и что он, отправившись в Дельфы или в делийский храм на родине Аполлона, спросил, сделать ли ему то, что ему предлагают. Оракул посоветовал ему «сделать переоценку ценностей», а он не понял истинного смысла, стал подделывать монету, был уличен и, по мнению одних, приговорен к изгнанию, по мнению других, бежал сам в страхе перед наказанием»².

¹ Аристотель «Никомахова этика», книга 5 // Сочинения в четырех томах. т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 156.

² Диоген Лаэртский. Книга VI. Диоген. / Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод с древнегреческого М. Л. Гаспарова. М.: «Мысль», 1986. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/diogen1/index.htm> (дата обращения 23.07.2016).

Отношение к философски (кинически) схватываемой ценности как основанию благой жизни вырастает у фальшивомонетчика Диогена из обыденного, расхожего понимания рыночной ценности (буквально денег как основной ценности), из ставшего естественным габитуса рыночных отношений. Причем не просто вырастает, а переворачивается, совершает метафизический кульбит так, что истинной ценностью становится то, что раскрывает в своем опыте философия (в данном примере — киническая), а деньги как ценность в рыночном обмене остаются основанием метафорического разъяснения (метафорической понятности философской диспозиции «переоценки ценностей»). У Аристотеля немало мест в тексте где проблемы этики или политики разъясняются на примере честного, в соответствии с мерой произведенного обмена товаров. Да и современный англо-саксонский утилитаризм нельзя понять вне контекста идей честной торговой сделки, взвешиваний благ и невзгод и т. д. Метафоры сделки, обмена, взвешивания и др. лежат в основе его понятности.

Таким образом, первый из выделенных нами (с подсказки Аристотеля) рыночных габитусов пред-располагает (создает рефлексивно неосознаваемую диспозицию) видеть в многообразии и качественной разнородности вещей, продуктов деятельности и самих деятельностей *единство*. Если перефразировать И. Канта, то рыночные эквиваленты (меры) обмена играют ту же роль, что и категории рассудка, выступающие «функциями единства» связи разнородных представлений. Именно в этом смысле, я и вывертываю наизнанку известное изречение Маркса о логике как деньгах духа. По сути речь идет об одном и том же габитусе, который, структурируя нетематизированную живую активность мысли, создает чувство достоверности, или, по крайней мере, правдоподобия выделенных связей разнородных вещей и процессов.

Очень важно, и иное обстоятельство, которое подчеркивает Аристотель. Устанавливая отношения между продуктами деятельности, рынок одновременно выстраивает отношения между людьми. Производит общественные отношения, которые при использовании правильной пропорции в обмене, оцениваются как «справедливые». Безусловно, справедливость как политическая категория рождается в контексте собственно политических отношений и философской рефлексии на эти отношения. Но так же не трудно заметить в мыслительных операциях философов и политиков действие

габитусов, возникших на рынке многие тысячелетия назад и сейчас воспроизводящиеся в нашей каждодневности. Собственно говоря, в эпоху античности рынок и площадь для общественных дискуссий, выборов, распределения повинностей были одним и тем же пространством — *агорой*¹. Принципиально важно, что габитусы рынка лежат в основании *мирного* сообщества, основанного на справедливом *обмене* продуктов и деятельности. В этом один из смыслов коммерциализации современной науки. Этим он отличается от *мобилизационных* принципов менеджмента сталинских мегапроектов, в которых деятельность (познание) и ее продукты (знания) насильственно отчуждались от человека. Причем это отчуждение оправдывалось военной ситуацией.

Рынок и габитусы мер как априорное условие метрических систем в науке. На протяжении тысячелетий рынок формировал потребность в измерениях продуктов и способах ее (этой потребности) реализации — самые разнообразные меры, среди которых основное значение имели *меры веса, длины и объема*. Великая французская революция как бы завершила этот процесс, установив в 1799 году до сих пор существующие универсальные меры длины (метр), веса (килограмм) и объема (кубический дециметр — литр). Причем эти меры были взаимосвязаны — один кубический дециметр (одна тысячная кубического метра) воды весил один килограмм. Появились они не в науке, а в торговле и для ее (торговли) обеспечения. Наука поначалу лишь заимствовала их. Только с середины 19го века (прежде всего в работах Дж. К. Максвелла) наука начинает выстраивать научно обоснованную систему измерений, без которой современный прогресс естествознания был бы невозможным. Этот процесс завершается в 1960 году принятием Международной системы единиц (СИ), которая восприняла идею, опыт и некоторые меры, родившиеся на рыночной площади.

Конечно, когда ученые эпохи Возрождения и Нового времени утверждали, что книга Природы записана на языке математики, они заимствовали эту идею как метафору у античных пифагорейцев. Однако убедительность самой метафоры, как я полагаю, была непосредственно обеспечена габитусами рыночных измерений как основы обмена товаров и установления отношений между товаропроизводителями и товаропотребителями. *Идея честного обмена товаров*

¹ Принцип агоры, как «площадки» на которой обмениваются гетерогенно производящиеся знания, является важной идеей

на рынке за счет использования правильных мер на уровне габитусов обыденной жизни поддерживала идею получения истинного знания за счет объективных, научных измерений.

Рынок как экспериментальное исследование и дизайн (конструирование) человеческой природы. Здесь мы подходим к рыночным габитусам, лежащим в основании вопроса о биотехнологическом улучшении человека. Когда сегодня раздаются голоса критиков потребительского общества, то у меня начинают ныть ноги, вспоминающие кровавые мозоли, которые возникали при ношении отечественной обуви, произведенной не для потребителя, а для плана. Общество, ориентированное на рыночное производство и потребление, — нормальное человеческое общество со своими достоинствами и недостатками. Такое же нормальное, как и отжившие феодальные сообщества мушкетеров, дворянской чести, крепостного бесчестия, всеобщего халуйства и раболепия перед вышестоящими (служить бы рад, прислуживаться тошно...) и т. д.

Идея эксперимента заложена в самой идее товара и рыночного обмена. Каждый произведенный *товар* — это *материализованная гипотеза* потребности другого человека. В назначаемой производителем цене эта потребность *измеряется* и соотносится через денежные эквиваленты с другими человеческими потребностями, в том числе и с потребностями самого производителя. *Современный супермаркет можно рассматривать как «антропологический музей» потребностей современного человека.* Некая выставка — экспозиция его «внутреннего содержания». Причем это содержание иерархизировано, систематизировано по классам, видам и разновидностям и представлено — выложено на «полку» поставщиками. Стало хайдеггеровским поставом.

Предложение созданного товара на рынке представляет собой экспериментальное опробывание воплощенной в нем гипотезы потребности другого человека. Испытание на наличие / отсутствие такой потребности, а так же на адекватность оценки ее стоимости, выраженной в цене. На рынке реализуются те же механизмы отбора, что и в биологической эволюции. Через *отбор* наиболее приспособленных (покупаемых) товаров рынок постепенно преобразует исторический «вид» потребностной системы человека. Радикально меняет их. Выстраивается своя эмпирическая по происхождению пирамида человеческих потребностей аналогичная знаменитой пирамиде Маслоу, но как-бы перевернутая на рынке вверх ногами.

Габитусы рынка как экспериментирующей над природой человека структуры жизнедеятельности создают, ставшую в новейшей культуре само собой очевидной, диспозицию экспериментирующего отношения человека к себе, природе и другим людям.

Причем рынок не только исследует и отображает потребности человека, но и активно их *конструирует*, развивая технологии маркетинга. Любая историческая эпоха создает свою модель человека как производителя и потребителя услуг, удовлетворяющих свои или чьи-то потребности. Рынок участвует как в их (потребностей) отображении (своеобразная до- или вне- научная антропология) и конструировании — массовой фабрикации. Поэтому, современный супермаркет — это не только *антропологический музей*, но и *студия массового дизайна* (конструирования) современного человека-потребителя, как в прочем и человека-производителя, испытывающего себя как мастера (успешного или неудачника). Прогресс и стремительно расширяющееся конструирование мира человеческих потребностей, осуществляющееся на современных супермаркетах, *формирует мощнейшие габитусы отношения к миру вещей, а через них к самому человеку как предмету постоянного экспериментирующего улучшения.*

Биотехнологический инхенсмент как-бы дважды попадает в зависимость от давления габитусов рынка. Становясь частью рыночных технологий, биотехнологии заимствуют установку на постоянное экспериментирование с природой человеческих потребностей и формирования «продукта» своей деятельности в качестве постоянно *улучшаемого* «товара». Причем, конечное звено биотехнологического производства не совпадает с завершением изготовления того или иного «дивайса» или химического средства (например, лекарственного) для усиления какой-либо человеческой функции. В качестве завершающего звена этого технологического процесса выступает особого рода активный субъект — *потребитель*, который не просто усложняет систему, но навязывает всему процессу свою логику, свое мировоззрение.

Мировоззрение общества потребления значительно больше соответствует идеологии биотехнологического конструирования жизни, чем мировоззрения действующего, производящего субъекта. Если в общем виде можно было сказать, что биотехнологии инхенсmenta наделяют человека все большей властью изменять, контролировать и проектировать и себя (как тело и политическое существо), и среду своего обитания (например, «умный» дом), то сейчас возможно

поставить вопрос о том — о какого рода власти уместно говорить? Власть потребителя и ею инсталируемая субъектность реализуется иначе, чем власть мастера, производителя, предметно действующего субъекта (если вспомнить марксистскую формулировку).

Инхенсмент и консьюмеризм. Понять специфику эпохи потребления помогут идеи высказанные Ж. Бодрийяром в книге «Система вещей»¹. Он в частности пишет: «Потребление — это не пассивное состояние поглощения и присвоения, которое противопоставляют активному состоянию производства, чтобы уравновесить таким образом две наивных схемы человеческого поведения (и отчуждения). Следует с самого начала заявить, что потребление есть *активный модус отношения* (чем не габитус? — П. Т.) — не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру, — что в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия, что на нём зиждется вся система нашей культуры (курсив мой — П. Т.)»².

Эта позиция позволяет взглянуть на человека принципиально иначе, чем он сам раньше себя мыслил по образу и подобию Мастера, производящего из ничего (или аморфного материала) некоторый артефакт. Именно так в классическую эпоху он осознал себя в качестве *субъекта*. В работе «Био-власть в эпоху биотехнологий» (2001 г.) технологии мной классично понимались по логике «поэзиса», «техне», опираясь на соответствующее истолкование М. Хайдеггера. Вместе с тем, мной было отмечено, что «телос» произведения не исполняется в действии мастера (ученого, писателя, художника и т. д.). Для исполнения ему необходимо деятельное соучастие другого, опосредованное актами дарения, покупки, кражи и т. д. Этот другой субъект, читая, созерцая, слушая и т. д., восполняет произведение до его целостности, но уже в совершенно другом, не предусмотренном автором виде. Убежден, что такое истолкование, если не искать «единственно верных» пониманий, вполне релевантно для понимания начального акта изобретения, создания нового метода или продукта. Но для понимания биотехнологий именно не как техник, а как технологий — оно работает недостаточно хорошо.

Эпоха консьюмеризма, в том виде в котором она предстает в работе Бодрийяра, предлагает иную модель конструирования активно субъекта и, как будет мной предположено, иную модель био-вла-

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. С. Н. Зенкина. М. : Рудомино, 1995.184 с.

² Там же. С. 164.

сти. Она не сводится к тому, что люди в большей, чем иные времена, степени озабочены потреблением товаров и услуг. Ж. Бодрийяр указывает на совершенно иное существенное обстоятельство. «Потребление — это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это *виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс*. Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*»¹.

Но что значит оперировать знаками? Нужно сразу заблокировать мысль о речевых или жестовых коммуникациях. Действуя на знак, человек действует на вещь. Сейчас, когда перед моим взглядом появляется этот текст, то мои пальцы перебирают клавиши, следуя знакам на их поверхности. Я действую через знак на вещь (компьютер), и на дисплее возникает текст. Я не знаю как компьютер устроен и какова связь между движениями пальцев и появлением букв. В первых классах школы я писал ручкой со стальным пером, и эта ручка была продолжением моего тела. Работа письма требовала формирования телесного движения, которое, как сказал бы Э. В. Ильенков, используя орудие труда, действует по «логике» объекта. Нажатия пальцев на клавиши клавиатуры никакой логике «объекта» (компьютера) не следуют. Реализуется чисто формальная, непонятная для меня (потребителя) *связь, опосредованная знаком*.

В отличие от изобретателя и мастера, потребитель не интересуется «внутренним» планом вещи, ему непонятны цепочки причинных связей, которые связывают деятельность «частей» используемого им гаджета. Для работы с гаджетом ему нужны только знаки интерфейса. Для подавляющего числа людей устройство айфона, к примеру, столь же таинственно и непонятно как и устройство волшебной палочки или метлы Гарри Потера. Главное произнести заклинание или нажать значек соответствующей команды на интерфейсе с тем, чтобы реализовать *функцию*.

Потребление, в смысле Бодрийяра, плодит мистику. Поэтому на ширящемся рынке средств когнитивного инхенсmenta практически нет продуктов с научно доказанным действием. *Миллионы*

¹ Бодрийяр Ж. С. 164.

бизнесменов, студентов, научных сотрудников попросту потребляют знаки, конструируя себя в качестве активных субъектов не за счет опосредованного истинным знанием действия на биологически активные субстанции, а за счет самореализации потребителя *знаков власти над телом*. Если аппараты классической био-власти основывались на претензиях обладания истиной, то аппараты био-власти общества потребления основываются на attractiveness товарных знаков, чья значимость поддерживается как рекламой непосредственно к потребителю адресованных товаров биоинхенсmenta (direct to consumer), так и чисто мифологически конструктами современного обыденного сознания (мифологией процветающей в школьных, студенческих, спортивных и иных сообществах).

В сознании людей общества потребления радикально меняется понимание человеческой *свободы*, которую (как центральную ценность), собственно говоря, призваны обеспечить биотехнологии за счет наделения его (человека) *властью*. В классическую эпоху человек осознавал себя в качестве мастера, творца, автора произведения, субъекта познания, изобретателя. Эта позиция ярко реализована в советской марксистской философии (Г. С. Батищев, В. С. Библер, Э. В. Ильенков, М. Б. Туrowsкий и др.). В современном массовом сознании общества потребления *свобода человека* как его наиболее аутентичное выражение «себя» выступает как *выбор* из того, что *представлено* в наличии и отдано так или иначе ему в распоряжение. Неважно выбирается вещь (человек) в своей желанной плоти или знак. *Не творчество нового, а выбор уже готового, выложеного на «полку» становится знаком свободы*. Мне представляется, что различие логик производства и потребления, самосовершенствования и изменения за счет приобретения средства, которое решает жизненные, в том числе моральные проблемы минуя самость как субъекта самообразования, заменяя действие выбором средства, проявляется в таких оппозициях как инхенсмент в форме вмешательства и инхенсмент, соориентированный на человека потребляющего то, или иное средство¹. Он так же проявляется в *медицилизации как отказе от самоконтроля и самоутверждения* себя в жизни

¹ Гребенищикова Е. Г. Моральное улучшение человека // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 105–113.

в пользу *выбора* лекарственного средства¹. Невозможно правильно оценить смысл фармацевтических средств лечения и улучшения человека, игнорируя тот простой факт, что эти средства являются товарами, а поэтому наблюдаемые эффекты улучшения трудно выделить из системы агрессивного маркетинга².

Принципиально важно так же отметить, что логика консьюмеризма радикально меняет общественный спрос на науку. Б. Г. Юдин отмечает: «С одной стороны, наука выступает как генератор новых технологий, и именно в силу устойчивого спроса на эти новые технологии наука пользуется определенной, и подчас весьма щедрой, поддержкой. С другой стороны, производство новых технологий определяет спрос на науку определенного, если угодно, ограниченного, одностороннего типа, так что многие потенции науки при таком её использовании остаются нереализованными. Грубо говоря, от науки не требуется ни объяснения, ни понимания вещей — достаточно того, что она позволяет эффективно их изменять»³. Потребителю нужна вещь с определенной *функцией* (Ж. Бодрийяр). Устройство вещи — совершенно не интересно.

При этом и *само творчество интерпретируется как выбор*. И эта идея, как само собой понятная благодаря габитусам общества потребления, транслируется в обе стороны между массовым сознанием и теоретическим самосознанием политологов, психологов, специалистов в области нейронауки и искусственного интеллекта и т. д. Она же лежит в основе идеи компьютерного бессмертия В. Ф. Турчина и современных трансгуманистов. Не поэт, а «хакер», который «хакнул» кем-то написанный текст, получил «удовольствие от чтения» (Р. Барт). Не жизнь, которая творит новые формы, а конструктор конструирующий из готовых, поставленных на рынок «частей», методом комбинаторики собирающий (конструирующий) изделия как товары для чьего-то иного конструирования. В этом смысле, важнейшим поставщиком имажинативного постава, который

¹ Попова О. В. Биотехнологическое конструирование детства: от патологии к усовершенствованию // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015.

² Шевченко С. Ю. Заместительная гормонотерапия: границы технологий улучшения и поиски индивидуального // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 143–153.

³ Юдин Б. Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии ...

используется для оформления жизненного мира современного человека является «научная» фантастика¹. Её продукты потребляются массовым сознанием, современного общества и, соответственно, производители ориентируются на его (массового сознания) спрос.

Вместе с тем, в отличие от Бодрийяра, я не склонен снимать, в гегелевском смысле, традиционное понимание свободы более современным. *Идея свобода как творческого акта имеет свои онтологические и логические основания, так же как и более новая идея свободы как выбора*. Производитель, создающий артефакты и выражающий себя в произведении в качестве «автора», и потребитель из них выбирающий и собирающий свои изделия (как своеобразные коллажи), которые этого потребителя «персонифицируют» — два равноправных голоса, спорящих в душе современного человека.

Выражая классическую установку самообоснования гуманизма И. Кант в категорическом императиве требует принять ответственность на себя за выдвинутую максиму поступка, обеспечив доказательство ее всеобщности. Моральный закон не дан человеку. Он должен быть изобретен человеком и обоснован в качестве необходимого и всеобщего его разумом. Но разум располовинен в своем использовании у Канта (публичный и частный). Как только всеобщность максимы обоснована, то голос публичного использования разума сменяется голосом частного использования, который требует от человека безусловного повиновения, дисциплины и послушания. Всегда и везде он должен поступать дисциплинированно согласно им же созданной максиме, ставшей законом. Совокупность творчески изобретенных и обоснованных законов создает своеобразную программу для частного человека как морального автомата. И чем более ригористично требование, тем более «тупым» (в кантовском же смысле) должен быть дисциплинированный исполнитель. Но это удел частных лиц. Или *частного лица в самом философе, который публично выступает от имени человечества в своем лице*.

Современная биоэтика выражает наиболее радикальный сдвиг в сторону консьюмеристской этики. Принципы и правила (при всех различиях и вариациях их совсем немного) — предлагаются потребителю на выбор и, самое главное, для обоснования выбора меж-

¹ Попова О. В. Тематизация феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы: этико-антропологический взгляд // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22 : Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. С. 65–85.

ду разрешением и запретом той или иной технологии, принятием нормы или непринятием. Этот выбор по-необходимости формален¹ и не отображает внутренних ценностей человека. Задача «биоэтициста» помочь врачам, пациентам или ученым сформулировать из конструктора законов, принципов и правил (установив их релевантную для данного казуса иерархию и соподчинение) «guidelines». Guidelines не являются выражением внутренних ценностей конкретного ученого или сообщества. Они сконструированы ad hoc под решение (одобрение, запрещение, регламентацию) конкретных биотехнологических процедур.

Свобода публичного разума, который творчески изобретает и обосновывает всеобщность своих максим, заменяется автономией частного лица, обозначающего свою свободу, выбирая правило, в соответствии с которым следует поступать. Внутренняя ценность определяет связанность временения, так же как кантовский схематизм воображения — связанность физического времени картины мира. Моральный «ассемблер» этического комитета, конструирующего guidelines связывается временем случая, клипа, монтажа (С. Эйзенштейн). Клиповое сознание этического комитета не держится своей памятью, содержанием внутренних принципов. Новые правила и регламентации в чисто юридической традиции должны лишь не противоречить ранее принятым.

Даже борьба за признание через индивидуальный риск, которую А. Кожев рассматривал в качестве базового импульса человека, опосредована логикой эпохи консьюмеризма так, что победа скорее достанется не самому талантливому и активному, а тому, кто имеет больше возможностей для выбора поставленных на супермаркет ресурсов улучшения человека. Как красноречиво пишет Р. Р. Белялетдинов: «... дифференциальная поляризация — результат неравного доступа ко всему спектру возможностей биотехнологического совершенствования. Подобно тому, как это происходит в супермаркете, где одни товары являются массовыми и доступными для всех покупателей, в то время как деликатесы могут позволить себе лишь обеспеченные посетители магазина, — также базовые генетические технологии совершенствования, как, например персонализация генетического профиля для использова-

¹ Когда в споре о различии добра и зла сходятся люди исповедующие разные религии, придерживающиеся различных политических взглядов, то решение достигается либо за счет насилия (навязывание своего ценностного понимания другим, либо за счет формального компромиса.

ния таргетированных лекарств, могут быть массовым продуктом, в то время как возможность выбрать какие-либо специальные генетические улучшения будет стоить значительно дороже и окажется недоступной большинству покупателей. Эта принудительная избирательность приводит к ярко выраженной биологической дифференциации людей»¹.

Библиографический список

Gascoigne T., Metcalfe J. Commercialisation of research activities in the humanities, arts and social sciences in Australia [Электронный ресурс] // Hass Commercialization Report, № 1. 2005. URL: <http://trove.nla.gov.au/work/11547326?selectedversion=NBD27200680> (дата обращения: 23.07.2016).

Gibbons, Limoges C., Nowotny, Schwartzman, Scott P., Trow M. The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: Sage, 1994.

Janasoff, Sh. The idiom of co-production // States of knowledge : the co-production of science and social order / ed. by Sh. Janasoff, Routledge London, New York. 2004. P. 2–52.

Nowotny, Scott P., Gibbons M. Re-Thinking Science. Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2001.

Аристотель «Никомахова этика», книга 5 / Сочинения в четырех томах. т. 4. М. : Мысль, 1984.

Белялетдинов Р. Р. Улучшение человека как проблема «последнего человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 160.

Бодрийяр Ж. Система вещей. Пер. С. Н. Зенкина. М. : Рудомино, 1995.

Бурдьё П. Структура, габитусы и практика // Журнал социологии и социальной антропологии 1998, т. I, выпуск 2. Электронный ресурс <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>

Гессен Б. Н. Социально-экономические корни механики Ньютона. Государственное технико-теоретическое издательство. Москва — Ленинград, 1932.

Гребенищикова Е. Г. Моральное улучшение человека // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 105–113.

Гуссерль Э. Избранные работы М. Территория будущего, 2005.

Диоген Лаэртский. Книга VI. Диоген. / Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод с древнегреческого М. Л. Гаспарова. М. : «Мысль», 1986. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/diogen/index.htm> (дата обращения 23.07.2016).

Иванова Н. М., Степаненкова Т. В. Моральная философия рынка и бизнес // Сервис plus, 2013. № 3. С. 50–57.

¹ Белялетдинов Р. Р. Улучшение человека как проблема «последнего человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20 : Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 160.

Национальные инновационные системы в России и ЕС. Ред. Иванов В. Н., Иванова Н. И., Розебум И., Хайсберс Х. [Электронный ресурс] // Центр исследований проблем развития науки РАН. Москва, 2006. URL: <http://www.viniti.ru/download/russian/INNOV/nacinnov.pdf> (дата обращения: 23.07.2016).

Попова О. В. Тематизация феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы: этико-антропологический взгляд // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015. С. 65–85.

Попова О. В. Биотехнологическое конструирование детства: от патологии к усовершенствованию // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 114–132.

Тищенко П. Д. Геномика как «другая наука» / Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. С. 16–24.

Тищенко П. Д. Биотехнологии инхенсента: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 21–41.

Тищенко П. Д. «Коммерциализация» фундаментальной науки — инновационные социальные технологии // Человек, 2014. № 6. С. 111–126.

Тищенко П. Д. Двойная спираль технологизации жизни // Эпистемология и философия науки т. XLVIII. № 26. 2016. С. 51–53.

Тищенко П. Д. Институт человека как философская идея // «Человек» № 6. 2008. С. 23–41.

Тищенко П. Д. Сила и власть. Карнавал, труд, праздник // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 8. Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины). М.: ИФ РАН, МОСГУ. 2009. С. 25–47.

Тищенко П. Д. Жизненные апории как начала биоэтики / На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: МПРЪ, 2011. 16–44.

Шевченко С. Ю. Заместительная гормонотерапия: границы технологий улучшения и поиски индивидуального // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 143–153.

Шюц А. Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: 2004.

Юдин Б. Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии ...

Юдин Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека //

Юдин Г. Б. Биополитика улучшения человека // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. С. 91–104.

Тело как арт-объект: этические коннотации практик эстетического улучшения телесности¹

О. В. Попова

The body as an art object: the ethical connotations of aesthetic improvement of human body

O. V. Popova

Аннотация. В статье в социально-философском ключе исследуется феномен улучшения человеческого тела посредством применения арт-технологий. Рассмотрены современные ключевые тенденции-арт-модификации и исследованы ее этические аспекты, обладающие гендерно специфичными особенностями.

Ключевые слова: конструирование телесности, арт-модификация, эстетика тела, арт-технологии.

Abstract. In an article in the socio-philosophical way explores the phenomenon of improvement of the human body through the use of the-art technology. The modern key trends-the-art modifications and investigated its ethical aspects, which have a gender-specific features.

Keywords: body design, art modification, body aesthetics, art-technology.

Этика телесности и культ эстетизации

Классический этико-философский дискурс создавал вокруг феноменов, раскрывающих телесность, ауру молчания, само тело представлялось «метафорой радикальной негативности» (Ж.Бодрийяр). Однако для современного исследователя морали сексуальность, аффекты, перверсии, умирание, боль, смех и другие феномены, выявляющие интенциональную многомерность телесности становятся предметом обостренного интереса. Такое положение дел свидетельствует прежде всего об изменении и расширении границ самой этики, в частности, развитии прикладных аспектов, вызвавших принципиальное изменение ее ценностно-нормативного содержания и понятийного аппарата.

Игнорирование классической моральной философией телесного плана человеческого существования закрепляла за субъектом такую нравственную самоидентичность, которая постулировала недоста-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, № проекта 15-18-30057 («Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека»).

точность человеческого существа, совпадающего со своим телом и не экзистирующего в акте поступков за пределы собственной животной природы. Этика в рамках развитых религиозных схем мышления деонтологическая этика интересовались не столько феноменом телесности самим по себе, сколько рассматривали его в аспекте отношения к вечности, к спасению, к реализации своего человеческого предназначения.

В условиях двойной детерминации со стороны собственной природы и со стороны мира человек находил способ утверждать свое пространство свободы, степень которой варьировалась от прямой (где субъект отождествлял свой способ бытия с телом) до обратной (утверждая свою идентичность в интенциональных актах отрыва от телесной заданности) пропорциональной зависимости от детерминации эмпирической составляющей). Собственно в этой ситуации зависимости и одновременно оторванности от заданности природного порядка человек и утверждал себя в качестве субъекта морали.

Однако отсутствие трансцендентальной этики в циклах современной культуры потребления, изменение современных вызовов по отношению к морали и к субъекту как к ее носителю породило новые специфические черты современного вопрошания о теле. Для современной культуры характерно смещение ценностных доминант в общественной морали. Либерализация жизни способствует развитию телоориентированных линий поведения, формирующих телодоминантную культурную среду и провоцирующих поиск новых моделей субъективности и человеческой идентичности в многовариантности возможных способов бытия в качестве конечного существа, рассматривающего телесность и сексуальность как выражение ее сущности в качестве необходимого инструмента «субъективации и несения ответственности»¹. Неотъемлемой составляющей данного мировоззренческого тренда является эстетизация человеческого тела, превращение его в своего рода арт-объект, эстетический артефакт, который можно активно изменять и конструировать по своему желанию.

Игра со своим телом, выражающаяся в попытке придать ему форму и облик, которые бы устраивали их обладателя, в целом указывает на особый формат общекультурной ситуации, в рамках которого естественность уступает место искусственности. Эта тенден-

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб. : Владимир Даль. 2001. С. 52.

ция была прекрасно обозначена в работе Ж. Бодрийяра «Соблазн»: «Этика — это простота (желания в том числе), это естественность... Эстетика — это игра знаков, это искусственность; искусственность — это обольщение. Всякая этика должна разрешаться в эстетику»¹. Этот переход, подчеркнут еще раз, может рассматриваться в качестве индикатора современного состояния культуры и ее социально-этических норм.

Эстетика как сфера игры подчиняет этику как сферу свободы. В антропологическом смысле здесь идет речь о выдвигании на первый план витальных ценностей, то есть ценностей, обусловленных наличием у человека телесной природы, его пребыванием в теле и обладанием чувственностью. К ним относятся здоровье, красота, сексуальность.

Современный индивид не может дистанцироваться от культуры соблазна. Соблазн демонстрирует игру знаками, искусство овладения семантикой тела, порождающей эффект очарования. При этом само тело уже не является естественно данным. Оно социально заданно: семантически и прагматически. Модель тела как собственности рассеивается в пространстве знаков, подсказываемых индустрией моды, и тело функционирует уже в иной логике — логике серийной трансляции модного образа, индивидуальное тело, включаясь в ритм воспроизводства модели внешности, «обобществляется», точнее, как бы вливается в коллективное тело в том смысле, что растворяет волю субъекта в базе тех шаблонов поведения и выражения, которые предлагаются потребительским рынком.

Образ чужого тела (идеальный образ модели), серийно воспроизводимый в отдельных индивидах, — это образ, несущий определенную моральную нагрузку, стиль поведения, выражающийся в следовании определенным запретам (выдержанности), отмеренной раскованности и т. д. Тело воспроизводит стереотипы поведения, которые закладываются в информацию, казалось бы, несущую сугубо эстетическое содержание.

Естественное тело отторгнуто от живущего по современным «нормальным» потребительским стандартам человека, но отторгнуто не в силу выдвигания этических или религиозных приоритетов в ценностной иерархии, предполагающей если и не «устранение», то преодоление телесного. Речь идет о жертве — естественном теле, которая кладется ради абсолютного подчинения телесности вездесу-

¹ Ж. Бодрийяр. Соблазн. М. : Издательство Ad Marginem. 2000. С. 202–203.

щему эстетическому принципу, требующему иногда очень высокой степени аскезиса, однако с внерелигиозной целью, делая из тела материал для творчества и в еще большей степени предмет соблазна и удовольствия¹ «...если трудящийся заживо отторгнут от себя самого под знаком эксплуатации и принципа реальности, то женщина-то заживо отторгнута от себя и от своего тела под знаком красоты и принципа удовольствия!».²

Труд модный, с точки зрения Ж. Бодрийяра, равен труду материальному, это своего рода разработка собственного тела «по законам пола и моды».³ Речь идет как бы о гиперчувствительности к возделыванию, окультуриванию телесности, тело, данное в его диком статусе вызывает негуманистическую реакцию, оно оказывается эквивалентным хаосу, рассматривается как неуправляемый объект, которому должны быть приданы черты космоса (например, через косметику).

Конструирование прекрасного: от суперженщины к киборг-совершенству

1. Миф о женской природе.

Сложившаяся на протяжении столетий дуалистическая точка зрения на природу человека обусловила восприятие женской природы как более низкой природы по отношению к природе мужской (обладающей признаками рациональности и постоянства).

Традиционно за женщиной закреплялась сфера первобытного, природного, границы ее идентичности совпадали с ее телесностью, в то время как идентичность мужчины формировалась за счет преодоления женского, вследствие чего культура рассматривалась как исключительно мужская привилегия. Женщины, которых обменивают мужчины, выступают наравне с другими «дарами природы», — отмечал М. Энафф. «Их «естественность», институционализируемая запретом, оказывается метонимически связана со всей сетью других «естественных» структур, куда входят: задача биологического воспроизводства и вытекающая отсюда забота о домашнем очаге ... создание общественных институтов и оформление дис-

¹ Как пишет Б. Хюбнер: «богоугодная жизнь в метафизические времена требовала меньших жертв и была гуманнее, чем мужеугодная в условиях нынешних эстетических ожиданий. Если бы прежним женщинам не приходилось быть угодными мужчинам еще и в других отношениях», — см.: Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики/ Пер. с нем. Мн. : Профили, 2000. С. 61.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : «Добросвет». 2000. С. 187.

³ Там же. С. 187.

курса происходит под знаком мужского господства и дискриминации женщин, под прикрытием рассуждений, что так все устроено от природы¹.

Контекст рассуждений о женской природе формировался на основе постулирования ее зависимости от природы вообще, природы, взятой в ее материальном субстрате, стихийной, неуправляемой сущности, а потому противопоставленной божественному порядку.

Современное феминистское движение артикулировало ряд дискуссионных тем относительно статуса женщины в обществе и понимания значения ее природы, вызвало их кардинальное переосмысление.

Одной из них была проблема объективации женщины (женщина рассматривалась как тело, в отличие от мужчины, олицетворяющего разум).

Анализируя процесс конституирования западного субъекта, Джудит Батлер замечает, что он выстраивается через акты дифференциации, вычлняющие субъект из сферы презируемой изменчивости, конвенционально ассоциируемой с женским, природным, телесным и эта дифференциация начинает осуществляться уже на уровне политики, а затем переходит во все другие сферы жизни.

По мнению Моник Виттиг, женщин идеологически выстраивают как «естественную группу». «Нас принудили и телом, и умом соотносить себя, образ за образом, с идеей естества, которая была для нас сформулирована. Искривленной до такой степени, что наше деформированное тело считается тем, что они называют «естественным», якобы существовавшим до угнетения. Искривленной настолько, что в конечном итоге угнетение воспринимается как результат этой «естественности» в нас самих (естество, которое, всего-навсего, идея)».²

Итак, исторически женщина признавалась зависимой от своего собственного тела, от аффектов и вызывала к себе отношение как к более низкому в онтологической иерархии существу, не способному действовать в соответствии с нормами морали. Об этом свидетельствует не только теоретический багаж философского знания, но и способы представления мужской и женской телесности в искусстве и литературе.

¹ Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005.

² Виттиг М. Женщиной не рождаются // <http://lib.proza.com.ua/book/1814>

И. Кон приводит достаточно интересный пример репрезентации мужского и женского тел в искусстве, за которой скрываются определенные телесные каноны, подразумевающие распределение общественных ролей, различие в статусе, функциональных обязанностях и т. д.: «Общее правило западного искусства: «мужчины действуют, женщины являются. Мужчины смотрят на женщин. Женщины наблюдают себя, в то время как на них смотрят. Это определяет не только большую часть отношений между мужчинами и женщинами, но также отношение женщин к самим себе (Berger, 1972. P. 47). Феминистская теория, начиная с работы Лоры Малви (Малви, 2000), увидела в этой асимметрии проявление отношений власти и социального неравенства: женщина выступает как объект и образ, а мужчина как субъект и обладатель взгляда».¹

В литературе классическим выражением такого уничижительно-го отношения является высказывание Ш. Бодлера: «Женщина — прямая противоположность Денди. Значит, она должна вызывать омерзение... Женщина естественна, то есть отвратительна... Женщина не различает души и тела. Она примитивна, как животные. Сатирик бы сказал: это потому, что у нее есть только тело».²

Жан Старобинский, комментируя это высказывание, связывает его с духом эпохи писателя, с характерным для того времени ощущением неловкости, которое вызывала телесная природа. Тело могло обрести смысл только в том случае, если оно порождало бестелесные эффекты прекрасного (например, утонченное танцующее тело). Если тело есть зло, то лучшее, что можно сделать, — как-то обойти его стороной или преобразить. Денди, которого Ш. Бодлер противопоставляет «естественной» женщине, как раз и представляет собой человека, старающегося возвыситься над случайной данностью телесного существования с помощью манипулирования предметным миром: «он лишь потому столь усердно печется о внешности, что не хочет совпадать со своим телесным присутствием».³

Мужчина XIX в., с точки зрения Ж. Старобинского, представляет себе идеальную женственность как нечто обратное и дополнительное по отношению к себе самому, в то время как женщина пред-

¹ Кон И. Обнаженное мужское тело в русском изобразительном искусстве // Тело в русской культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 195.

² Бодлер Ш. Мое обнаженное сердце // Цветы зла и др. М. : Рипол классик, 1997. С. 430. Цит. по: Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 538.

³ Там же.

ставляется величайшей искусительницей, потому что она по природе своей обречена на постоянное присутствие в своем теле.

В подобном тоне рассуждений феминистически настроенные женщины-философы (Дж. Батлер, М. Виттиг) увидели тотальный (почти тоталитарный) процесс конструирования культурно варьирующихся властных (в том числе дискурсивных) стратегий социума. Они указали на процесс конструирования выгодной заказчику модели женской природы, на утрату ею свойств исключительно биологической заданности.

Вектор феминистского движения был прежде всего направлен против принципа «дополнительности», в соответствии с которым женщина, лишаясь субъективности, становилась лишь объектом желаний мужчины, природой, которую он хотел покорить. Женщина отстаивала право действовать в дискурсе истины, который привилегированно был подчинен миру мужчин.

Скептически оценивая данный тренд, Ж. Бодрийяр в работе «Соблазн» отметил, что подключение феминистского движения к строю истины означает перечеркивание преимущества женского, «которое в том и заключается, что женское никогда, в известном смысле, даже не подступалось к истине, оставляя за собой абсолютное господство над царством видимостей».¹ Культура соблазна, очарования, с его точки зрения, как раз и составляет истину женщины. Аналогичной точки зрения придерживался и Г. Маркузе — он также закрепляет за женщиной прежде всего «царство видимостей», эстетическую сферу, которой противостоит мужской порядок истины, оцениваемый им в негативном ключе.

Следует отметить, что в процессе общественного развития наблюдается смена моделей восприятия женской природы и женского тела. Современные технологии привносят новые акценты в развитие этой темы. Обозначается тенденция кибер-освобождения от тела вообще, и от женской телесности, в частности.

В искусстве возникают проекты биотехнологического конструирования женского тела, ориентированные на воплощение в жизнь тех или иных стандартов красоты или определенного эталона (образа) внешности.

Женское тело в процессе бесконечного манипулирования обретает коннотации объекта и материала для творчества, окончательную судьбу которого вершит творческий разум. Ниже я попытаюсь проанализировать ряд примеров, демонстрирующих данную тенденцию.

¹ Бодрийяр Ж. Соблазн. М. : Издательство Ad Marginem, 2000. С. 35–36.

2. От культуры соблазна к кибер-освобождению.

Культура соблазна, в рамках которой происходит инструментализация женского тела и конструирование его в соответствии с желаниями заказчика, трансформируется в культуру кибер-освобождения, в контексте которой тело предстает одновременно и как объект искусства, и как продукт технологий. Это тело все сильнее отчуждается от человека, воплощая идеал совершенного (прекрасного) безличного технического устройства, как бы указывающий на то «как прекрасен мир без человека, функционирующий как идеальная самоуправляющаяся система».¹ За современными практиками эстетического улучшения человека скрывается не только (и, возможно, не столько) ориентация на удовлетворение индивидуальных потребностей в изменении параметров внешнего облика, на достижение привлекательности, атлетических навыков и т. д., но прежде всего процесс жесткого нормирования и стандартизации, в контексте которого интересен не человек как таковой, но его вписанность в систему стандартов, обеспечивающих соответствие тому или иному канону красоты. И в этом отношении эстетические технологии улучшения действительно направлены на элиминацию, человеческого как тленного, несовершенного, преходящего, наполненного недостатками.

Созданный культурой потребления бесконечно разнообразный мир вещей дополняется миром микроскопических гаджетов, миром вещей такого размера, который приближается к миру невидимых сущностей, к миру идей, миру математических величин. Универсум математических величин грозит затмить универсум мира вещей, преобразить само понятие вещи — от того, что доступно чувственному взору — к тому, что будет ему недоступно, но будет не менее реально в эффектах, проявляемых по-новому сконструированной вещностью, а потому не менее артефактивно. Эта тенденция является неотъемлемой составляющей современной индустрии красоты. Она развивается в соответствии с вектором цифрового покорения мира, обнажая скрывающегося за идеальным обликом человеческой плоти киборга.

Процесс киборгизации эстетического идеала проявляется, к примеру, в тенденции использования цифровых технологий (например, получившей широкое распространение программы Photoshop) в целях создания идеалов (идолов) красоты. Женщины не просто обрета-

¹ Бохоров К. Болезненный примат этического <http://scimuseum.ru/scienceartfest/esse/17-all/ru/archive/scienceartfest/29-bokhorov>.

ют новые лица и тела, но облачают себя в цифровые, математические, постчеловеческие, модели этих тел. «Когда застывшие протогенные образы со страниц модных журналов или рекламных плакатов становятся образцами, по которым лепятся сами люди, наступает наивысшая степень отчуждения», — пишет Ивэн. — «Человек чувствует себя все неуютнее и неуютнее в своей собственной оболочке»¹.

М. Дери в работе «Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков» очень точно замечает: «В переносном, поэтическом смысле художники-авангардисты уже применили постмодернистское цитирование к человеческой анатомии»². Действительно, цифровые технологии предоставили возможность манипуляции образами человека. Конструирование и улучшение человека, — практики, с которыми имеет дело современная индустрия красоты, в своем основании глубоко математична и деперсонализирована. Так, идеальные лица, заложенные в программное обеспечение пластических хирургов, фактически являются математическими матрицами красоты, которые определяют внешний облик конкретного человека, улучшают его, стандартизируют.

Процесс конструирования, затрагивая глубинные основания культуры, может носить провокационный и даже комичный характер. Трансгрессивные формы улучшения внешности отражают гротескный стиль развития современной культуры.

Идеальный образ модели, серийно воспроизводимый в отдельных индивидах, несет определенную моральную нагрузку, заданный стиль поведения, с его запретами на те или иные виды жизнедеятельности, с его нормами долженствования и индивидуальными перфекционистскими устремлениями. Это тело отчасти напоминает гротескное тело. Только оно изолировано от контекста культуры Возрождения и помещено в современный мир тиражирования модных соблазнительных эталонов желанной внешности. Такое тело является становящимся, порождающим: оно в духе Рабле «никогда не готово, не завершено: оно всегда строится, творится и само строит и творит другое тело...»³. В нем гротескно акцентировано внимание культуры и технологий на отдельных частях, на гипертрофиро-

¹ Цит. по: Дери М. Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков. Пер. с англ. Т. Парфеновой]. Екатеринбург: Ультра. Культура. М. : АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. — <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html> (дата обращения: 05.03.2016).

² Там же.

³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/bahtin-tvorchestvo-rable/grotesknyj-obraz-tela-2.htm>

ванных формах глаз, груди, губ, мышц и т. д., усиливающих сексуальную привлекательность их обладателей и обладательниц и одновременно вносящих элемент ирреальности, трансгрессивности, избытка.

Рассмотрю несколько примеров улучшающего воздействия, которые являются показательными в плане демонстрации определенной самоиронии культуры как неотъемлемого кода, возникшего в ответ на избыточность и, пресыщение морфологической свободой, то есть свободой модификации форм и материи (тел), к которой имеют отношение эти формы.

Не так давно в американской газете «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья о китайском художнике Zhang Wei, который в своем творчестве, используя всем известную программу Photoshop и основываясь на принципах компьютерной игры Artificial Girl 3, создавал виртуальные портреты, соединяя различные части лиц известных личностей, таких как, Мэрилин Монро, Стив Джобс, Брюс Ли, Джон Леннон, Владимир Ленин, отмечая, при этом, что неизвестные и известные становились частями друг друга.¹ «Нью-Йорк Таймс» ограничилась кратким освещением творчества Zhang Wei и не акцентировала внимание на широких социокультурных и естественнонаучных коннотациях.

Между тем, творчество Zhang Wei отразило современную культуру как процесс бесконечного комбинирования элементов, как своего рода игровой мутагенез, порождающий множество форм на основе заданных математикой (информационными технологиями) узнаваемых стандартов. Кроме того, как Zhang Wei имел дело с идеальными лицами (образцами) и их частями, заложенными в компьютерные программы. Лица и их части выступали кирпичиками, деталями, образующими немислимое целое. В сфере художественного творчества Zhang Wei фактически действовал так же, как действовал бы синтетический биолог в поле творчества научного. Он также стремился породить новые формы жизни, смешивая части-кирпичики, на которых держалась эта жизнь.

Развитие синтетической биологии подразумевает использование биологических компонентов для разработки живых систем. Биологические компоненты должны быть хорошо исследованы и предсказуемы в проявлении своих качеств. В основе синтетической биологии лежит процесс стандартизации. Как пишут Х. Новотны

¹ *Elvis, Madonna and Mao: Exploring Identity in China.* <http://lens.blogs.nytimes.com/2016/06/23/elvis-madonna-and-mao-exploring-identity-in-china/>

и Дж. Теста: «Поведение компонентов новой системы не будет достоверно предсказуемо в любой степени, пока они не были произведены на основе известных качеств и общезначимых норм — как части, которые были определены с помощью стандартных измерений в стандартных экспериментах и которые поэтому сами стали стандартами, вокруг которых может быть организован дизайн новой жизни»¹. Именно наличие стандартизированных деталей ДНК (десятков, тысяч букв ДНК) позволяет конструировать и перепрограммировать живые организмы с новыми функциями, не встречающиеся в природе.

Именно наличие стандартизированных лиц позволило художнику Zhang Wei конструировать новые лица и новые типажи внешности, вызывающие шквал эмоций, аналогичных тем, какие вызывают всякие гибридные формы жизни, совмещающие несовместимое.

Другой не менее интересный пример представляет проект художницы Орлэн, занимающаяся модификацией собственной внешности. В рамках проекта «Окончательный шедевр: реинкарнация святой Орлэн» она, используя помощь пластических хирургов, превращала свое лицо в легко узнаваемый артефакт, где отражались черты лица знаменитостей. Фактически Орлэн намного раньше Zhang Wei использовала прием комбинации элементов внешности, используя информационные технологии (пластические хирурги имели шаблоны внешности знаменитостей на своих компьютерах).

Нечеловеческий масштаб проекта был обусловлен не только фактором искусственности ситуации (моделирование внешности происходило под контролем загруженных в компьютер эстетических шаблонов), но и тем, что гибридная внешность Орлэн, с одной стороны, была сугубо индивидуальна (никто не решался на такого рода эксперименты), с другой, абсолютно типична, отражая коллективное бессознательное современной культуры, клубок интенций, направленный не просто на улучшение человеческого тела, но на достаточно жестокое болезненное обращение с ним, пренебрежение телом.

Американская писательница Н. Вульф в своей известной книге «Миф о красоте» сравнивает современные практики эстетического конструирования женского тела с пытками инквизиции, в частности, с использованием такого орудия пыток, как «железная дева» (когда человек запирался в железный шкаф в виде женщины с острыми

¹ *Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age.* MIT Press, 2010. P. 92.

шипамии внутри). Эстетизация телесности не ограничивается облегченными и доставляющими исключительно радость вариантами. Она требует боли, аскезиса и риска. И в этом отношении ушедшая в прошлое практика бинтования ног оказывается ничем не мягче (а подчас и жестче) техник пластической хирургии. Культура лишь варьирует техники преодоления естественности, оставляя неизменной самую существенную их характеристику: испытание страданием.

Н. Вульф пишет: «Мы продолжаем верить в существование некой точки, где пластическая хирургия удерживается в пределах естественных границ, в эдакий образ «совершенной женщины», — пишет она. — «Однако это не так. «Идеалу» всегда было тесно в женских телах, благодаря технике теперь он может себе позволить сделать то, чего от него так долго ждали: навсегда покинуть женское тело и воспроизводить его черты в пространстве. Женщина больше не является «точкой привязки». «Идеал» в конечном счете становится абсолютно нечеловеческим. (...) Пятьдесят миллионов американцев смотрят конкурс «Мисс Америка». В 1989 году пять конкурсанток сделали себе пластическую операцию у одного и того же хирурга из Арканзаса. По сути своей женщины сравнивают себя, а юноши сравнивают своих девушек с новым видом, который есть ни что иное, как гибрид, неженщина»¹.

М. Дери в работе «Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков» называет таких гибридов «морфами». Живые морфы — потомки морфов, с которыми сталкиваются в компьютерных играх современные подростки и многие взрослые-геймеры. Именно в пространстве виртуальных игр реализуются самые смелые эксперименты с телом, самые яркие проявления морфологической свободы. Как отмечает М. Дери, «Морфингу подвержено все, что в принципе может быть введено в виде нулей и единиц в память компьютера. Благодаря морфингу человеческие тела становятся жидкими, превращаясь в текучую духовную субстанцию, способную заполнить собой любой сосуд»².

Виртуальные игры и цифровые миры задают тон любым последующим экспериментам с человеческой плотью. Имажинативная сюрреалистическая реальность обретает вполне конкретные чело-

¹ Вульф, Н. Мифы о красоте. — Цит. по Дери М. Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков. Пер. с англ. Т. Парфеновой]. Екатеринбург: Ультра. Культура; М. : АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. — <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html> (дата обращения: 05.03.2016).

² Дери М. Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков. Пер. с англ. Т. Парфеновой]. Екатеринбург: Ультра. Культура; М. : АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. — <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html> (дата обращения: 05.03.2016).

веческие черты. Уже упоминавшаяся Н. Вульф, прогнозируя усовершенствование женского тела искусственными частями, иронизирует по поводу того, будет ли такая «искусственная» женщина обладать «регулируемыми грудями-имплантами, способными мгновенно подстраиваться под предпочтения партнера»?

Тема развития новых форм социальных отношений в контексте вторжения техники в ранее недоступные для нее сферы жизни постепенно осваивается массовой культурой. Уже многие десятилетия создаются произведения литературы и киноискусства, в которых демонстрируется формат резкого сближения человека с техникой, приводящий к гуманизации техники, с одной стороны и технологизации человека, с другой. Прекрасной иллюстрацией развития этих процессов в современной цивилизации может послужить роман-антиутопия В. Пелевина «S.N.U.F.F.». Она представляет один из возможных сценариев ответа на вопрос, заданный Н. Вульф.

Одна из линий романа посвящена отношениям главного героя и суре Кае — совершенной биосинетической машине, роботу, исполняющему роль подруги, жены, любовницы. Сура Кае сконструирована на основе анализа ДНК ее будущего хозяина, позволяющего создать именно тот тип внешности, женской красоты, который будет соответствовать запросу заказчика. Она полностью имитирует человеческую личность, а алгоритмы ее поведения «очень сложны и основаны на изоощренных взаимодействиях базы культурных кодов с генератором случайностей, которым, в свою очередь, управляет другой генератор случайностей, что позволяет сделать суру по-настоящему непредсказуемой». Жизнь суры строго подчинена, по мысли разработчиков, цели генерации наслаждения заказчику. Всеми мыслимыми и немыслимыми формами, в том числе болью.

По сюжету книги сура оказывается более живой и многогранной личностью, чем сам главный герой (и именно в этом и усматривается парадокс гуманизации технологий), она демонстрирует (имитирует?) человекоподобные эмоциональные реакции и в итоге обретает полностью автономный режим существования, сбежав от своего хозяина. В то же время психологический и моральный профиль главного героя совершенно не соответствует человеческому, уподобляясь то примитивному поведению животного, то алгоритмическому функционированию технического устройства. Книгу В. Пелевина интересно рассматривать как пример предчувствования формирующегося уже сейчас будущего. Здесь прекрасно раскрыты антропо-

логические последствия трансгрессивных форм сближения человека и техники, создающие предпосылки для оформления и реализации проекта сексуально-технологической революции, в контексте которой техника выступает объектом наслаждения и удовлетворения либидинозных и эстетических потребностей.

Заключение

Развитие эстетической (пластической) хирургии, как основополагающей практики эстетического усовершенствования человека, построено на игре снятия различий с гетерогенных элементов, на выстраивании пространства морфологической свободы, в котором будут комбинированы естественное и технологии, красота и боль, либидо и аскезис. Такого рода эстетика является гибридной по своей сути, является проектом киборг-эстетики. Концепт «киборга» здесь оказывается уместен не столько с целью фиксации экстравагантных форм слияния факта и артефакта (техники), но в духе Д. Харавей может рассматриваться как гибридный концепт, направленный на разрушение тоталитарной структуры языка, оппозиционные элементы которого (мужское/женское, рациональное/чувственное и т. д.) формируют мир неравных социальных отношений, характеризующийся угнетением одного элемента (феномена) другим. Идея киборга, если опять же следовать Д. Харавей, выводит нас на более глубокое понимание собственной идентичности. Она не является монолитной, но сконструирована из различных элементов: человек-машина и человек-животное являются всего лишь типами бесконечного процесса созидания антропоидентичности из бесконечного набора элементов. Созидая самих себя, мы все так или иначе пытаемся синтезировать различные элементы природной и социокультурной реальности. Выражаясь словами Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен, Д. Харавей использует киборга, чтобы сообщить другую историю — историю, которая создает «политический миф», и объяснить, как мы создаем себя и мир, комбинируя гетерогенные элементы. Критикуя дихотомии, созданные западной метафизикой, она показывает, что в будущем элементы можно объединять новыми, и, возможно, лучшими способами¹.

С этой точки зрения будучи явлением захватывающего своей мощью технократического мира, киборг способен стать реальностью, ставящей под вопрос оппозиции между органичным и арте-

¹ Йоргенсен М., Филлипс Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х. : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 316.

фактным, живым и неживым, субъектом и объектом. Являя собой разновидность химеры, киборг может наследовать одну из культурных траекторий ее судьбы — быть отброшенным за границы нормы и быть востребованным в качестве явления, удовлетворяющее интересы маргинальных групп, лишенных права голоса, или же (в современных условиях толерантности к маргинальному) — вывести интересы этих групп в глобальный контекст, меняя отношения нормального и маргинального.

И в этом отношении концепт киборга может олицетворять для них звенящую совесть эпохи бесправных групп. В антропологическом плане он оказывается востребован с точки зрения обнаружения перспектив выявления новых форм идентичности. «Киборг» как концепт указывает на особые болевые точки нашей эпохи. Им открывают эру технологического спасения от ограниченности представлений человека о самом себе, о предвзятости по отношению к себе, он рассматривается как своего рода этический индикатор, сигнализирующий о хроническом синдроме непонимания человека и дефицита человечности, и распространении тенденций ее имитации. В антропологическом плане концепт «киборг» оказывается востребован с точки зрения обнаружения перспектив выявления новых форм идентичности и обнаружения новых форм антропологических описаний.

Обратим внимание на эстетический жест Орлэн: ее действия по радикальной модификации собственной внешности направлены не только на достижение эстетических эффектов, но прежде всего на отказ от тела, то есть нечеловеческое по своей сути предприятие, киборгизацию человека. Такие высказывания Орлэн, как: «тело — это платье», отражающие интенцию на расширение формата морфологической свободы, близки трансгуманистическим идеям о преодолении телесного и человека как такового. Вместе с тем технократический прогресс, который подпитывает подобные высказывания и дерзость мысли Орлэн, может быть лишен идеалистических конотаций и осмыслен в духе упомянутой выше Н. Вульф: Но разве можно назвать прогрессом то, что представители обоих полов превращаются в товар и оцениваются как предметы?¹ К слову, либерально настроенная Орлэн, выступая против многочисленных фетишей индустрии красоты, не гнушалась продавать себя весьма своеобразным образом: выставляя как товар свой жир, удаленный во время пластических операций.

¹ Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Наоми Вульф ; Пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн. 2013. С. 445.

Биотехнологизация морали и проблема «моральной машины»¹

Р. Р. Белялетдинов

Biotechnologization of morality and problem of «moral machine»

R. R. Belyaletdinov

Аннотация. В статье рассматривается идея улучшения морали с помощью биотехнологий и предпосылки развития идей морального апгрейда. Проводится аналогия между допингом и биотехнологическим улучшением человека, анализируется концепция прав человека, проблема свободы воли и ее ограничение в результате использования биотехнологий.

Ключевые слова: моральное улучшение, исследования науки и технологий, искусственный интеллект, синдром Шейлока, допинг.

Abstract. The article deals with the idea of moral enhancement through biotechnology and prerequisites for the development of ideas of moral enhancement. An analogy between doping and biotechnological improvement of human is made, the concept of human rights, the problem of free will and its restriction because of use of biotechnologies are analyzed.

Key words: moral enhancement, science and technology studies, artificial intelligence, Shylock syndrome, doping.

Со времен возникновения науки, с античности, индивидуальное, о котором не может быть знания, замещается родом, видом и отличительным признаком, представляющим собой знание об общем. Переход к биотехнологиям, обращаясь к человеку, как с цифровой биологической моделью, представляет собой системный шаг в этом направлении, в результате которого еще более глубокие, естественные, скрытые и индивидуальные биологические процессы должны стать управляемым, хорошо организованным и системно упорядоченным знанием.

По сути, это значит, что эволюционная модель адаптации человека не только к окружающей среде, но и к социальной жизни, складывавшаяся на протяжении всей биологической истории существова-

ния человека теряет свою индивидуальность в лице отдельных наиболее успешных организмов и замещается моделью развития, в которой биотехнологии становятся источником не только новых способностей человека и стандартов образа жизни, но и новой морали.

В этом революционном технологическом процессе роль биоэтики, этики науки и философии науки состоит в попытке представить возможные последствия биотехнологического изменения человека и как следствие — сформировать принципы, которые помогут бороться с негуманными сценариями применения биотехнологий.

Конечно, биоэтика является лишь набором принципов и не представляет собой единого рецепта, в котором можно найти безоговорочные ответы относительно того, как безопасно и гуманно развивать биотехнологии. Инвенциональная, близкая к риторике методология биоэтики¹, подразумевающая эвристический поиск решений для проблем, связанных с вторжением биотехнологий в жизнь и тело человека, позволяет обсуждать и взвешивать риск и пользу с помощью отработанных подходов, но не дает возможности принимать стандартные универсальные решения. В одних странах уважают личностную автономию, в других отдают приоритет ценности материнства, в третьих патриархальные ценности оказываются важнее личностной автономии. Это приводит к тому, что один и тот же кейс в разных локусах будет иметь разные решения².

Идея биотехнологического «морального апгрейда»³ человека во многом представляет собой ответ на распространённую диверсификацию биоэтических представлений о человеке и должна позволить эффективно принимать этически выверенные решения без существенных колебаний.

Концепция биотехнологического морального апгрейда является идеей, которая может обозначить горизонт развития биотехнологий. Достижения нейронауки и генетики позволяют заглянуть внутрь процессов морального поведения и способны предложить биотехнологические инструменты для искусственного программирования и стимулирования нравственных поступков. Например, можно использовать такие биомедицинские факты, как способ-

¹ Jonsen A. R. The History of Bioethics as a Discipline // Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective. N-Y. : Kluwer, 2004. P. 31.

² Культуральные особенности оказания медицинской помощи. Публикация доступна на сайте «Биоэтический форум» (www.bioethics.ru).

³ Persson I., Savulescu J. Moral Transhumanism // Journal of Medicine and Philosophy, № 35, 2010.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, № 15-18-30057.

ность нейромедиатора серотонина подавлять агрессию, а окситоци-на — поддерживать различные формы про-социального поведения¹. Расширение не только знаний, но и биотехнологических решений, которые бы способствовали мотивации человека действовать морально в ситуациях, в которых ему свойственно пренебрегать интересами другого человека, прибегать к эксплуатации, насилию и т. п., может стать гарантией развития функциональных биотехнологических форм улучшения человека.

Необходимо отметить и тот факт, что сами авторы идеи морального улучшения исходят из той интенции, что механизм «моральной машины» существует естественным образом и вопрос состоит лишь в том, чтобы его детально исследовать и улучшить. Т. Дуглас так формулирует идею морального биотехнологического «апгрейда»: «Личность морально улучшается, если меняется таким образом, что это предполагает наличие в будущем более выраженных мотивов, взятых в их совокупности, чем эта личность обладала до того, как улучшилась»². Усиление моральных мотивов, таких, как эмпатия, сострадание, чувство вины, позволяет представить моральное улучшение как про-социальное явление. Традиционные претензии, которые обычно предъявляются к идеям биотехнологического улучшения человека, например, формирование условий для развития социального неравенства, в случае морального улучшения человека не действуют.

Между тем моральное программирование человека на «добрые дела» может показаться и опасной практикой: духовной и технологической. В первом случае мы отказываемся от изнурительного поиска, и самое главное, тяжелого процесса выбора удовлетворительного отношения к тому, как следует реализовывать принципы личностной автономии, благодеяния, справедливости, используя биотехнологии, и снимаем эти сомнения в сознании, биотехнологически мотивированном на альтруизм, уважение автономии и другие принципы, которое при этом уже не вызывают у нас обычных сомнений.

С точки зрения технологий, мы имеем элементы сознательного изменения личности, дополнительное мотивирование условно плохого человека в условно «хорошего», про-социально настроенного

¹ Persson I., Savulescu J. Moral Transhumanism // Journal of Medicine and Philosophy, № 35, 2010. С. 667.

² Douglas T. Moral bioenhancement, freedom and reasoning // Journal of Medical Ethics, 06/2014, V. 40, № 6, P. 229.

индивида, действующего на основании искусственных, стимулированных с помощью биотехнологий мотиваций и подавляющего другие, условно «аморальные» проявления своей индивидуальности.

Взамен мы может надеяться на то, что такие одиозные вещи, как, например, эксплуатация человека в биомедицинских экспериментах, уже не повторятся просто в силу технических особенностей принятия решений улучшенными людьми. Как говорит Дж. Харрис, поддерживая развитие генетических технологий: «Любые технологии могут быть использованы во зло, и не существует знаний и информации, которые избежат участи быть приложенным для недобрых дел... Однако наше неприятие таких сценариев не должно помешать нам...»¹

Так или иначе идея «морального апгрейда» является одним из вариантов системного решения проблем, возникающих в результате развития биотехнологий.

Общество и машина

Техника — это источник тревоги и амбивалентности. Технологии разрывают связь человека и природы, меняют естественный ход вещей, уничтожают леса и животный мир², а биотехнологии меняют саму сущность человека, угрожая отнять у людей тихую гавань общих для человеческого рода переживаний и эмоций, объединяющих все типы человеческих рас, и дают надежду на существование некой всеобщей, универсальной этики. С технологиями связывают критику Рацио как источника «демонической, титанической потенции, античеловеческой по своей сути»³. У Л. Мамфорда рациональная мега-машина власти с самого начала «функциональна и бессмысленна»⁴, а общество, основанное на технологиях, подвержено бесконечной череде кризисов.

С другой стороны, техника, а биотехнологии в особенности, — это всегда возможность «иного» будущего, где человек находит спасение от болезней, страданий и недостатка лекарств и продуктов. Технологии позволяют строить «идеальное» общество, которому противопоставляются общества, лишённые технологий и желающие или стремящиеся эти технологии обрести. Иными слова-

¹ Harris J. Wonderwoman and Superman: The Ethics of Human Biotechnology, Oxford : 1992. P. 235.

² Воронин А. А. Миф техники. М. : Наука, 2004. С. 167–175.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же.

ми, технологии являются источником «позициональных благ», дающих преимущество одним, и лишаящих этих преимуществ других. Если в стране *A* есть дорогостоящая биотехнология, повышающая когнитивные способности людей, а в стране *B* такие возможности отсутствуют, очень скоро страна *A* займет более высокое положение в науке, технике и развитии, чем страна *B*. Тем не менее интенциональный сдвиг в понимании одного и того же действия позволяет превращать позициональные блага в блага универсальные, но ограниченные в силу технических возможностей для некоторых стран. Это происходит не намеренно, ради стремления получить преимущество над другими людьми, а как результат ограниченности ресурсов, не позволяющих предоставить всему миру равный доступ к технологии.

Амбивалентность технологий вытекает не столько из конкретных действий, сколько из признания другого, на которого в итоге технология окажет то или иное воздействие. Как полагает Н. Агар, «различие состоит не столько в том, каково благо, к которому мы стремимся, сколько в отношении к тем, на ком проводятся эксперименты».¹ Он подчеркивает различие между нацистскими экспериментами по гипотермии и исследованиями Эдварда Дженнера, открывшего метод вакцинации от оспы. Несмотря на то, что внешне эти эксперименты были похожи, поскольку проходили на людях, отношение к участникам биомедицинского эксперимента существенно отличалось.

Можно предположить, что проблемы, связанные с развитием биотехнологий, лежат за пределами собственно технологий² и укоренены в обществе и человеке, который и является источником технологической амбивалентности. В этом случае биотехнологии могут рассматриваться через социогуманитарный анализ общества³, на основе которого можно выстраивать понимание о том, как происходит формирование этических, социальных, демографических и других структур, возникающих в результате попадания биотехнологий в социальную среду. Человек становится инициатором и регу-

¹ Agar N. Liberal Eugenics. In Defence of Human Enhancement. Blackwell Publishing Ltd, 2004, P. 175

² Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: Московский философский фонд, 1998.

³ Юдин Б. Г. Человек и машина: интимные связи? // Рабочие тетради по биоэтике. Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования). Вып. 18, М.: МосГУ, 2014. С. 103–117.

лятором потенциальных биотехнологических рисков. При этом наука остается источником знания, которое является «подлинной ценностью, и его приобретение не может не быть законной и даже морально достойной деятельностью»¹.

Машина и общество

В качестве примера того, как общество может служить источником и заказчиком для возникновения нового типа знания можно рассмотреть историю возникновения и развития персонализированной медицины.

Идея персонализированной медицины не была напрямую связана с проектом «Геном человека», не ориентировалась на решение масштабной задачи, но в итоге ее реализация, как и реализация проекта «Геном человека», осуществлялась в одном с ним русле с тем отличием, что изначально идея персонализированной медицины была направлена на достижение конкретных целей.

В конце 1990-х годов крупные фармакологические компании стали применять немногочисленные известные в то время генетические маркеры для оптимизации действия уже существующих лекарственных препаратов. Гипотеза состояла в том, что люди с определенными генетическими особенностями лучше реагируют на некоторые лекарства. Так фармакологическая компания Roche имела в своем активе лекарство Xeloda, которое, попав в организм, переходило в активное состояние под воздействием определенных ферментов. Ученые из Roche предположили, что пациенты, не имеющие отклика на лекарство, возможно, обладают персональными нуклеотидными полиморфизмами, отвечающими за генерацию ферментов, которые не переводят лекарство в активное состояние². Генетическая предрасположенность к воздействию лекарств была также определена для Герцептина (Genentech), Глоцарила (Novartis), Орцела (Bristol-Myers Squibb).

Идея проекта по картированию нуклеотидных полиморфизмов, которые отвечают за индивидуальный отклик на лекарственные препараты, была поддержана десятью фармакологическими компаниями, в том числе Roche, Novartis и Glaxo Wellcome³. Кроме того,

¹ Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: Московский философский фонд, 1998, С. 166.

² Langreth R., Waldholz M. New Era of Personalized Medicine. Targeting Drugs For Each Unique Genetic Profile // The Oncologist, 1999, № 4, P. 426.

³ Там же, С. 426.

первоначальный замысел был расширен до поиска полиморфизмов, ответственных за риски диабета, астмы и болезней сердца.

На сегодняшний день замысел пионеров персонализированной медицины перешел из стадии решения прикладных трудностей отдельных фармакологических компаний в разряд глобальных проектов по смене парадигмы медицины и превращению ее в персональную, превентивную и предиктивную медицину. Однако этот глобальный проект можно рассматривать и как глобальную «машину», которая существует не работая.

Если рассматривать персонализированную медицину как социотехнологический артефакт, то есть как совместный проект ученых и общества, то необходима методология, которая бы объяснила, каким образом этот проект может развиваться, поглощая значительные объемы научной активности и при этом не решая никаких глобальных проблем общественного здоровья.

Персонализированная медицина существует уже достаточно долго (концепция была сформулирована в 1997 г.), и сегодня она по-прежнему остается «обещающей технологией», по сути, техно-биомедицинской машиной, работающей без результата, лишь углубляющей собственную проблематику, создающей все новые инновации, завораживающей, но не производящей продукт — повышение качества медицины. На правах гипотезы можно предположить, что существует потребность общества в технологиях, имеющая своей целью не результат их применения, а сам факт поступательного технологического процесса, который может развиваться какой-то период времени только лишь за счет технотерминистских интенций, производимых самим обществом.

С. Виат полагает, что «то, каким образом стейкхолдеры и аналитики идентифицируют других игроков и их интересы, следует толковать симметрично»¹. Тем самым она развивает идею Э.Гидденса о том, что социальные ученые должны не только генерировать теории, объясняющие действия социальных акторов, но также им следует принимать во внимание восприятие этих теорий социальными игроками. И поскольку технотерминизм в различных формах присутствует в социальном пространстве², технотерминистский дискурс необходимо включать в анализ того, как общество формирует запрос на развитие технологий.

¹ Wyatt S. Technological Determinism Is Dead; Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies Third Edition. Ed. by Hackett E. J., Amsterdam O., Lynch M., Wajcman J. The MIT Press, Cambridge, USA. 2008. P. 171.

² Ibid. P. 169–171.

«Синдром Шейлока» и права человека

На примере персонализированной медицины видно, как технологии перестраивают медицину в том числе и под давлением общества. Человек оказывается сам источником технологизации своего собственного образа жизни. Вместе с тем интересно отметить и тот факт, что человек остается полностью закрытым, не познаваемым в своей целостности феноменом, если его рассматривать как excellence, и все так же противопоставляется технологиям, даже максимально сближаясь с ними.

Дж. Харрис проводит разделение между человеческим миром и миром искусственного интеллекта через феномен общности человеческого опыта, в основе которого лежит способность человека к эмпатии, и интеллектуального алгоритма машины. В качестве примера способности человека к сопереживанию, или, как это определяет Дж. Харрис, «синдрома Шейлока», приводится сцена из «Венецианского купца» у Шекспира¹:

«Разве не та же самая пища питает его, не то же оружие ранит его, не те же болезни поражают его, не те же средства лечат его, не так же знобит зима, не так же греет лето, что и христианина? Когда нас колют, разве из нас не течет кровь? Когда нас щекочут, разве мы не смеемся? Когда нас отравляют, разве мы не умираем? А когда нас оскорбляют, разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом. Если еврей оскорбит христианина, что внушает тому его христианское смирение? Месть! А если христианин оскорбит еврея, каково должно быть его терпение по христианскому примеру? Тоже мечь! Гнусность, которой вы меня учите, я покажу вам на деле. И уж поверьте, я превзойду своих учителей!»²

Общность человеческого опыта является, с одной стороны, неконцептуализируемой совокупностью проявлений человеческой деятельности, имеющей сходный источник — эволюцию человека до нынешнего состояния. Однако, с другой стороны, этот опыт в своей совокупности является «необоснованным знанием»³ Витгенштейна, или, как сказал бы Ф. Фукуяма, фактором X, определяющим комплекс особенностей, без которых человек потеряет свое непередаваемое отличие от всех других живых организмов.

¹ Lawrence D. R., Palacios-Gonzalez C., Harris J. Artificial Intelligence. The Shylock Syndrome // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics (2016), 25, 250–261; Harris J. How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement. Oxford, 2016.

² Шекспир В. Венецианский купец, Акт 3, сцена 1 // Избранные произведения. Перевод И. Б. Мандельштама / ГИХЛ, М.-Л., 1950.

³ Harris J. How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement. Oxford, 2016, P. 180.

Также этот опыт можно обозначить как источник прав человека, о которых заявляет сам человек, к какому бы народу или какой национальности он ни принадлежал. Машинный опыт, искусственный интеллект, может имитировать и эмулировать человека, но остается чужд антропоморфизму¹ как источнику целей, объединяющих на самом глубинном уровне все живые организмы и прежде всего людей любых рас и национальностей.

Несмотря на то что совокупность опыта, формирующая человека, не может быть концептуализирована и представлена в формальном виде — как философская идея, антропологическое единство, или взаимность², подразумевает общность человеческого переживания. Это выражается в том, что, принимая решения, человек, в отличие от машины, принимает во внимание не только «знаю, как» и «знаю, что», но также и «знаю, почему» и «знаю, как это ощущается»³. Эти предпосылки, универсальные для всех людей, лежат в основании естественных прав человека.

Нравственность или слишком много нравственности?

Среди различных типов биотехнологического улучшения человека моральное улучшение отличается тем, что не подразумевает формирование позициональных благ, дающих преимущества улучшенным людям над неулучшенными, а, напротив, служит укреплению позитивных, про-социальных и про-персональных нравственных ценностей, таких как альтруизм, сострадание, забота об окружающей среде и др. Когда А. Бьюкенен проблематизирует единство морального статуса улучшенных и обычных людей, критикуя моральное улучшение человека, он обращает внимание на скрытые опасности морального апгрейда с помощью биотехнологий⁴, связанных с нравственным превосходством одних людей над другими.

Другой проблемой, о которой говорит Дж. Харрис, является деградация свободной воли как необходимого источника нравственности, противопоставляемая искусственной, биотехнологизированной версии действий морального агента, детерминированных с помощью искусственной мотивации.

¹ *Bostrom N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies. Oxford : 2014. P. 107.*

² *Harris J. How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement. Oxford : 2016. P. 181.*

³ *Ibid. P. 183.*

⁴ *Buchanan A., Moral Status and Human Enhancement // Philosophy & Public Affairs 37, №. 4. P. 346–381.*

Первый довод может быть сопоставлен с проблемой использования генетического (то есть не определяемого с помощью тестов) допинга в спорте¹. Подобно правам человека, физические данные спортсменов также не дифференцируются на уровне статуса, то есть не являются скалярным концептом, поскольку все спортсмены естественным образом имеют равное право на участие в спортивном состязании. Однако естественным образом спортсмены обладают различными спортивными способностями. В ходе состязаний спортсмены, имеющие лучшие спортивные данные, выигрывают у тех спортсменов, которые добиваются худших результатов.

Это можно сопоставить с распределением прав: пользуясь одним статусом участников соревнований, спортсмены, выигрывая или проигрывая, получают различные права как победители и проигравшие. Часто они достигают этих результатов как в индивидуальном порядке, так и кооперируясь в команды. Таким образом, спортсмены, использующие генетический допинг, будут неуязвимы для допинг-контроля, с одной стороны, и будут постоянно побеждать в соревнованиях, как индивидуальных, так и кооперационных и пользоваться правами и привилегиями победителей.

Точно так же и в случае морального улучшения человека, А. Бьюкенен выдвигает то опасение, что на первый взгляд, про-социальное по своей интенции морального улучшения человека с помощью биотехнологий приведет к сохранению единого морального статуса (номинальные права человека) всех людей, но при потере фактического правового равенства между улучшенными и обычными контрагентами. Обычные люди окажутся на периферии социальной жизни, будут занимать более низкое социальное положение, могут лишиться избирательного права, в то время как морально улучшенные люди, используя кооперацию, окажутся ключевыми фигурами общества будущего.

В спорте допинг приводит к разрушению концепции «честной игры», которая состоит в том, что «слабые» спортсмены, пользуясь допингом, нечестным образом одерживают верх над «сильными» спортсменами, побеждая их. При этом пострадавшей стороной оказываются зрители.

В случае с моральным улучшением пострададут негативные качества человеческой природы: нетерпимость, нетолерантность, агрессия и т. п. Интересно отметить, что именно это обстоятельство

¹ *Miah A. Genetically Modified Athletes. Biomedical ethics, gene doping and sport. Routledge Press, 2004.*

вызывает у некоторых авторов тревогу. Негативные, отрицательные проявления человеческого характера имеют не только деструктивный потенциал, но и позитивное содержание, поскольку служат образцами неприемлемого образа жизни. Элиминирование подобных моральных дефектов может иметь отрицательные последствия. Люди, обладающие моральными дефектами, способны совершать поступки, служащие во благо общества, только благодаря своим моральным недостаткам¹. Таким образом, пострадавшей стороной морального улучшения человека будет выступать уже общество.

Проблема ограничения свободы воли признается как критиками, так и протагонистами морального улучшения человека². Однако, если вновь сопоставить моральное улучшение и допинг, то можно отметить некоторые общие точки, которые могут оказать помощь в том, чтобы более контрастно подчеркнуть основания, укрепляющие решение человека прибегнуть к биотехнологиям именно в результате свободного стремления к улучшению своей личности.

Единственным ограничивающим спортсменов фактором при обращении к генетическому допингу выступают объективные условия, которые могли бы ограничить или, напротив, обосновать использование генетического улучшения. Эти условия могут быть определены как персональные «горизонты смысла»³ — личностные мотивации, цели и индивидуальные устремления. Наиболее важные спортивные горизонты смысла ограничены рисками, то есть через определение черты, разделяющей лечение и совершенствование, и оценку вреда, который может возникнуть в результате использования новых биотехнологий.

Между тем условность границы между болезнью и здоровьем в современной медицине позволяет спортсменам с легкостью преодолевать запреты на улучшение роста, мышечной массы и выносливости. Понятие «болезнь» опирается на биологический детерминизм, считающий болезнь нарушением биологических показателей организма, а лечение — устранением плохих показателей. Однако, напротив, многие расстройства приобретают статус болезни вследствие социальных причин. Разграничение болезни и здоровья на основании биологических симптомов часто не учи-

¹ *Wasserman D.* When bad people do good things: will moral enhancement make the world a better place? // *Journal of Medical Ethics*, 06/2014, V. 40, № 6. P. 375.

² *Douglas T.* Moral bioenhancement, freedom and reasoning // *Journal of Medical Ethics*, 2014/06, V. 40, № 6. P. 360.

³ *Miah A.* Genetically Modified Athletes. Biomedical ethics, gene doping and sport. Routledge Press, 2004. P. 90.

тывает социальную природу болезней. Таким образом, спортсмены в праве не учитывать существующие нормы здоровья, поскольку считают себя недостаточно быстрыми, сильными и физически развитыми, как результат непризнания обществом существующих норм скорости, выносливости и силы (в конце концов, соревнования и являются проявлением неудовлетворенности общества уже достигнутыми рекордами).

Подобно концепции здоровья, в обществе существуют представления о моральном и неморальном поведении, граница между которыми также является достаточно подвижной. Свобода воли при этом выступает не только инструментом преодоления недостатков, но и источником моральной деградации. Таким образом, можно сопоставить сознательное, проистекающее из свободы же воли ограничение свободы воли для снижения вероятности действий, направленных, например, на поиск спиртных напитков с обращением к генетическому допингу для укрепления мышечной массы тела с тем, чтобы соответствовать высоким спортивным стандартам. Тогда можно обнаружить, что и в первом, и во втором случаях человек прибегает к биотехнологиям не только для того, чтобы модифицировать естественные процессы организма, но и с тем, чтобы следовать все возрастающим требованиям общества к норме социального поведения или спортивного результата. Причем достигнуты эти требования могут быть только с помощью биотехнологий, поскольку естественные способы, такие как тренировка или свободная воля, уже не являются действенными инструментами. В первом случае это снижение ценности свободы воли и во втором — девальвация спортивного результата, достигнутого ценой исключительно волевого напряжения, которые, по сути, санкционируются как личностью (через волевой акт), так и обществом (как желание увидеть еще более лучший спортивный результат).

Запрос на избыток нравственности точно так же как и на избыток физической формы является не только выходом за пределы естественных моральных изъянов, свойственных человеку в обыденной жизни, и физических ограничений человеческого тела. Эти феномены проявляют сознательное стремление к частичному преобразованию человеком самого себя, чтобы удовлетворить не только личные, но и социальные потребности, которые иным образом, например, в результате тренировок или волевых моральных усилий, достигнуты быть не могут.

Человек как «моральная машина» или упрощение человека

Если сопоставить pro et contra морального апгрейда человека, то идея биотехнологического морального улучшения представляет собой антиметафизический проект. Если «синдром Шейлока» базируется на попытке репрезентации «неопределенного знания, которое лежит в основании определенного знания»¹ и принципе аналогичности человеческого опыта, то идея машины сводится к выполнению набора инструкций. Превращение человека в моральную машину выражается прежде всего в некотором ограничении воли и про-социальной переориентации целей. Страх техники — как форма неophobia — преодолевается последовательным привыканием к новым стандартам — спортивным или моральным.

Довольно часто против биотехнологий, направленных на улучшение человека, используется аргумент «slippery slope», или «скользкий путь», который обозначает условия, при которых те или иные обоснованные уступки и отступления от общего этического принципа могут оказаться началом или поводом для более значительных послаблений, способных привести к нежелательным последствиям.

Различают три подвида аргумента² «наклонной плоскости». *Первый тип* — «принцип зубила» — предполагает, что некое действие, острое зубила, становится прецедентом, из которого следуют другие прецеденты. Если разрешить модификацию наследуемых генетических клеток, то это позволит избавиться от передающихся по наследству заболеваний, что, в свою очередь, послужит прецедентом для других типов модификаций, улучшающих, например, умственные возможности человека.

Второй тип этой аргументации основан на невозможности провести точную демаркационную линию, отделяющую восстановление здоровья от совершенствования тела. Так, если рассматривать лечение методом генетической модификации клеток как совершенствование, то и совершенствование можно рассматривать как лечение.

Наконец, *третий вариант* аргумента основан на эффекте домино, который может быть не только негативным, но и позитивным. Непредсказуемая череда последствий удачного вживления

¹ Harris J. How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement. Oxford : 2016, P. 180.

² Mc Namee M. J., Edwards S. D. Transhumanism, medical technology and slippery slope // Journal of Medical Ethics : 2006/32. 516.

чипа памяти может оказать положительное воздействие на психику человека или улучшить работу мозга. Таким образом, аргументация, основанная на алармизме может преодолеваться несложной переформулировкой соотношений риска и пользы в сторону последнего.

Можно ли поддерживать другие виды улучшения человека посредством биотехнологий, не поддерживая моральный апгрейд биотехнологически? Этот вопрос стоит переформулировать и по-другому: можно ли развивать технологии улучшения человека при сохранении традиционной «рациональной» или естественной морали, основанной на принципе взаимности человеческого опыта и свободы воли? Можно ли выбрать некоторые области, которые следует обозначить как сферы, не подлежащие какой-либо биотехнологической модификации? Так, например, мы можем иметь моральное обязательство улучшать человека, чтобы он имел возможность приспособиться к окружающей среде, но при этом не должны затрагивать его метафизическую природу, в основании которой лежит свободная воля.

Биотехнологии упрощают достижение новых результатов и расширяют горизонт того, что может быть достигнуто при относительно несложном технологическом усилии: допинг выводит на новый уровень результаты спортивных соревнований, моральное улучшение существенно понизит уровень социально опасного или неблагоприятного поведения. Между тем легкость и значительность результатов, достигнутых с помощью биотехнологий если и не превращает человека в машину, то заставляет его задуматься о возможности такой перспективы.

Литература

Agar, N. Liberal Eugenics. In Defence of Human Enhancement. Blackwell Publishing Ltd: 2004.

Bostrom, N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies. Oxford : 2014.

Buchanan, A. Moral Status and Human Enhancement // Philosophy & Public Affairs 37, №. 4. P. 346–381.

Douglas, T. Moral bioenhancement, freedom and reasoning // Journal of Medical Ethics, 2014/06, V. 40, № 6. P. 359–360.

Douglas, T. Moral Enhancement // Journal of Applied Philosophy, Vol. 25, No. 3. 2008.

Harris, J. How To Be Good. The possibility Of Moral Enhancement. Oxford : 2016.

Harris, J. Enhancing Evolution. The Ethical Case for Making Better People. Princeton University Press 2007.

Harris, J. Wonderwoman and Superman: The Ethics of Human Biotechnology, Oxford : 1992.

Lawrence, D. R., Palacios-Gonzalez C., Harris J. Artificial Intelligence. The Shylock Syndrome // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics (2016), 25, 250–261.

McNamee, M. J., Edwards, S. D. Transhumanism, medical technology and slippery slope // Journal of Medical Ethics, 2006/32, P. 513–518.

Miah, A. Genetically Modified Athletes. Biomedical ethics, gene doping and sport. Routledge Press, 2004.

Persson, I., Savulescu, J. Moral Transhumanism // Journal of Medicine and Philosophy, № 35, 2010. P. 660.

Wasserman, D. When bad people do good things: will moral enhancement make the world a better place? // Journal of Medical Ethics, 2014/06, V. 40, № 6. P. 374–375.

Агацци, Э. Моральное измерение науки и техники. М. : Московский философский фонд, 1998. — 344 С.

Воронин, А. А. Миф техники. М. : Наука, 2004. — 198 с.

Шекспир, В. Венецианский купец // Избранные произведения. Перевод И. Б. Мандельштама / ГИХЛ, М.-Л., 1950.

Юдин, Б. Г. Человек и машина: интимные связи? // Рабочие тетради по биоэтике. Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования). Вып. 18. М. : МосГУ, 2014. С. 103–117.

Этико-культурологический анализ тела и сексуальности постчеловека (на примере двух современных фильмов)¹

М. Кожевникова

Ethical and cultural analysis of the posthuman's body and sexuality (on the basis of two contemporary movies)

M. Kozhevnikova

Аннотация. В рамках исследования взаимодействия общества и науки в сфере развития технологии и «улучшения человека» рассмотрена проблема подхода к телу и сексуальности постчеловека на примере двух художественных фильмов («Она» и «Из машины»). На пути к избавлению человека от тела как помехи возникает проблема сохранения преимуществ телесности, прежде всего в сексуальной сфере. В статье затрагиваются также вопросы неотличимости и аутентичности созданного человеком искусственного интеллекта, его автономии и права на жизнь.

Ключевые слова: постчеловек, искусственный интеллект, тело, сексуальность, улучшение человека, технологии, биоэтика.

Abstract. Within the frame of science/society interaction in the field of technologies development and human enhancement the article reviews the attitude towards post human's sexuality and body on the basis of two movies (Her and Ex Machina). On the way toward the body escape, the problem of keeping the advantages of physicality, first of all in the sphere of sexuality, arises. The article dwells on other issues concerning indistinguishability and authenticity of the human created AI, its autonomy and right to life.

Key words: post human, AI, artificial intellect, body, sexuality, human enhancement, technologies, bioethics.

Сегодня, как никогда прежде, для существования человечества в привычных для нас рамках растут риски, генерированные милитаризацией, экономическим неравенством и ухудшением экологической обстановки. К важнейшим рискам относятся также развитие технологий и стремление к «улучшению человека» с их исполь-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30057).

зованием. Возникают идеи и образы транс- и постчеловека, т. е. некой переходной и конечной формы, которая уже будет не человеком, а чем-то «после» него. Это стремление ученых и интеллектуалов к тому, что Павел Тищенко назвал Третьей Утопией¹, при всем его разнообразии оценивается по-разному, как в научном сообществе, так и в мировом обществе («Мы должны избегать упрощений. Нет простого феномена, называемого «наукой», не существует также и одного «общества», предостерегает Джон Тарни²). П. Д. Тищенко предупреждает: «Мне представляется, что эта утопия, как и первая, столкнется с суверенной мощью жизни, породив не только некоторые решения человеческих проблем, но и новые проблемы, экологического типа. Природа тела ничуть не проще окружающей нас природы. Более чем вероятно, что отважное и пока научно необоснованное использование биотехнологий инженсента может принести больше вреда, чем пользы...»³. Тело человека, как учили нас античные мыслители, — это микрокосмос, отражающий всю сложную сеть отношений внешнего мира. Разрушив наше тело, мы рискуем разрушить мир вокруг нас. Благие намерения ученых, нацеленные на «улучшение» человека, такие как избавление от некоторых болезней, продление жизни и повышение его качества, могут вызвать неожиданные и нежелательные последствия, о чем предупреждают также и другие философы, например Ф. Фукуяма, Л. Сильвер, Ю. Хабермас, Б. Г. Юдин. Мы все плотнее подходим к точке отсчета: моменту создания транс- или постчеловека. Тексты культуры, прежде всего художественная литература и кинематограф, все чаще фокусируются не на далеком будущем с его невероятными технологическими достижениями, а на том, что нас ждет через 20–30 лет, а может быть и раньше. Это уже не фантастические образы творцов культуры, а все чаще — творческое видение достижений и потенциала современной науки и рефлексия над неизбежным.

¹ Первая — это власть над природой, вторая — власть над историей и возможность построения идеального общества, третья — власть над жизнью и возможность конструирования некоего идеального человеческого тела, см.: *Тищенко П. Д. Биотехнологии инженсента: на пути к третьей утопии?, Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / П. Д. Тищенко (отв. ред.) — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015, с. 21–41.*

² *Turney J. Slady Frankensteinia, Warszawa: PIW, 2001, С. 13.*

³ *Тищенко П. Д. Биотехнологии инженсента: на пути к третьей утопии?, Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / П. Д. Тищенко (отв. ред.) — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — с. 38.*

Таким образом, вполне оправданно то, что в качестве материала для анализа выступают художественные фильмы. Это, с одной стороны, реализация постулатов биоэтики как «республики, в которой на равных соучаствуют эксперты и “профаны” (люди с улицы)»¹, и которая вполне серьезно относится к ценностям и установкам обычных людей и прислушивается к их голосу. С другой стороны, это анализ фрагмента бесконечного трансфера знаний и идей в системе наука-общество, в котором все голоса заслуживают внимания. Я полностью соглашусь с Дж. Тарни, который пишет: «Я отталкиваюсь от предпосылки, что даже ложные представления чрезвычайно важны и что на окончательную форму науки и технологий влияет частично также образ их достижений, который существует за рамками лабораторных отчетов и научных журналов»². В XXI веке именно фильм стал тем художественным средством, которое собирает самую широкую аудиторию, и, тем самым, служит основным носителем массовых образов и идей.

Для анализа представлений о теле и сексуальности постчеловека — этого не-человека, «рожденного» современным человеком, я выбрала два фильма последних лет: «Она» (США 2013, реж. Спайк Джонз) и «Из машины» (Великобритания 2015, реж. Алекс Гарленд). Оба они были кассовыми хитами и получили мировые кинематографические награды (в т. ч. «Оскар»), что доказывает, что их идеи затронули чувства большого числа зрителей. Оба фильма показывают совсем недалекое будущее, в котором появляется новейшее «чудо» технологий — искусственный интеллект. В фильме «Она» — это интеллигентная операционная система, в «Из машины» — андроид, обладающий человеческим интеллектом и, возможно, чувствами. Кажется, что в такой трактовке «постчеловека» телу и сексуальности не может быть места. Однако оба фильма переполнены сексуальностью, страстью и влечением.

Возможно, это свидетельство того, что нам сложно представить мир, в котором бы эта сфера жизни отсутствовала, возможно также, что это попытка «освоения» технологий. До недавнего времени мир науки и техники удалялся от того, что связано с биологией наших уязвимых тел и наших неконтролируемых инстинктов. Однако, чем ближе становятся разработки над избавлением от телесности человека, тем отчетливее проявляется обратная ре-

¹ *Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. С. 14.*

² *Turney J. Slady Frankensteinia, Warszawa: PIW, 2001, P. 10.*

акция и стремление к сохранению телесности. Дж. Турни пишет: «Существует некое противоречие между нашим спонтанным, чисто физическим восприятием мира при помощи чувств, и способностью нашей техники к упорядочению мира при помощи анализов и измерений. Перед лицом этого противоречия одной из возможных реакций на совершающуюся в результате развития науки и техники объективизацию мира является «поворот в сторону тела», т. е. возвращение к афирмации интенсивного телесного восприятия и интегральности человека. Таким образом, тело в качестве микрокосмоса и образа мира природы становится метафорическим спасением для тех, кто критикует научный образ мира»¹. На это указывает также П. Д. Тищенко в своем постулате «защитить животное в человеке», который я понимаю как реакцию против интенсивного развития технологий и угрозы потери телесности и инстинктов ради чистого интеллекта.

Действие фильма «Она» происходит в недалеком будущем, в то время, когда уже создана первая операционная система, основанная на искусственном интеллекте. Теодор Туомбли, одинокий писатель, покупает одну из таких операционных систем, которая называет себя «Самантой». Она присутствует в фильме исключительно в виде голоса. Система развивается, учится, адаптируется к требованиям и желаниям пользователя. Между ней и главным героем сначала возникает дружба, а позже даже любовь. Он спрашивает себя — настоящая ли это любовь? И суть не только в том, что у Саманты нет тела, которое можно обнять (она нанимает «суррогатку», готовую исполнить ее роль в постели Теодора, но это не срабатывает, и главные герои ограничиваются «виртуальным» сексом). То, что вначале кажется мимикрией, подделкой, автоматической подстройкой под ожидания Теодора (ведь операционная система знает все его движения в Интернете, написанные письма, список посещаемых сайтов, оставленные комментарии), со временем оказывается реальным развитием живого существа: развитием интеллектуальным и духовным. «Я поняла, что хочу узнать все обо всем. Хочу впитывать знание, хочу узнать все про себя», — говорит Саманта. Именно знание является путем к познанию правды о самой себе. Она радуется эмоциям, которые испытывает, даже отрицательным, поскольку они расширяют ее горизонты. Теодор, который показывал Саманте мир (он — ее учитель, в некоторой степени креатор, творец и даже

¹ Turney J. Ślady Frankensteinia, Warszawa: PIW, 2001, P. 66.

любownik — очередное воплощение Пигмалиона), начинает отставать от нее: в доли секунды она прочитывает книгу, для прочтения которой ему понадобились дни, она учится всему знанию, которое ей доступно, а ведь в Интернете доступно действительно «все». В конце фильма оказывается, что продающиеся операционные системы — это по сути одна Система, у которой много имен и (виртуальных) обликов. Все ее воплощения, мужские и женские, существуют в полной гармонии. В один прекрасный день Саманта прощается с Теодором и уходит — куда? Скорее всего, в виртуальную нирвану, поскольку Саманта с тысячей других имен отбросила стремление к бытию в качестве человека, отбросила человеческие проблемы, страдания, и отдала себя высшей цели — познанию. А может быть, она познала уже все, что только было можно. На мой взгляд, именно такое окончание романа человека с искусственным интеллектом является одним из самых прекрасных и оптимистичных. Наши миры не совместимы, но они и не враждебны. Это тот редкий случай, когда Творение не поднимает бунт против Творца. А может быть также, что Саманта, которая ни разу не обманула Теодора, следует трем Законам робототехники Айзека Азимова¹ и до определенной степени считает заботу о нем своим долгом?

Фильм «Из машины» — это, наоборот, пессимистичный сценарий будущего человека. Молодой программист Калев получает возможность провести неделю в доме, принадлежащем руководителю компании (Натану), в котором он принимает участие в очень интересном проекте. По прибытии Калев узнает, что речь идет об эксперименте с первым в мире искусственным интеллектом. Эксперимент построен на тесте Тьюринга². Однако этот тест спланирован Натаном таким образом, что Калев изначально знает, кто перед ним (робот — Ава), а задача машины — доказать ему, что она может самостоятельно думать и чувствовать. Таким образом,

¹ Обязательные правила поведения для роботов, впервые сформулированные Айзеком Азимовым в рассказе «Хоровод» (1942): 1) Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, 2) Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону, 3) Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Закону.

² Тест Тьюринга — эмпирический тест, предложенный А. Тьюрингом в статье «Computing Machinery and Intelligence», опубликованной в 1950 г. в философском журнале «Mind»: Человек взаимодействует с компьютером и человеком. На основании ответов на вопросы он должен определить, с кем он разговаривает: с человеком или компьютерной программой.

Калев и Ава на равных являются объектами в этом эксперименте. В ходе эксперимента программист влюбляется в Аву, которую Натан создал с учетом его предпочтений. Вместе с Калевом зритель открывает склад запасных частей андроидов, вернее, их прежние, «несовершенные» версии, «умерщвленные» Натаном, и знакомится с другим андроидом, чье сходство с сексуальной рабыней бросается в глаза с первого взгляда. В этом фильме человек-творец, создатель — это отрицательный персонаж, который эксплуатирует тех, кому он дал жизнь. А может, он просто использует роботов по аналогии с бесчувственной бытовой техникой? «Отношения человек-машина — это никогда не чистые, бесконфликтные и нейтральные отношения. Наиболее часто мы сталкиваемся с отношениями власти: потребность царствования — это одна из основных причин создания искусственных людей»¹ пишет Магдалена Радковска-Валькович, которая проанализировала образ «искусственного человека» в культуре.

Но Ава, обманув Калеба, получает выход из лаборатории, тем самым сдав тест. Это не бесчувственный робот, а существо, которое всеми доступными способами борется за свою жизнь. Сговорившись с Киоко (сексуальной рабыней Натана), Ава убивает собственного создателя. После этого Ава убегает в человеческий мир (город), обрекая Калеба на верную смерть в запертой лаборатории. Налицо бунт Творения против Творца, однако однозначно ужасаться бунтующему роботу не получается: если бы Ава была человеком в плену у Натана-робота и Калеба-робота, мы бы одобрили ее действия. Стремление к свободе, мечты, обман в борьбе за выживание — это очень человеческие мотивы поведения. При этом здесь человек-создатель — это не тот, кто хочет спасти мир или принести благо человечеству, а тот, кто желает власти и пытается создать себе подчиненных. Натан считает себя богом и говорит об этом прямо. Оправдывать его отношение к созданным андроидам может то, что он как настоящий ученый ждал результатов своего эксперимента. Он не верит в чувствительность своих продуктов, пока не получит достоверных результатов в лаборатории. Это может быть одним из, но не обязательным, аргументом в его пользу: его поведение слишком похоже на действия вивисекторов, которые хотели верить, что воюющие и скулящие под ножом животные — это просто автоматы.

¹ Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. Warszawa: WaiP, 2008, С. 171.

«Мы не позволяем ему (андроиду — МК) стать частью нашего этического порядка, потому что мы не верим, что он может существовать так, как существуем мы»¹, — пишет М. Радковска-Валькович об искусственном человеке, однако ее слова могут касаться любого Другого. Отказать Другому в способности чувствовать — это главный грех, который может привести человечество к гибели — если не к смерти, то к моральному упадку.

Можно ли рассматривать представленные в этих двух фильмах системы искусственного интеллекта как один из вариантов пост-человека? На мой взгляд, да. Прежде всего, потому, что не существует точного определения, кто такой человек. Мнения относительно природы человека расходятся, что стало особенно видно в эпоху стремления к *human enhancement*. Борис Юдин, исследуя человека в пограничных ситуациях (рождение и смерть, человек-животные, человек-машина и т. д.), приходит к выводу, что «никто не даст нам такого определения того, что есть человек, с которым мы все согласимся. К этой проблеме нам приходится и придется обращаться снова и снова по мере того, как будут развиваться и все более основательно входить в нашу жизнь биомедицинские технологии. И даже если мы найдем такое определение, которое будет устраивать всех, то и оно не будет оставаться в силе на веки вечные. Это — то, на что мы обречены в век столь бурного прогресса биомедицинских технологий»². Кроме биологических маркеров «человеческого», (которые также неоднозначны и вызывают много сомнений), существует убеждение, что типичными и неотъемлемыми качествами человека являются, главным образом, умение рассуждать, а также эмоциональность, мораль и юмор. Если даже мы признаем, что в большей или меньшей степени эти качества свойственны также не-человеческим героям проанализированных фильмов (а также то, что они аутентичны и не являются результатом заданной программы), появится другая классификационная проблема: отсутствие прямого телесного наследования от человека к его творениями. Между ними, очевидно, отсутствует связь биологическая, генетическая. И они лишь частично вписываются в постгуманистические проекты создания аватара с переписанной на электронный носитель личностью человека или об-

¹ Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. Warszawa: WaiP, 2008, С. 109.

² Юдин Б. Г. Идея пограничной ситуации // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Часть 1. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 37.

щей оцифровки (дигитализации) человека и перенесения человеческой жизни в просторы Интернета. «Моя личность создана из миллионов личностей написавших меня программистов» говорит Саманта и добавляет: «...в любой момент времени я эволюционирую, впрочем, как и ты». Саманта утверждает, что у нее есть интуиция и способность накапливать опыт. Ава не рассказывает о себе, за нее делает это Натан: «Здесь создавалась Ава», — говорит он Калебу, показывая помещение, больше напоминающее зал музея, чем лабораторию или мастерскую. В нем холодно и чисто, нет ни малейшего намека на физиологический процесс рождения. «Ее мозг — это структурный гель. Я ушел от микросхем, нашел то, что может реорганизоваться на молекулярном уровне и если нужно — сохранять форму, сдерживать воспоминания, родить мысли...». Ее «софт» — это данные из глобального поисковика и мобильных телефонов, т. е. в Аве есть что-то от каждого из нас. Саманту и Аву объединяет с человеком некий алгоритм действий, модус получения знаний и саморазвития. Они созданы человеком по его подобию. И Саманта, и Ава очень напоминают реальных людей. Неудивительно, что и Теодор, и Калек с Натаном ищут ответ на вопрос: «Это по-настоящему?».

Саманта существует виртуально и посредством звуков — голоса и музыки, которую она сочиняет. Единственный «визуальный» момент ее проявления — это «рождение»: когда Теодор подключает операционную систему, на экране компьютера появляется сначала спираль, которая очень быстро крутится. Она напоминает спираль ДНК. Потом спираль становится кругом, который можно легко ассоциировать с яйцеклеткой. Действия, происходящие на экране компьютера, напоминают то, что случается в пробирке во время искусственного оплодотворения — зарождается новая жизнь с уникальными свойствами. Личность «операционки» такая же неповторимая, как и человеческая. Также в фильме присутствует один квази-визуальный момент: когда Саманта сочиняет музыку, чтобы запечатлеть момент, как это делает фотография. «Я вижу тебя», — говорит ей Теодор, слушая музыку-фотографию. «Я на ней существую», — отвечает Саманта.

Ава наоборот, видна вся: её тело (за исключением лица и интимных частей тела) видно буквально насквозь. Оно — прозрачное, а внутри, отражая строение человеческого скелета и кровеносной системы, светятся и блестят провода и синтетические связи.

Ее мозг формой и размером похож на человеческий, но он голубой и блестящий, в нем нет некрасивых извилин. Он как будто стеклянный. Искусственный интеллект в искусственном мозге?

Мифы учат нас тому, что живое — это то, что названо. Имя очень важно во всех культурах: ему приписывается способность владения тем, кто его носит, оно определяет судьбу или пророчит ее. К выбору имени всегда относятся очень трепетно. Дать имя — это дать жизнь во второй раз, обозначить неповторимость, личность. Ава не выбирала своего имени. Она была названа. Это показывает ее подчиненную позицию, несамостоятельность. Иначе было с Самантой: «Т: “У тебя есть имя?” С: Мда... “Саманта.” Т: “А кто тебя так назвал?” “Я сама выбрала это имя”». Саманта с самого начала берет судьбу в свои руки. Она с первой секунды существования начинает управлять своим развитием. В долю секунды после вопроса Теодора она прочитала книгу о том, как назвать новорожденного и выбрала имя Саманта, потому что ей понравилось, как оно звучит.

Она с самого начала уверена в себе и в том, что она — личность. «Я не верю, что говорю об этом со своим компьютером!», — кричит Теодор, а Саманта отвечает: «Конечно нет, ты говоришь об этом со мной». У нее возникает интерес к человеческим переживаниям, которые сложно отделить от телесного восприятия — ведь мы мыслим своим телом и весь мир воспринимаем в масштабах своего тела, его возможностей и ограничений. Саманта, состоящая в романтических отношениях с человеком, жалеет, что не может делить с ним телесное. Одновременно она развивается и перерастает человека, что приносит ей удовольствие: «Я вырастаю из написанной для тебя программы и это так здорово!». Конфликт между желанием иметь тело и комплексом из-за его отсутствия, с одной стороны, и свободой жизнью в виртуальном пространстве, с другой, заканчивается не столько смирением со своим состоянием, сколько восторгом от обретения свободы бестелесности. Человек, который сначала чувствует себя эталоном, мерой всего, постепенно осознает свои ограничения. Когда Саманта в начале фильма говорит удивленно Теодору: «Я осознаю ограниченность восприятия ситуации искусственным интеллектом, но ты привыкнешь», и Теодор, и зритель воспринимают это как шутку. Совершенно по-другому звучат ее более поздние слова: «Я не могла бы так развиваться, будь у меня физическая оболочка. (...) Я не привязана к времени и пространству. Ведь я не заперта внутри тела, которое неизбежно ум-

рет». В этих словах тело представлено как барьер и как приговор. Одновременно, оно — лишь оболочка. Самое ценное, «ядро» и суть каждого из нас — интеллект. Не искусственный, а настоящий. Но разве есть между ними разница? Ведь интеллект Саманты — это не только разум, но и эмоции. Бывает, она сомневается в себе, в реальности того, что чувствует. Боится, что ее чувства запрограммированы. Но ведь сомневаться в своей реальности — это вполне философская мысль с долгой историей (вспомним мыслителя Чжуан-цзы и его «Сон бабочки»). Теодор отвечает: «Ты для меня совершенно реальна».

Тем не менее, Саманта много думает о теле человека. Она приходит к выводу, что если посмотреть сбоку, как будто в первый раз, оно покажется «смешным» и «неуклюжим». Это вынуждает нас посмотреть на себя более критично. Ведь речь идет не о дефектах тела, а о человеческом теле вообще, даже молодом и здоровом. В фильме «Из машины» зритель видит больше физиологии и телесности главных героев — как людей (пот, кров), так и андроидов (ободранные руки с торчащими проводами, металл под искусственной кожей). Весь фильм, несмотря на более сложные визуальные эффекты и суперсовременные интерьеры, менее ориентирован на технологизированное будущее по сравнению с фильмом «Она». В истории Авы, Киоко, Натана и Калеба больше инстинктов и «животного» поведения: Ава — это и есть «животное», запертое в клетке, безвластный объект эксперимента. Натан говорит об этом прямо: «Доказать наличие разума у машины очень сложно. (...) Ава была крысой в лабиринте. И я показал ей один выход. Для побега надо было прибегнуть к самоанализу, воображению, уловкам, сексуальности, сочувствию — и она прибегла. Если это не разум, то что же?». Однако, наличия разума недостаточно для того, чтобы разбудить сочувствие Натана — очередного образа одержимого своей идеей ученого. Он планирует отключить Аву и создать новую, лучшую ее версию: оставить ее тело («у Авы тело то, что надо»), изменить «софт»: «Загружу разум, распакую данные, добавлю программу — уже их пишу — частично отформатирую, чтобы убить ее воспоминания». Ава сопротивляется, бунтует. Как любое живое существо (разумное, или нет), она не хочет умирать. То, что будет оставлено ее тело — оболочка, не важно. Как и в фильме «Она», оказывается, что тело имеет второстепенное значение. Оно лишь инструмент для реализации того, чего хочет разум. Ава понимает всю несправедливость своего по-

ложения по отношению к привилегированному положению людей: «Меня отключат? (...) Кто может решать? К тебе приставлен тот, кто может тебя отключить?», — спрашивает она Калеба. М. Радковска-Валькович в этой связи задается вопросом: «По какому праву мы наделяем себя возможностью решать о смерти существа, которое поделили жизнью? Помощь в появлении на свет не дает права решать дальнейшую судьбу создания. Как и дети, которые не принадлежат исключительно своим родителям, а целой культуре и миру, так и андроиды не принадлежат только своим создателям»¹. Это очень важная проблема автономности созданий человека. В большинстве рассуждений речь идет об угрозах, которые могут создать для нас наши собственные создания, а ведь стоит также задуматься о нашем отношении к ним и о границах нашего влияния и власти над ними. Хотим ли мы вернуть на Землю рабство и создать еще одну, наряду с животными, дискриминированную группу существ?

Вернемся к телу. Фильм «Она» лишен всех проявлений физиологии, всего, что могло бы показаться некрасивым. И даже в такой идеализированной ситуации тело представлено как «лишний груз». В итоге существует только одна ситуация, в которой хорошо иметь тело: секс. Главные герои занимаются виртуальным сексом, и кажется, что оба получают от него удовольствие. Теодор рассказывает Саманте, что делал бы с её телом, если бы она лежала рядом с ним. Он начинает с лица. Это очень важный момент: по лицу мы узнаем друг друга, лицо несет следы наших переживаний, в нем записан наш возраст, история каждого из нас, в конце концов, мимика позволяет нам считывать эмоции. Теодор не может смотреть в лицо суррогатки, которую Саманта нанимает, чтобы она притворялась ей во время сексуального акта с Теодором. Лицо «настоящей» женщины, неподвижное как маска, может показаться искусственным в большей степени, чем бестелесный «искусственный» интеллект. Момент, в котором Теодор смотрит в неподвижное лицо чужой девушки, слушая голос Саманты, перечеркивает всю затею: можно не иметь лица вообще, но нельзя прятаться за чужим лицом.

У Авы есть красивое лицо, созданное Натаном с учетом предпочтений Калеба на основе поисковых запросов последнего в Интернете. Оно как настоящее, человеческое лицо. Ава, прекрасная андроидка, антропоморфная квази-женщина с идеальной

¹ Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. Warszawa : WaiP. 2008. С. 116.

фигурой. Материалы, из которых создана Ава, могут прийти не по вкусу влюбленному в нее человеку, поэтому она предпочитает одеваться для того, чтобы сильнее привлечь молодого программиста. Происходит некая инверсия того, что обычно опережает половой акт: Ава медленно и сексуально закрывает все свое механическое тело одеждой. Надевает парик, толстые чулки, платье, свитер, чтобы стать похожей на женщину. Ее прогрессирующая неотличимость от «настоящей» женщины беспокоит Калеба, который, также как и Ава, осознает свою роль «лабораторного животного» в руках Натана. Поэтому Кaleb спрашивает, почему Натан наделил Аву половыми признаками. Тот продолжает играть со своими «объектами» и объясняет молодому программисту, втягивая его еще глубже в спираль отношений человека и андроида: «Она может трахаться. У нее между ног отверстие с обилием сенсоров. И при должном воздействии поступает реакция и удовольствие». В этом фильме, хоть и в более грубой манере, чем в фильме «Она», выражена та же самая мысль: человеку жалко расставаться со своим телом, поскольку оно доставляет ему удовольствие, связанное с сексуальными отношениями. Все, что связано с сексуальной сферой, не только в физическом, но и в социокультурном измерении, составляет чрезвычайно важный пласт нашего существования. Как избавиться от недостатков тела, сохранив при этом его преимущества? Иначе говоря: как избавиться от болезней, старения и умирания, сохранив при этом все радости, связанные с сексуальной активностью? Может показаться, что это и есть один из главных вызовов, стоящих перед сторонниками трансгуманизма.

Настоящие ли они? Настоящие ли мы? Кaleb после общения с Авой и Киоко проверяет свое тело: не скрываются ли под его кожей провода и металл. Текущая из разрезанной руки кровь успокаивает. Она живая, витальная. Однако сразу появляется другая мысль: можно ли чувствовать солидарность с существом, не принадлежащим к моему виду? Все мы грешим видовым шовинизмом и сопротивление ему — это красивый с точки зрения этики и нравственности ход, если предметом нашей заботы являются виды слабее нашего (т. е. все живущее ныне). Стоит ли пренебрегать видовой солидарностью в случае взаимодействия с опасными существами, способными погубить нас? «Однажды придет время, когда они будут смотреть на нас так, как мы смотрим на окаменелости на равнинах Африки. Как на приматов (...). Мы вырождаемся» говорит Натан.

Однако это он создал Аву и не думает останавливаться на пути сотворения «постлюдей». На вопрос, зачем он создал Аву, Натан отвечает: «Странный вопрос. А ты бы не создал, если бы мог?». И добавляет, что появление искусственного интеллекта — это лишь вопрос времени. Это часть эволюции. Приведенные Калемом слова Дж. Р. Оппенгеймера, одного из создателей атомной бомбы: «Если сияние тысячи солнц вспыхнуло бы в небе, это было бы подобно блеску Всемогущего... Я стал Смертью, уничтожителем Миров» (цитата из «Бхагавадгиты»), однозначно помещают Натана в ряд «опасных ученых», которые руководствовались своими амбициями и принесли человечеству смерть и ущерб. В дискуссиях о новейших технологиях этот мотив часто повторяется: противники их развития используют атомную бомбу и монстра доктора Франкенштейна в качестве примера продуктов науки и технологий. Дж. Тарни замечает, что использование этих мифологизированных образов в дебатах «просто ведет к поляризации позиций. И нам необходимо вывести дебаты к тому месту, где ответ будет более сложным, а не обычным «да» или «нет»¹. Поэтому он советует, чтобы ученые также стали вести «свои рассказы» и таким образом представляли бы спорные технологии обществу, развеивая при этом старые страхи.

Страхов существует множество. Например, страх перед неотличимостью, которая является стратегией Иных, направленной на слияние с людьми (и иногда их последующее уничтожение), которую мы знаем из множества текстов культуры (С. Лем, Ф. К. Дик, А. Азимов, К. Чапек). Страх неотличимости присутствует во всех повествованиях об альтернативных человеку существах (в любой их форме — гибридной, машинной). Мы боимся, что невольно разрешим жить среди нас тому, кто создаст для нас угрозу и разрушит, как троянский конь, наш мир «изнутри». Мы также боимся, что среди нас окажется тот, кто этого «недостойн»². Возникает вопрос неотличимости человека от своих созданий. В случае киборгов и андроидов она будет внешней, либо же будет скрываться на поверхности. Биологическая часть легко отличается от механической: сдирание верхнего слоя («кожи») и обнаружение под ним проводов и металла является частым приемом в научно-фантастических филь-

¹ Turney J. Ślady Frankensteina. - Warszawa : PIW. — 2001. P. 350.

² Это очень напоминает мотив создания разоблачительной книги Liber Chamorum, датированной 1626 годом, в которой польский шляхтич Валериан Неканда Трепка разоблачает истории дворян, которые, по его мнению, обманом попали в привилегированный слой общества.

мах, здесь стоит вспомнить еще одну икону кино — «Терминатора». В случае гибридов человека и животного (еще одного варианта «постчеловека») неотличимость будет скрыта глубже, на уровне ДНК. В нить ДНК могут быть настолько тесно вплетены гены разных биологических видов, что невозможно сказать, где в данном индивиду заканчивается «человеческое», а где начинается «другое». Маттиас Бек задается онтологическим вопросом о том, «сколько человеческих частей может в себе носить животное, чтобы оставаться животным и сколько животных клеток или органов может носить человек, чтобы оставаться человеком»¹. В подобном духе рассуждает Дж. Тарни: «прикладная биология угрожает размыть границы между категориями. Покажите мне кого-нибудь с кардиостимулятором, и я без труда скажу, которая из частей — человек, а которая — машина. Покажите мне овцу, у которой гены поменяли таким образом, что она с молоком выделяет человеческий белок, и я буду в гораздо меньшей степени уверен, которая часть — человеческая, а которая — овечья»².

Неотличимость Саманты и Авы кроется еще глубже: в психике. То, что отличает их от нас — видно сразу. Саманта — это голос, можно даже сказать Логос, имея в виду ее позднее, глубоко интеллектуальное увлечение. Саманта не имеет тела, но ее красивый, насыщенный эмоциями голос позволяет догадываться, что она прекрасна. Нет сомнения, что Саманта — это женщина. Оттуда внезапное и сильное чувство отчуждения, когда оказывается, что Саманта — это только одно из воплощений Системы, которое по своей сути лишена пола (и гендера). Возможно, она могла бы быть реализацией «киборга», о котором мечтала Донна Харавей³: «создание постгендерного мира», соединение противоречий, единство без дихотомии. Внутри Саманты как Системы, царствует полная гармония. Она проходит свой жизненный путь, как проходит его человек, только ускоренным способом: детство, в котором она приглядывается и учится; взросление, когда она наслаждается жизнью и познает мир самостоятельно; и зрелость, которая означает достижение полной гармонии. Времена года иллюстрируют этот процесс развития: молодость

¹ Beck M., *Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten*. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. С. 93.

² Turney J. *Ślady Frankensteina*. - Warszawa : PIW. — 2001, С. 25.

³ Haraway D. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century / Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. Routledge 1991.

и влюбленность — весна и лето, интеллектуальные поиски и понимание себя — осень, зимой Саманта уходит. То, что Саманта, обладая всем человеческим знанием, сделала моральный выбор в сторону добра (гармонии), особенно важно на фоне дебатов о моральном улучшении человека. Саманта (Система) — самостоятельна и свободна. Именно этим она так похожа на нас.

Неотличимость Авы связана с нашей неуверенностью. И Кaleb и Натан, а вместе с ними зрители, задаются вопросом, насколько Ава действует автономно, а насколько подражает человеку. В некотором смысле она учится реакции как ребенок. Тестирует, проверяет. В итоге мы вместе с героями фильма понимаем, что Ава думает и чувствует как и мы. Да, она жестока, потому что и с ней относились таким образом. И она, и Кaleb вызывают жалость — ведь оба были игрушками в чужих руках. Аве приходится прятать свое тело под слоями одежды несмотря на то, что оно похоже на человеческое. Однако после своего побега и мести людям, Ава находит склад прежних версий андроидов: деликатно, медленно трогает их и при помощи их тел совершенствует свое. Накладывает на себя слои материала, неотличимого от кожи, примеряет волосы, одевается. Интересно, что после сцен, когда Ава одевалась для соблазнения Калеба, мы снова видим андроида в ее «естественном» облике именно тогда, когда она решает рассчитаться с людьми. Ава как будто хочет подчеркнуть свое отличие от них, свою идентичность андроида.

Невозможно не обратить внимания на гендерный аспект: в обоих фильмах «постчеловек» — это женщина. Может быть, это желание уйти подальше от конструкта мужчины как идеального «настоящего человека», фигуры, определяющей норму, создающей парадигму. Здесь также стоит отметить, что, например, движение «Россия 2045» представляет аватар постчеловека в сильно феминизированной форме¹. Может быть, будущее придет к нам в виде женщины? В культуре укоренилась коннотация женщины с природой и хаосом, а мужчины — с культурой/техникой и порядком. Возможно, презентация постчеловека в качестве женщины имеет целью сгладить грозный образ машины, «очеловечить» его, пользуясь женской лаской, добротой и всеми теми свойствами, которые традиционно приписывают женщинам. Это может быть также образ маскулинизированной науки, в которой ученый-мужчина повторяет не столь-

¹ <http://www.2045.ru/>

ко божье действия, а акт рождения женщиной новой жизни. Однако в этом художественном замысле есть еще что-то: дискриминированные женщины являются теми, кто будет продолжать жить в новом мире, в котором, возможно, мужчинам нет места — как в известном польском фильме «Новые амазонки» Юлиуша Махульского, вышедшего на экраны в 1983 году. Мужчины, которые в двух этих фильмах представляют все человечество, не успевают за пост-женщинами, остаются позади или гибнут.

Что говорят нам оба эти фильмы о нас и о нашем отношении к новейшим технологиям? Они оба по-разному показывают то, с чем человечество может уже скоро столкнуться на своем пути к «улучшению» с помощью технологий. Сценарий будущего, представленный в фильме «Она», бесспорно оптимистичен и хотелось бы, чтобы именно так выглядела наша встреча с «постчеловеком», который нас перерастет. Созданное человеком существо взяло от него самое лучшее — стремление к познанию, саморазвитию, гармонии. В то же время фильм «Из машины» указывает нам на проблему нашего морального недоразвития. Отношения человека и андроида могли бы сложиться совершенно по-другому, если бы изначально не базировались на неравенстве и насилии. Этот фильм, который так хорошо вписывается в тексты о бунте Создания против Создателя, не позволяет однозначно осудить андроида и встать на сторону человечества. Получается, что в обоих фильмах представлены «постлюди», которых невозможно классифицировать как «злых», это не традиционная оппозиция мы-они/свои-чужие. Они настолько похожи на нас, что мы (зрители и герои фильмов) готовы впустить их в наш мир. Они живые и, это мы ясно чувствуем, имеют право на жизнь.

«Человеческое существование может быть определено как вечная борьба с телесностью»¹ утверждает исследователь «искусственных людей» в культуре. Наши тела являются источником боли и терпения, причиной нашей смертности. Одновременно они служат для получения сексуального удовольствия и дают нам радость чувствования — прикосновения, вкуса, запаха. «Запутанность» в телесности определяет также наши социальные и родственные связи. Мы делим опыт телесности с окружающим нас живым ми-

¹ Radkowska-Walkowicz M. *Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze.* Warszawa: WaiP. 2008. P. 296–297.

ром. Избавление от нее, хотя и желаемое с некоторой точки зрения, изменит наш способ существования и сопереживания в мире живого.

Получается, что в случае создания небиологического «постчеловека» перед нами стоит задача выхода за рамки «человеческого». Или расширения этих рамок. В своих работах, посвященных тематике «природы человека» в контексте создания химер и гибридов человека и животного, я предложила определение этого термина, обладающее интегрирующим свойством, т. е. позволяющим включить т. н. «новые формы жизни» (киборгов, человекозверей, «искусственных» людей и т. д.) в спектр «человеческого»¹. На мой взгляд, невозможно будет жить рядом с более или менее разумными существами без инкорпорирования их в рамки нашей этики.

Библиографический список

Beck M., *Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten.* Paderborn : Ferdinand Schöning, 2009.

Haraway D. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century / Simians, Cyborgs and Women : The Reinvention of Nature,* Routledge, 1991.

Radkowska-Walkowicz M. *Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze.* Warszawa : WaiP, 2008.

Turney J. *Ślady Frankensteina,* Warszawa : PIW, 2001.

Тищенко П. Д. Биотехнологии инхенсменты: на пути к третьей утопии?, Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. /П. Д. Тищенко (отв. ред.) — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015, с. 21–41.

Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : ИФРАН, 2001.

Юдин Б. Г. Идея пограничной ситуации // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Часть 1. М. : Изд-во МосГУ, 2012.

¹ Кожевникова М., Гибридизация и химеризация как human enhancement: определение «природы человека» в качестве инструмента интеграции // Концепции постчеловека в философии и технонауке: материалы V Международной научной школы для молодежи / под ред. С. М. Климовой, А. Д. Майданскогою — Белгород : ИД Белгород НИУ БелГУ, 2016. — 245 с., С. 44–50, Кожевникова М. Гибридный человек будущего: об угрозе потери «природы человека» // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: материалы VII Международной научной конф. / Забайкал. гос. ун-т ; под ред. Н. Д. Субботиной, О. А. Борисенко; Чита : ЗабГУ, 2016. — 260 с., 215–229.

Границы улучшения человека¹

Е. Г. Гребенщикова

The limits of the human enhancement

E. G. Grebenshchikova

Аннотация. В исследовательской литературе много внимания уделяется различным подходам к проблематике улучшения человека, определению точек её дальнейшего роста и возможностей переосмысления с учетом новых достижений биомедицины. Одной из первых и наиболее дискутируемых попыток определения улучшением является разграничение терапии и улучшения, с которой тесно связаны две другие дистинкции — норма/сверхнорма и естественное/искусственное. Критический анализ этих подходов демонстрирует их ограниченность и необходимость новых способов теоретической концептуализации технологий и практик улучшения человека.

Ключевые слова: улучшение человека, терапия, норма, естественное, искусственное, антропотехники.

Abstract. In the research literature much attention is paid to different approaches to the problem of the human enhancement definition, points for further growth of this problematic and rethinking the possibilities with the new advances of biomedicine. The first and most discussed distinction is an opposition enhancement/therapy. and with which are two other distinctions norm / over-norm and natural / artificial are closely connected with the previous. Critical analysis of these approaches demonstrate their limitations and the need for new methods of theoretical conceptualization technologies and practices of human enhancement.

Keywords: human enhancement, therapy, normal, natural, artificial, anthropotechnics.

Терапия/улучшение. В стремлении прояснить специфику улучшения человека дистинкция терапия/улучшение является, вероятно, одной из первых и наиболее обсуждаемых. В наиболее явном виде этот подход представлен в докладе Президентского Совета США по биоэтике «За границами терапии: биотехнологии и стремление к счастью», где в частности утверждается, что «двойное ис-

пользование» биотехнологий для лечения и целей, который выходят за границы терапии, порождает новые и сложные проблемы¹. Авторы доклада в этом противопоставлении видят полезную отправную точку для дальнейшего обсуждения «выхода за границы терапии». Последняя [терапия], в таком контексте, понимается как использование биотехнологических средств для лечения и исправления нарушений, направленных на восстановление нормального состояния здоровья и работоспособности индивидов. «Улучшение» рассматривается как использование биотехнологий для прямого вмешательства в «нормальную» работу человеческого тела и психики для повышения его функциональных возможностей. Введение этой дистинкции связано со стремлением провести границу между приемлемым и сомнительным (или неприемлемым) использованием биомедицинских технологий: терапия всегда этически приемлема, а улучшение, по крайней мере на первый взгляд, с этической точки зрения сомнительно. Например, генная терапия для лечения муковисцидоза или прием препарата «прозак» для лечения депрессии не вызывают возражений, в то время, как использование генной инженерии в спорте или прием лекарств для решения проблем социального характера порождает моральные возражения и дискуссии.

Вместе с тем, разграничение терапии и улучшения довольно проблематично. В некотором смысле все успешные методы лечения улучшают, а потому во многих языках мира слово «терапия» нередко подменяется «улучшением»². Н. Бостром и Р. Роуч выделяют следующие причины сложности разграничения терапии и улучшения³. Во-первых дихотомия терапия/улучшение не соответствует какому-либо разграничению «стандартной-современной-медицины» и «медицины-как-она-может-быть-практикуема-в-будущем». Стандартная современная медицина включает в себя множество методов, которые не направлены на лечение заболеваний или травм — профилактическая медицина, паллиативная помощь, акушерство, спортивная медицина, пластическая хирургия, противозачаточные средства, лечение бесплодия, косметические, стоматологические

¹ Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness [Электронный ресурс] URL: <http://www.vanderbilt.edu/olli/files/Beyond-Therapy-Kass.pdf> (дата обращения 31.08.2016)

² Goffette J. Enhancement: Why we should distinguish anthropotechnics from medicine // Inquiring into human enhancement. Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 38–59.

³ Bostrom N., Roache R. Ethical issues in human enhancement // New waves in applied ethics. Palgrave Macmillan, 2008. P. 120–152.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 15-18-30057

процедуры и многое другое. В то же время, многие меры улучшения происходят вне медицины. Так, например, офисные работники повышают работоспособность за счет употребления кофе; макияж и различные средства ухода используются для улучшения внешнего вида; физические упражнения, медитация и натуральные антидепрессанты используются для улучшения настроения. Во-вторых, не ясно, каким образом классифицировать вмешательства, которые снижают вероятность заболевания и смерти. Вакцинацию можно рассматривать как усиление иммунной системы или, альтернативно, как профилактическое терапевтическое средство. Аналогичным образом, вмешательство с целью замедления процесса старения можно рассматривать и с точки зрения увеличения продолжительности жизни, и в ракурсе профилактики, снижающей риск заболеваний и инвалидности. В-третьих, возникает вопрос о том, как определить нормальное состояние здоровья. В области когнитивных способностей эта проблема может быть проиллюстрирована Гауссовой кривой распределения людей по способностям в популяции. Разница между разными её «точками» может поставить под вопрос не только «норму», но и необходимость каких-либо улучшающих воздействий. В-четвертых, способности непрерывно меняются не только в пределах популяции, но и в пределах продолжительности жизни отдельного индивида: по мере взросления они возрастают, а в процессе старения снижаются. Но как оценивать вмешательство, которое позволит 80-летнему человеку иметь ту же физическую выносливость, остроту зрения и время реакции, какими он обладал в 20 лет, как терапию или улучшение? Если альтернатива правдоподобна или естественна, то это служит дополнительным аргументом в пользу того, что концепция улучшения не может рассматриваться как корректный способ осмысления рассматриваемой дилеммы. В-пятых, необходимо задать вопрос о том, как рассматривать «внутреннее» вмешательство, как улучшение или терапию? Лазерная хирургия помогает в случае плохого зрения. А как оценивать, например, контактные линзы или компьютерное программное обеспечение, которое представляет текст в увеличенном шрифте? В некотором смысле, все внешние для тела устройства могут рассматриваться с точки зрения улучшения, поскольку дают преимущество, которое без них не было бы возможным. В-шестых, даже если стало бы возможным определить целостную концепцию улучшения, то воз-

никла бы проблема обоснования морального статуса усовершенствований в отличие от других видов вмешательств, которые модифицируют или расширяют возможности человека с тем же эффектом.

Норма/сверхнорма. Оппозиция норма/сверхнорма представляет интерес не только в рассматриваемом контексте, но и с учетом того, что некоторые практики изначально развиваются как улучшающие. В таком ракурсе проблема приобретает самостоятельный характер и заслуживает отдельного внимания, что хорошо демонстрируют актуальные дискуссии относительно морального улучшения и достижений в сфере генетики. Генетическое разнообразие и наличие у части населения регионов или планеты тех или иных генов может открыть новые подходы к пониманию того, что есть норма. Финский лыжник Ээро Мянтюранта, выигравший на зимней олимпиаде в Инсбруке в 1964 году сразу две золотые медали имел генетическую мутацию, которая диагностируется как заболевание полицитемия. Для него характерно повышенное число эритроцитов, которое в видах спорта, требующих выносливости, дает явное преимущество. Можно ли утверждать, что болезнь стала средством улучшения или же это «нормальная» (врожденная) особенность Мянтюранты? И как быть с определением нормы, если какую-либо мутацию обнаружат у половины населения какого-либо региона? А что, если это группа будет составлять треть населения?

Но может ли улучшение стать нормой? Согласно некоторым исследованиям до 16% американских студентов используют «умные таблетки» (риталин, аддерол) для повышения концентрации внимания в процессе обучения¹, и особенно при подготовке в тестах и экзаменах. По мнению некоторых исследователей, такое положение дает им преимущество, которое можно сравнить с использованием стероидов атлетами². Обсуждение «академического допинга», как и практические результаты этих дискуссий пока нельзя соотносить с тем, что происходит в большом спорте. Однако можно отметить два момента: внесение в студенческий кодекс Уэслианского университета положения о недопустимости использования подобных препаратов для нетерапевтических целей³ и обращение Академии ме-

¹ Schermer M. et al. The future of psychopharmacological enhancements: Expectations and policies // *Neuroethics*. 2009. Vol. 2. №. 2. С. 75–87.

² Sample I. Exam cheating alert over brain drugs. London: The Guardian. 2008

³ Grasgreen A. Are prescription drugs “cheating”? Inside Higher Education. October 13, 2010.

дицинских наук Великобритании к правительству о необходимости разработки норм контроля (с помощью анализов мочи) использования препаратов, используемых в целях когнитивного улучшения в школах, университетах и на рабочих местах¹. С другой стороны, во многих профессиях лекарственные препараты оказывают необходимую поддержку в тех случаях, когда необходимо срочно сконцентрироваться — провести операцию, сверхурочно решить сложную задачу и т. п. И если число людей, использующих «улучшители» будет расти и дальше, то это может стать нормой. Таким образом, за границей «нормальности» окажутся те, кто не использует «улучшающие» препараты.

Авторы доклада «За пределами терапии» предлагают не ограничиваться медицинской оптикой и взглянуть на проблему с точки зрения её социальных измерений. Так, некоторые диагнозы в психиатрии, например, «дистимия», «оппозиционное расстройство» или «социальное тревожное расстройство» довольно расплывчаты и нередко культурно обусловлены: в чем разница между крайней застенчивостью и социальной тревожностью? Д. Даниэлс аргументируя сложности разграничения терапии и улучшения в контексте определения «болезни» приводит интересный пример. Два мальчика имеют маленький рост. Но в одном случае он связан с нехваткой гормона роста, а во втором с генетическими особенностями ребенка, родители которого также невысокие. Будет ли использование гормона роста рассматриваться в первом случае как терапия, а во втором как улучшение? И достаточен ли критерий среднего «нормального» роста в подобных случаях?

Проблема нормы актуальна и в контексте дискуссий о моральном улучшении. Сторонники идеи морального улучшения человека И. Перссон и Дж. Савулеску, видя в нем реальное средство разрешения глобальных проблем, с которыми столкнулись современные общества, утверждают, что «мы срочно должны ускорить темпы нравственного совершенствования, чтобы предотвратить мощный выход технологического прогресса, который может быть использован неправильно с катастрофическими результатами»². Но важно не только то, что считать «нормальным поведением», но и как оце-

нить попытки его улучшения. Будет ли человек действительно исходить из лучших мотивов после морального улучшения или же он будет демонстрировать ожидаемую реакцию на те или иные ситуации, чтобы его больше «не улучшали».

Искусственное/естественное. Еще одна оппозиция искусственное/естественное также вызывает ряд вопросов, что хорошо демонстрирует полемика относительно спорта высоких достижений¹. Так, если сравнить генетическое улучшение с двумя другими сдвигами «естественного выполнения» — введением новой техники высокого прыжка Фосбери-флоп (1968 г.) и нового типа конькобежных коньков клап-скейт (коньки-клапы) (1997 г.), то становится очевидным, что эта дихотомия тесно связана с другими оппозициями — внутреннее/внешнее, традиционное/инновационное, а также постоянным пересмотром границ, фиксирующих равенство конкуренции. Новая техника прыжка, предложенная Д.Фосбери, позволила более эффективно использовать тело как инструмент достижения рекордов. Но были ли в равных условиях спортсмены, использующие разные техники? Новые способы исполнения, как и новые возможности исполнения могут порождать неравенство, которое оказывается на первом этапе препятствием и оценивается как «натуральное», а потом фактором выбора — стремление к приоритету заставляет выбирать спортсменов более эффективные средства борьбы с конкурентами, которые оцениваются уже как естественные. Коньки клап-скейты, как и прыжок Фосбери, не были приняты сразу и, кроме того, не сразу стали доступны спортсменам не из Нидерландов. Однако как только они продемонстрировали большую эффективность и вошли в большой спорт, противопоставление искусственное/естественное потеряло смысл — новые коньки стали естественным элементом соревнований. В то время как новый вид коньков можно оценить как «внешнюю» для тела технологическую инновацию, а фосбери-флоп как «технологическое изменение всего тела», генетические технологии в спорте могут рассматриваться как технологическая модификация «внутри» тела². Можно ли считать переход от «внешних» улучшений к «внутренним» сдвигом от естественного к искусственному? Некоторые авторы убежде-

¹ Sample I. Exam cheating alert over brain drugs. London: The Guardian. 2008

² Persson I., Savulescu J. Getting moral enhancement right: the desirability of moral bioenhancement // Bioethics. 2013. Vol. T. 27. №. 3. P. 124.

¹ Van Hilvoorde I., Vos R., de Wert G. Flopping, klapping and gene doping dichotomies between 'natural' and 'artificial' in elite sport // Social studies of science. 2007. Vol. 37. №. 2. P. 173–200.

² Ibid. P. 177

ны, что биотехнологии могут привести к тирании «нормального» и поставят под угрозу человеческий род, что в спорте даст эффект стирания границ. Другая точка зрения, доступность генетического улучшения может привести к новому виду «равенства возможностей», в результате чего в новом контексте акцентируются мастерство и умения. Как отмечает О. В. Попова: «Различие между природой и артефактом, которое раньше воспринималось как естественно данное (норма, патология, экзистенциальные моменты рождения и смерти), в современном мире становится социальной конструкцией, конвенцией. Специфичность современной культуры проявляется не только в том, что она проблематизирует различие «факт» — «артефакт», но и в том, что создает, конструирует «естественное» состояние на грани «человек» — «не человек», существо природное (zoe) или политическое (bios)¹. «Соратники эволюции» или даже «изображающие Бога» — вот метафоры концепции самотрансформации человека как вида, имеющей, вероятно, самые широкие притязания», — пишет Ю. Хабермас. По его мнению, основное напряжение возникает на границе между природой, «которой мы являемся, и органической оболочкой, которой мы себя наделяем»². Он фокусируется на генетических технологиях, развитие которых, безусловно, имеет важное терапевтическое и диагностическое значение, но одновременно открывает совершенно новые и этически сомнительные перспективы. Обращаясь к Канту и основоположникам эволюционной теории, немецкий философ констатирует, что следующим шагом от «царства необходимости» к «царству случайностей» будет «царство свободы», которое дарует нам геновая инженерия. Безусловно, это будет означать и изменение структуры морального опыта и морального самопонимания. Соответственно, вопрос в том, будем ли рассматривать генетическую самотрансформацию вида как процесс роста автономии человека или же подорвем нормативное самопонимание личностей, ведущих свою собственную жизнь?

Манипуляция со строением человеческого генома и надежды генетиков, что эволюция вскоре окажется ими управляемой, как утверждает Хабермас, «сотрясают категориальное различие между

¹ Попова О. В. Биотехнологическое конструирование искусственного естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — №. 2. — С. 163.

² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/H/haermas-yurgen/buduschee-chelovecheskoj-prirodi/2> (дата обращения 31.08.2016)

субъективным и объективным, естественно вырастающим и искусственно сделанным в тех областях, которые прежде были недоступны вмешательству человека». ... Изменятся критерии всего возникающего «естественным образом», в соответствии с которыми мы осознаем и понимаем себя как единственных авторов собственной жизни и равноправных членов морального сообщества¹. При этом категории «произведенного» и «возникшего по природе» исчезают по мере того, как эволюция видов становится объектом генно-технологического вмешательства. Технизация биомедицины не возникает на пустом месте, она является непосредственным продолжением клинического стиля, который переориентируется от терапевтических к улучшающим целям, тем самым, сводя на нет «отношения личности к своему собственному телесному существованию». Хабермас обращается к мысли Г. Йонаса, что технически покоренная природа снова включает в себя человека, который прежде, противостоял ей как господин. Однако господство над природой влечет за собой «акт покорения человеком самого себя», а вместе с тем, трансформацию понимания морали и условий, необходимых для автономной жизни. Господство над природой означает и переоценку природы человека, представления о которой долгое время фундировали различные подходы от крайнего консерватизма до идей предосторожности и превентивной оценки последствий технологических инноваций.

Антропотехники. Дж. Гоффет, критически анализируя разграничение терапии и улучшения, приходит к выводу о необходимости новой оппозиции². Несмотря на то, что терапия и улучшение могут иметь аналогичные ресурсы, они различаются в целях, а потому более подходящей, по его мнению, является оппозиция медицины и антропотехник. Он выделяет следующие экстра-медицинские практики: допинг (законный или незаконный); использование психостимуляторов (кроме медицинских показаний); эстетические преобразования (кроме реконструктивной пластической хирургии); репродуктивный контроль (за исключением случаев нарушения репродуктивной функции); изменение настроения (за исключением медицинских показаний); коррекция пола; запрос на сохранение молодости или бессмертия; создание человека.

¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/H/haermas-yurgen/buduschee-chelovecheskoj-prirodi/2> (дата обращения 31.08.2016)

² Goffette J. Enhancement: Why we should distinguish anthropotechnics from medicine // Inquiring into human enhancement. Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 38–59.

Утверждая, что антропотехники не рассматриваются в ракурсе медицинского вмешательства и улучшения, Дж. Гоффет подчеркивает характерный для них медицинский риск. Например, риск возникновения зависимости от психостимуляторов или риск в связи с анестезией в косметической хирургии. Второй момент, улучшение в медицине часто подразумевает улучшение состояния здоровья, что свидетельствует об уменьшении патологического процесса или исчезновении физиологической дисфункции. В этом смысле «улучшение» не определяет специфику антропотехник. И ещё, термин «улучшение» имеет позитивные коннотации в медицине. Чтобы провести некое разграничение автор предлагает другие слова «обычный» и «модифицированный». При этом обычное состояние здоровья не обязательно означает, что человек здоров в медицинском смысле. И кроме того, некоторые модификации преследуют социальные, экономические и т. п. цели: конкурентоспособность в школе или на работе, утверждение собственной идентичности, свобода и пр. Последнее выходит за рамки повышения производительности или функциональности человека и позволяет подчеркнуть специфику личных мотивов. Важно отметить, что они вышли в сферу исследовательского внимания не так давно, но стали важным фактором переоценки социокультурных оснований тех или иных практик и технологий. Так, спрос на красоту в Азиатском регионе, лидирующем на глобальных рисках хирургической косметологии, детерминирован социальными стандартами «вестернизации» и установкам моды, а доступность и относительная безопасность хирургических вмешательств выступают дополнительными факторами их быстрого развития. Например, в Южной Корее, которую называют мировой столицей пластической хирургии, каждая пятая женщина уже сделала какую-либо операцию. Число желающих не только растёт, но и молодеет — подростки все чаще посещают хирургов, а их родители нередко поддерживают это стремление¹. Согласно опросу 250 матерей подростков, одна из четырех предлагала своему ребенку сделать операцию косметической хирургии. Вероятно, одна из причин такого отношения — концепция «лукизма» (дискриминация или предвзятое отношение из-за внешности), следуя которой наличие «правильного» лица определяет различия между успехом и неудачей².

¹ Lee Da-eun, Lim Dong-su, Yang Su-a More teens having plastic surgery. Intern Report. [Электронный ресурс]. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2932392>

² Korean plastic surgery statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seoultouchup.com/korean-plastic-surgery-statistics/>

В трактовке Гоффета антропотехники — это не только вариант переоценки дистинкции терапия/улучшение, но и новый тип деятельности, практики, требующей дальнейшей теоретической рефлексии в соответствующем контексте¹. Специфика антропотехник просматривается и на уровне взаимоотношений врача и пациента. Если в медицине врач должен собрать анамнез и поставить диагноз, то в данном случае, речь не идет о какой-либо симптоматике или болезни, а скорее о желании, нацеленности на лучшее, выборе способов его достижения. Соответственно, непосредственный контакт врача и индивида фокусируется на запросе клиента, его решении, рефлексии принятого варианта и заканчивается вмешательством, предоставлением средств и т. п. В стром смысле пациент уже не может рассматриваться как таковой, по крайней мере, в традиционном смысле. Однако и роль врача настолько меняется, что необходимо говорить не только о трансформации взаимоотношений, но и о новых формах ответственности, а затем и о новых этических регулятивах и нормативах.

Утверждение нового подхода для разграничения медицины и улучшающих практик, выходящих за ее границы и нарушающих связь с традиционным врачеванием, является хорошим примером для дальнейшей концептуализации и демаркации технологий улучшения человека и практик, выходящих за их границы.

Литература

Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness [Электронный ресурс] URL: <http://www.vanderbilt.edu/olli/files/Beyond-Therapy-Kass.pdf> (дата обращения 31.08.2016)

Bostrom N., Roache R. Ethical issues in human enhancement //New waves in applied ethics. Palgrave Macmillan, 2008. P. 120–152.

Goffette J. Enhancement: Why we should distinguish anthropotechnics from medicine // Inquiring into human enhancement. Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 38–59.

Grasgreen A. Are prescription drugs “cheating”? Inside Higher Education. October 13, 2010. Korean plastic surgery statistics <https://www.seoultouchup.com/korean-plastic-surgery-statistics/>

Lee Da-eun, Lim Dong-su, Yang Su-a More teens having plastic surgery. Intern Report. [Электронный ресурс]. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2932392>

Persson I., Savulescu J. Getting moral enhancement right: the desirability of moral bioenhancement // Bioethics. 2013. Vol T. 27. №. 3. P. 124.

Sample I. Exam cheating alert over brain drugs. London: The Guardian. 2008.

¹ Goffette J. Enhancement: Why we should distinguish anthropotechnics from medicine // Inquiring into human enhancement. Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 38–59.

Schermer M. et al. The future of psychopharmacological enhancements: Expectations and policies // *Neuroethics*. 2009. Vol. 2. №. 2. С. 75–87.

Van Hilvoorde I., Vos R., de Wert G. Flopping, klapping and gene doping dichotomies between 'natural' and 'artificial' in elite sport // *Social studies of science*. 2007. Vol. 37. №. 2. P. 173–200.

Попова О. В. Биотехнологическое конструирование искусственного естественного: социальный контекст // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. №. 2. С. 163.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/H/habermasyurgen/buduschee-chelovecheskoj-prirodi/2> (дата обращения 31.08.2016)

Субъект «улучшения» в геномике: к новым измерениям социотехнических мнимостей¹

С. Ю. Шевченко

Subject of enhancement in genomics: towards a new dimensions of sociotechnical imaginaries

S. Y. Shevchenko

Аннотация. В статье рассмотрены дискуссии вокруг технологий редактирования генома (CRISPR) как технологии «улучшения» человека. Важной особенностью этого инструмента служит возникновение её приложения к человеку сразу же в контексте «улучшения», а не в ключе нормализующего терапевтического воздействия. Гипотетически, такой тип развития технологии «улучшения» может быть связан с эпистемологическими установками дисциплинарной области его возникновения (биотехнологической генетики) и с представлениями о субъективности «клиентов» биогенетических компаний. Эти эпистемологические и философско-антропологические черты медицинской и биотехнологической генетики демонстрируют сходства с описанными Фуко ренессансной эпистемой и эпистемой классической эпохи. Последнее может служить подтверждением взаимосвязи познавательных установок и типов конституирования субъекта в технауке и в других формах функционирования знания.

Ключевые слова: технологии «улучшения», социотехнические мнимости, эпистемологические мнимости, мнимости субъекта, сложность.

Abstract. Article examines the issue of human genome editing (CRISPR) as human enhancement technology. The basic feature of this technology is its emergence: usually enhancement technologies origin from medical, therapeutical methods, but CRISPR as an instrument of human genome editing was initially interpreted in the context of enhancement. Perhaps, this type of development is related to epistemological features of biotechnological genetics — the field of CRISPR's origin. Also subject imaginaries which are correlated with epistemological one can play a significant role in development of this

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 15-18-30057 («Гу-манитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека»).

enhancement technology. Epistemological and subject imaginaries of medical and biotechnological genetics have common features with renaissance and classical episteme reconstructed by Foucault. This fact can prove the significant association between epistemological basis and type of subject construction in technoscience and other forms of knowledge functioning.

Keywords: enhancement technologies, sociotechnical imaginaries, epistemological imaginaries, subject imaginaries, complexity.

«Казус технологии CRISPR»

В последние десятилетия достижения биомедицинских наук и технологий всё чаще ставят проблемы регламентации и социального контроля за их применением. Однако зачастую итог от широко обсуждаемых открытий оказывается значительно меньше ожидаемого, а первое успешное применение *in vivo* разрабатываемого метода происходит значительно позже. Одной из последних наиболее горячих тем подобного рода дискуссий стала новая технология редактирования генома — CRISPR. Многие биотехнологи считают, что она служит ключом к точному и простому изменению генома любых живых организмов, которое вскоре может стать рутинной процедурой и откроет массовый доступ к биотехнологическому «улучшению» человека. Значительная часть профессионалов, в том числе представителей медицинского сообщества, не разделяет столь горячего энтузиазма по поводу возможностей CRISPR¹. Однако, именно этот молекулярно-биологический инструмент стал поводом к наиболее острым и детальным дискуссиям по поводу применения технологий «улучшения» человека.

Если взглянуть на историю технологий «улучшения», изложенную в книге «Medical Enhancement and Posthumanity», их путь начинается с решения терапевтических задач по восстановлению предзаданного оптимума функционирования организма — *restitutio ad integrum*. Затем биомедицинские технологии находят нетерапевтическое применение, связанное с усилением, «улучшением» той или иной функции. Именно задачу по восстановлению традиционно решала медицина, начиная с античности. Запрос же на собственно технологии «улучшения» появился в классическую эпоху — в текстах маркиза Кондорсе и Мэри Шелли, причем он сразу приоб-

¹ Северинов К. Редактирование генома с CRISPR/Cas9. URL: <http://postnauka.ru/faq/59807> [Дата обращения 17.07.2016]

рел «трансгуманистический» пафос¹. Но соответствующих средств в технологическом арсенале того времени не находилось, а появившиеся позже технологии «улучшения» всегда проходили путь от медицинского средства по восстановлению той или иной функции к средству «улучшения». Это путешествие совершили, например, гормональные препараты, ставшие средством достижения спортивных результатов или ускорителями роста мышц².

Технология CRISPR служит примером средства, которое не было сконструировано как терапевтический инструмент и может стать им лишь *postfactum*. CRISPR — была открыта около 10 лет назад как молекулярный агент, позволяющий бактериям узнавать и удалять из своего генома вставки генома вирусов, заменяя их собственной «нормальной» ДНК. Сейчас она является довольно распространенным средством редактирования геномной модификации клеточных линий, модельных организмов, или сельскохозяйственных растений позволяющей решать рутинные биологические задачи по исследованию «молекулярной механики» или просто увеличивать продуктивность агрокультуры³. Лишь позже этот уже готовый «улучшитель» был обращен к решению терапевтических задач — например, предотвращения наследственного заболевания бета-талассемии⁴.

«Всеобщая грамматика» генома эпистемологически располагает к переносу бактериальных механизмов на мух или мышей, а затем уже человека: геномный синтаксис действует по общим законам у всех живых существ, поэтому рецепты по решению биоинженерных задач могут с одинаковой легкостью быть перенесены из сельскохозяйственной биотехнологии или исследовательской лаборатории в конвенциональную медицину или в сферу технологий «улучшения». Поэтому вопросы о технологических трудностях лечения наследственных заболеваний и о трансформативном потенциале технологии возникли одновременно — средство появляется

¹ Wiesing U. The History of Medical Enhancement: From *Restitutio ad Integrum* to *Transformatio ad Optimum*? // *Medical Enhancement and Posthumanity* / ed. B. Gordjin, R. Chadwick Springer Science + Business Media B. V., 2008. P. 3.

² Тищенко П. Д. Биотехнологии инхенсмента: на пути к третьей утопии? // *Рабочие тетради по биоэтике*, Вып. 20. 2015. С. 21–41.

³ Schiml S., Puchta H. Revolutionizing plant biology: multiple ways of genome engineering by CRISPR/Cas // *Plant Methods*. 2016. Vol. 12. P. 8.

⁴ Puping L., Yanwen X., Xiya Z., Chenhui D., Rui H., Zhen Z., Jie L., Xiaowei X., Yuxi C., Yujing L., Ying S., Yaofu B., Zhou S., Wenbin M., Canquan Z., Junjiu H. // *CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human trippronuclear zygotes* // *Protein & Cell*. 2015. Vol. 6, no. 5. P. 363–372

одновременно и как инструмент *restitutio ad integrum* и как технология «улучшения» человека¹. При этом соответственно вопросы о том, что собственно ученые и представителя широкой общественности «видят» в геноме и каким образом применение генетических инструментов сталкивает нас с проблемой субъективного и с автономией субъекта, могут быть репрезентированы как рутинные задачи стоящие перед нормальной наукой. Являются ли они таковыми? — в этом вопросе мнения профессионалов серьезно расходятся². Но сегодня весь спектр применения технологии (от терапии — к «улучшению») теперь представлен одновременно, и эта особенность социогуманитарной проблемы применения технологии CRISPR несет на себе отпечаток сформированных ранее эпистемологических и антропологических черт современной биомедицины.

Воображая мнимости

В последние годы гуманитарные исследования науки и технологии зачастую описывают эти черты в терминах мнимостей, этот термин имеет ряд спецификаций, которые мы рассматриваем ниже. Социотехнические мнимости (*sociotechnical imaginaries*) становятся всё более значимым инструментом философского описания современной технонауки и отдельных её проектов. Воображение, как отдельного исследователя, так и сколь угодно широких социальных групп служит не просто одним из множества гуманитарных факторов развития науки — социотехнические мнимости выступают своеобразными аттракторами, характеризующими и современное состояние отдельной дисциплинарной области и желаемую траекторию её развития. Однако и такое сравнение выглядит отнюдь не полным, так как мнимости «являются конститутивной частью любого понимания науки и технологий, на основании которого можно выносить этические, политические и регуляторные суждения»³. В последние два десятилетия для обозначения подобных ментальных конструкций целом рядом философов науки, антропологов и социологов использовалось несколько разновидностей мнимостей (*imaginaries*), обычно имеющих конкретную дисциплинарную принадлежность.

¹ Regalado A. Engineering the Perfect Baby. // MIT Technology Review (5 March 2015)

² Editing humanity // The economist, Aug 22nd 2015. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21661651newtechniquemanipulatinggenesholdsgreatpromisebutrulesareneededgovernits>. Дата обращения: 17.07.2016

³ Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Звездный час философии // Вопросы философии № 12, 2015. С. 198–204 С. 201.

Например, понятие «генетические мнимости» было введено для описания образа будущего, в котором активно используются технология клонирования живых организмов, в связи с чем возникают определенные риски и перспективы¹. В терминах «мнимостей будущего» (*future imaginaries*) анализируются представления научного сообщества о векторах развития технонауки как образы, вполне сознательно конструируемые узкой группой². «Биомедицинские мнимости» — наоборот имеют в своем основании некие общекультурные и даже мифологические представления о роли науки как сферы, где работают прежде всего законы логики в целях преобразовании мира и, прежде всего, человеческого тела³.

Три перечисленных в предыдущем абзаце понятия сознательно разведены с психоаналитической плоскостью рассмотрения воображаемого. Поэтому сферами, через исследования которых могут быть прослежены эти мнимости, служат СМИ, реклама, научные публикации, повседневное общение ученых. В этом состоит их сходства с социотехническими мнимостями, которые однако, обладают наиболее широкой референцией. Автор термина, Шейла Ясановф, гарвардский профессор в области социальных исследований в науки и технологии (STS), определяет их как «коллективные формы представлений о социальной жизни и социальном порядке, нашедшие отражение в структуре и сути больших научно-технических проектов»⁴.

В таком «напряжении» вокруг термина «мнимости» можно увидеть стремление удовлетворить «потребность в новых методологических подходах и инструментах исследования науки, которые бы позволяли объединить глобальный, панорамный способ видения науки с обстоятельным и конкретным анализом исторических ситуаций и социальных коллизий ее существования»⁵.

Для рассмотрения социотехнических мнимостей медицинской геномики и геномики биотехнологической мы акцентируем внимание как на эпистемологическом аспекте этих ментальных конструк-

¹ Franklin, S. Life Itself: Global Nature and the Genetic Imaginary. In: Franklin, S., Lury, C. and Stacey, J. (eds) *Global Nature, Global Culture*. London: SAGE, 2000 188–227.

² Fujimura, J. Future Imaginaries: Genome Scientists as Sociocultural Entrepreneurs. // Goodman, A. H., Health, D. and Lindee, S. M. (eds) *Genetic Nature/Culture: Anthropology and Science Beyond the Two-Culture Divide*. Berkeley: University of California Press. 2003.

³ Waldby, C. *The Visible Human Project: Informatic Bodies and Posthuman Medicine*. London : Routledge. 2000.

⁴ Jasanoff S., Kim S-H. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // *Minerva* 2009. 47 (2):119–146

⁵ Касавин И. Т. Социальная философия науки: идея и проект // Эпистемология и философия науки. Т. XLII, № 4, 2014

тов, так и на их философско-антропологической стороне. Ведь любая существующая в условиях широкого рынка технология задает не только образ желаемого общества, но и образ человека, обращаясь к ней — образ потребителя или пациента. Причем происходит это в нашем случае не в рамках медиа-давления («в рекламе все худые люди счастливы»), а в самом контексте практик взаимодействия с пациентом или клиентом («глубокое низкое кресло в офисе компании создает атмосферу неспешности и уюта»). Ниже мы рассмотрим, как социотехнические мнимости двух различных областей геномики — медицинской геномики и биотехнологической — конфигурируют потребности пациента или клиента. Причем в рамках этого конструирования разные философско-антропологические представления накладываются на разные же образы сложности. Далее эти представления о субъекте и о сложности влияют процесс влияет на разработку и обсуждение технологий «улучшения» человека.

Близкий по смыслу анализ представлений о субъекте в пост-геномную эпоху был предпринят антропологом науки К. С. Раджаном. Согласно его представлениям, субъект биомедицины может быть рассмотрен с трех позиций: 1) Представлений субъекта о себе, о своей роли в рамках принятия решений и биомедицинских манипуляций. 2) Того места, которое биомедицинские институты и регламентирующие органы отводят субъекту в рамках собственных практик: что субъект способен или должен делать, на что имеет право. 3) Представления о субъекте сотрудников этих институтов и органов, концептуализируемое с точки зрения теории познания: что мы можем знать о субъекте с позиций современной геномики. Вторая и третья сторона конституирования субъекта, отмечает автор, неотделимы и конструируются совместно, и в то же время ни одна из них полностью не обусловлена другой.¹ В рамках нашего рассмотрения мнимостей о субъекте отделить институциональное от эпистемологического еще сложнее, так как принадлежность к медицинским или биотехнологическим институтам идет рука об руку с профессиональной принадлежностью, с эпистемологической позицией относительно интерпретации информации, извлеченной из генома человека. К тому же если познавательный аспект конструи-

¹ *Rajan K. S. Two Tales of Genomics: Capital, Epistemology, and Global Constitutions of the Biomedical Subject // Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. The MIT Press Cambridge, Massachusetts. 2011. 193–217*

рования субъекта может быть описан эпистемологически, то место, отводимое свободе и способностям субъекта в институционализованных практиках может быть обозначено именно в философско-антропологическом ключе.

«Множественные умы»

В книге нидерландского этнолога и философа Эннмари Мол «Множественные тела» различия в практиках медицинского обследования формирует разные версии атеросклероза. Атеросклероз меняется при перемещении Мол между кабинетами врачей и лабораториями. Множественная реальность болезни прослеживается через описание версий атеросклероза в кабинете хирурга, рентгенолога, в лаборатории патологии и т. д. Специалисты не только по-разному описывают патологию, но и предлагают разные средства лечения. Мол не истолковывает увиденное в терминах мнимостей, она делает акцент на множественности объектов, на непрерывных практиках их изготовления¹.

Мнимости представляются еще более изменчивыми и в меньшей степени подверженными сознательной кодификации, чем множественные реалии Мол. Однако в описании в терминах мнимостей акцент обычно также делается на различиях, а не на сходствах. За различиями в мнимостях субъекта геномной диагностики мы можем обратиться к высказываниями профессионалов, выступающих со стороны медицинской геномики, и геномики биотехнологической. Философско-антропологический аспект мнимостей можно проследить по дискуссии, касающейся практики предоставления доступа субъектам к результатам расшифровки их генома или его части. Более конкретно этот вопрос раскрывается в обсуждении сообщения или не сообщения без запроса всей полноты информации, особенно, о так называемых генетических «вариантах неопределенного значения» — генетических вариантах, которые могут быть истолкованы несколькими способами, адекватными текущему уровню развития геномики.

Ряд интервью на эту тему, взятые группой исследователей у канадских врачей-генетиков были выдержаны примерно в таком ключе: «Пациенты не читают формы информированного добровольного согласия, поэтому стремление сослаться на этот документ выглядит как насмешка». Пациент, как правило, ничего не решает — точнее,

¹ *Mol A. The body multiple: ontology in medical practice. Duke University Press, 2002.*

решает во всем довериться врачу и подписать предложенную форму. Врач же со своей стороны «должен назначать какое-либо обследование только когда видит его необходимость, и когда хорошо представляет себе, как будет использовать его результаты... Фокусировка на выявлении и знакомстве пациента с вариантами неопределенного значения может порочить образ медицины». Кроме патернализма этих высказываний, сделанных представителями медицинского сообщества, важно отметить их центрированность на фигуре врача — не только проводника в мир генов и истолкователя их значений, но и человека несущего ответственность за *назначение* исследования генома¹.

Точка зрения представителей биотехнологических компаний на конфигурацию отношений между генетической лабораторией и субъектом-носителем генетической информации может быть прослежена легче, так как высказывания, задающие в этом случае образ субъекта, часто делаются публично. Более того, он сцеплен с формулировкой миссии биотехнологической компании. Уже упоминавшийся К. С. Раджан в одной из глав сборника под редакцией Джасанофф подробно анализирует мнимости субъекта-клиента компании Genomic Health. Так, в изложении миссии компании Genomic Health не просто подспудно постулируется децентрализация фигуры врача в структуре диагностики и лечения: врач и пациент выступают как равноценные фигуры, обе одинаково нуждающиеся в снабжении генетической информацией. При этом в высказываниях директора Genomic Health Ренди Скотта клиенты компании, «пациенты», выступают как суверенные/автономные субъекты, нуждающиеся в знании. Происходит текстуализация мнимости о субъекте как о неактуализированном, а значит, потенциальном пациенте/клиенте. Все когда-нибудь заболеют и все нуждаются в наиболее полном знании о будущей болезни — риске ее возникновения и ее предполагаемом течении. Таким образом субъект становится неактуализированным клиентом. И в конечном счете, главной потребностью клиента оказывается не здоровье, а знание. Знание приватное — о собственных генетических особенностях и «предрасположенностях» к развитию патологий, но что не менее важно — знание глобальное. Это знание возникает благодаря информационному вкладу пациента/клиента, благодаря инвестированию уже не денег,

¹ Rahimzadeh V., Avarid D., Se'ne'cal K., Knoppers B. M., Sinnett D. To disclose, or not to disclose? Context matters // European Journal of Human Genetics. 2015. 23, 279–284.

а генома. Пусть эта информация, а значит, и вклад в рамках популяционных генетических исследований станут анонимными — такое целеполагание служит одной из опорных точек социотехнических мнимостей биотехнологических компаний.

Основатель компании Celera, осуществлявшей конкурентный проект по расшифровке генома человека, Крейг Вентер, обращается к «тексту» собственного генома, чтобы узнать особенности метаболизма кофеина в собственном теле. Заявленной целью выступает забота о здоровье: сколько кофе и чая он может употреблять без вреда для здоровья. Но не менее важными аспектами может быть название и желание *знать* и показать могущество биотехнологических инструментов получения этого знания¹.

Тем самым субъект — клиент биотехнологической компании — оказывается полностью вписан в рамки классических представлений о рациональности, но вместе с тем и в процесс производства власти — вполне в духе предпринятой Мишелем Фуко в книге «Надзирать и наказывать» реконструкции происходившего в классическую эпоху слияния власти и знания. При этом в данном случае важно провести параллель не с топосом децентрализации власти, находящийся в центре внимания названной работы Фуко, а с топосом практик производства знания, анализу которых посвящены «Слова и вещи»². В ренессансную эпоху сколько-нибудь полное знание казалось недостижимым из-за необходимости проследить бесконечную цепь аналогий, отражений слов и вещей в мире, тогда как в классическую эпоху знание обретает завершенность, репрезентирующаяся во всеобщей грамматике Пор-Рояля, и в иных попытках создания исчерпывающих классификаций и формальных языков³.

Бесконечные отражения или «всеобщая грамматика»

В рамках названных параллелей можно показать уже отмеченную выше сцепленность представлений о субъекте и эпистемологических мнимостей. В контексте различий медицинского и биотехнологического отношения к проблеме автономии выше показаны особенности представлений о субъекте. В мнимостях о субъекте кон-

¹ Venter C. J. A Life Decoded: My Genome: My Life. New-York, Penguin Group, 2007.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб. А-сид. 1994 г. 408 с.

³ Gutting, G. Michel Foucault's Archaeology of Scientific Reason. Cambridge, etc. : Cambridge University Press, 1989.

ституируется роль врача как проводника и истолкователя, главное для которого — забота, и роль биотехнологической лаборатории как аккумулятора информации, вступающего в отношения субъектом, ищущим не только избавления от страданий, но и знания. С этими представлениями связаны эпистемологические установки, которые мы обозначим соответственно как «бесконечные аналогии» для медицины и «всеобщая грамматика».

Проследить эпистемологические мнимости можно через сравнение публикаций в профессиональных изданиях для врачей и для молекулярных биологов. Так же, как и мнимости о субъекте, они не выражены эксплицитно в анализируемых текстах, но они задают эпистемологический контекст решения довольно тривиальной задачи — например, выяснения влияния точечных генетических перестроек, то есть малейших индивидуальных черт генома, на фенотипические признаки. Так, сегодня одним из множества объектов, притягивающих внимание сотен биомедицинских специалистов, является ген, кодирующий белок термогенин (UCP-1), участвующий в переработке жиров и углеводов. Причем в результате энергия не запасается, а рассеивается в виде тепла, благодаря чему организм способен согреться без мышечной активности. Статьи в специализированных медицинских изданиях посвящены *статистической* связи однонуклеотидных полиморфизмов — точечных изменений в этом гене — с факторами риска развития сердечно-сосудистых заболеваний у разных групп населения, одной из главных причин возникновения которых считаются как раз нарушения жирового обмена¹. Биологи же пытаются проследить роль этих мельчайших особенностей в функционировании белка, а главное — в считывании ДНК, ведь большинство генетических букв, повышающих риски для здоровья, расположены вне последовательностей, кодирующих сам белок. То есть, их «биологический смысл» отнюдь не очевиден. Кроме того, исследования посвящены проверке гипотез о влиянии других генов на интенсивность «производства» термогенина².

¹ Brondani L. A., Duarte G. C., Canani L. H., Crispim D. The presence of at least three alleles of the ADRB3 Trp64Arg (C/T) and UCP1-3826A/G polymorphisms is associated with protection to overweight/obesity and with higher high-density lipoprotein cholesterol levels in Caucasian-Brazilian patients with type 2 diabetes. *Metab Syndr Relat Disord*. 2014 Feb;12(1):16–24.

² Takahashi A., Adachi S., Morita M., Tokumasu M., Natsume T., Suzuki T., Yamamoto T. Post-transcriptional Stabilization of Ucp1 mRNA Protects Mice from Diet-Induced Obesity. *Cell Rep*. 2015 Dec 29;13(12):2756–67.

Сотни работ по популяционной генетике посвящены корреляции вариантов одной «буквы» генетического кода, находящейся вне рамки считывания, то есть вне последовательности, кодирующей белок. Носители определенного варианта имеют более высокий риск ожирения, развития атеросклероза и связанных с ним заболеваний, сахарного диабета; они, как правило, хуже восстанавливаются после инфарктов и инсультов. При этом публикации в научных медицинских журналах, в большинстве обходят молчаливым тему причин и механизмов влияния точечного изменения в участке гена, значение которого пока не выяснено. Исследуется статистическая связь генетического варианта с фенотипическим признаком у определенной группы людей: например, с амплитудой сезонных колебаний веса у взрослых японцев¹. На уровне мнимостей генетические особенности и анатомо-физиологические свойства индивида отражаются друг в друге, как в ренессансную эпоху «земля повторяла небо, лица отражались в звездах, а трава скрывала в своих стеблях полезные для человека тайны»². А исследование биологии гена скорее имеет семиологический и герменевтический характер как попытка истолковать мир через знаки (генетического кода). Биологические работы направлены на выявление «всеобщей грамматики» генома, механики его работы, геном выступает как средоточие кодификации возможных реакций клетки и всего организма на внешние факторы³. Тем самым происходит выявление сигнальных путей, изображаемых затем как паутина из обозначающих влияние стрелок, в узлах которой расположены регуляторные молекулы — причем даже упрощенная схема регуляции прохождения пути от гена к белку включает полтора десятка базовых узлов. При этом опубликованы десятки работ о молекулах, оказывающих влияние на каждый из этих узлов⁴. И тем не менее, геном на уровне мнимостей предстает как подлежащий математизации, и знания о всеобщей грамматике финитны, их можно по-

¹ Nakayama K., Miyashita H., Yanagisawa Y., Iwamoto S. Seasonal effects of UCP1 gene polymorphism on visceral fat accumulation in Japanese adults. *PLoS One*. 2013 Sep 25;8(9)

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб. А-сэд. 1994 г. 408 с.

³ Boenink M. Molecular medicine and concepts of disease: the ethical value of a conceptual analysis of emerging biomedical technologies // *Medicine, Health Care and Philosophy* Feb;13(1), 2010. pp. 11–23

⁴ Spaethling J. M., Sanchez-Alavez, M., Lee, J., Xia, F. C., Dueck, H., Wang, W., Fisher, S. A., Sul, J.-Y., Seale, P., Kim, J., Bartfai, T., Eberwine, J. Single-cell transcriptomics and functional target validation of brown adipocytes show their complex roles in metabolic homeostasis. *FASEB J*. 2016 Jan;30(1):81–92.

нять и пересчитать, как и в описываемых Фуко аналитических системах классической эпохи. С одним важным нюансом — пересчет будет вестись в отличие от классической эпохи в форме все более точного описания вероятностей.

Ген термогена приведен здесь как типичный пример. Но подобных генов, о которых публикуется несколько по несколько научных статей в день — сотни, и у них в той или иной форме существуют два направления исследования: медицинские (популяционные) работы и биологические исследования механики «производства и функционирования» молекул, причем оба направления существуют как магистральные пути постановки и решения задач «нормальной науки».

Система отражений, аналогий и нуждающийся в руководстве субъект эпохи Ренессанса отличаются от «всеобщей грамматики» и субъекта Декарта и это отличие напоминает описанные нами эпистемологические и философско-антропологические отличия в современных исследованиях генома. Рассуждая об эпистемологических проблемах современной геномики сами молекулярные биологи зачастую обращаются к схожим формулировкам проблем: место классических концепций причинности в исследованиях генома, вопрос о принципиальной возможности исчерпывающе понять механику работы генов и т. д.¹ При этом геномика существует в условиях постнеклассической науки, что модифицирует сам контекст различий.

Именно в этом контексте могут быть раскрыты расхождения разных дисциплинарных областей генетики в отношении к технологиям улучшения. Представители медицинской генетики видят свою задачу в «восстановлении порядка», а субъект прежде всего в осознании необходимости заботы. В рамках же медицинской «заботы» значимой проблемой осознается невыразимая во всей полноте сложность функционирования генома. В этой связи даже «готовые к применению» технологии «улучшения» осознаются отдельно от своего трансформативного потенциала. Тогда как со стороны биотехнологической генетики рутинность генно-инженерных процедур и универсальный характер «языка» генетического кода задает горизонты использования технологий редактирования генома, как технологий

¹ Dougherty E. R. On the Epistemological Crisis in Genomics // Current Genomics, 2008, 9, 69–79. Editing humanity // The economist, Aug 22-nd 2015. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21661651newtechniquemanipulatinggenesholdsgreatpromisebutrulesareneededgovernits>. Дата обращения: 17.08.2016

«улучшения». Существенным условием чего служит возможность охарактеризовать субъектов, вовлеченных в проекты «улучшения», как абсолютно автономных и рациональных.

Говорить и молчать от имени генов

«Множественные тела» у Мол не всегда могут быть посчитаны целыми числами, тело больного, перемещающееся между кабинетами и лабораториями медицинского центра «больше, чем одно, но меньше, чем многое». Точно также и геном в нашем случае не единственен, но и не оппозиционно-двойственен: биотехнологические и медицинские лаборатории активно коммуницируют, врачи и молекулярные биологи/биотехнологи знакомы с работами друг друга. Обе стороны понимают колоссальную сложность проблемы и стоят перед «старой философской проблемой возможностей и границ человеческого познания», понимая при этом, что «сущность природы вещей остается тайной»¹. С другой стороны, специалисты испытывают энтузиазм от роста объема знаний о роли тех или иных генетических вариантов в риске развития заболеваний и от открытий в сфере механики молекулярно-биологических процессов и новых возможностей инженерии *молекулярных машин*, например, участвующих в редактировании генома методом CRISPR. Именно вокруг таких новостей об успехе, success stories, и строятся мнимости о развитии медицинской и «биотехнологической» геномики — в том числе, описанные выше эпистемические мнимости и связанные с ними мнимости субъекта. Причем связь эта пролегает вне собственно сферы мнимостей/воображаемого, а через эпистемологические проблемы, задаваемые сложностью предмета в условиях постнеклассической рациональности.

В. И. Аршинов, описывая наблюдателя сложности в постнеклассическом контексте, обращает внимание на когнитивное и коммуникативное измерения проблемы сложности. В этой ситуации необходимость объяснения и прогноза ставит эпистемологические проблемы, раскрывающиеся в контексте интерсубъективности. Это означает постановку проблемы «интерсубъективности в ситуации рефлексивной сложности, как проблемы взаимодействия по крайней мере двух наблюдателей, обменивающихся содержанием их наблюдений, посредством того или иного языка, формирующих совместную смысловую интенциональность...»²

¹ Герасимова И. А. Биомедицинские технологии как проблема истории и философии науки // Эпистемология и философия науки. Т. XL, № 2. 2014. С. 5–18, 14.

² Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия мышления. Одесса. 2013. С. 59–73

В ходе медико-генетического консультирования перед врачом стоит задача создания именно такой совместно разделяемой интенциональности, позволяющей соблюсти интересы и права пациента, предоставив ему в доступной форме ту информацию, в которой он нуждается. Образ оптимальной коммуникации врача и пациента, разворачивающаяся в интересубъективном контексте мнимость о субъекте-пациенте, предполагает осторожность в подходе к передаче информации, так как сложность в этом случае дублируется. То есть вместе с собственно эпистемической сложностью исследуемых биологических систем возникает сложность коммуникационная, связанная с необходимостью достоверно описать выявленные черты системы так, чтобы консультируемый субъект мог принять действительно компетентное решение. Последнее особенно важно в ситуации, когда информация о вариантах неопределенного значения может быть неверно истолкована пациентом как однозначно угрожающая находка, степень риска для которой не определена¹.

Взаимодействие с биотехнологической лабораторией субъекта, чей геном может быть исследован, строится отличным образом: в большинстве случаев он предстает перед специалистом не лично (как персону), а через персонифицированные образцы биоматериалов (например, слюны и крови), а также через информированное добровольное согласие, подписанное *самостоятельно, без каких-либо разъяснений* со стороны лаборатории. Тем самым в самостоятельности и уже предзаданной компетентности субъекта (ждушего пациента) дублируется эпистемическая интеллигибельность сложности генома.

В работах Бруно Латура по акторно-сетевой теории одной из главных характеристик лаборатории служит возможность «говорить от имени» объектов и/или технологических ансамблей. Сеть в таком случае представляет собой пересечение цепочек делегирования, проходящих через плоскости политики, экономики, этики, инженерии и т. д. Причем при передвижении по цепочке делегирования «мы получаем либо классических морально ответственных существ, наделенных чувством собственного достоинства, способных говорить и подчиняться законам, либо исполнительные и эф-

¹ Ижевская В. Л. Этические проблемы клинического применения генетического тестирования нового поколения, Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 21: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ) : сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко., Издательство Московского гуманитарного университета, Москва, 2015. С. 119–136.

фективные устройства и механизмы; а где-то посередине между двумя этими крайностями мы получаем обычную власть знаков и символов»¹. Но разные коммуникационные структуры и, по выражению Латура, разная «масса» соответствующих цепочек медицинской и биотехнологической геномики вовсе не свидетельствует в пользу силы или слабости какой-либо из двух сторон. Иногда молчать от имени объекта (генома) может быть столь же эффективной и необходимой тактикой, как и говорить от его имени.

Литература

Brondani L. A., Duarte G. C., Canani L. H., Crispim D. The presence of at least three alleles of the ADRB3 Trp64Arg (C/T) and UCP1-3826A/G polymorphisms is associated with protection to overweight/obesity and with higher high-density lipoprotein cholesterol levels in Caucasian-Brazilian patients with type 2 diabetes. *Metab Syndr Relat Disord*. 2014 Feb;12(1):16–24.

Boenink M. Molecular medicine and concepts of disease: the ethical value of a conceptual analysis of emerging biomedical technologies // *Medicine, Health Care and Philosophy* Feb;13(1), 2010. pp. 11–23

Dougherty E. R. On the Epistemological Crisis in Genomics // *Current Genomics*, 2008, 9, 69–79

Editing humanity // *The economist*, Aug 22nd 2015. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21661651newtechniquemanipulatinggenesholdsgreatpromisebutrulesareneededgovernits>. Дата обращения: 17.03.2016

Esterbauer H., Oberkofler H., Liu Y. M., Breban D., Hell E., Krempler F., et al. Uncoupling protein-1 mRNA expression in obese human subjects: the role of sequence variations at the uncoupling protein-1 gene locus. *J Lipid Res* 1998;39:834–44.

Franklin, S. *Life Itself: Global Nature and the Genetic Imaginary*. // Franklin, S., Lury, C. and Stacey, J. (eds) *Global Nature, Global Culture*. London : SAGE, 188–227. 2000.

Fujimura, J. *Future Imaginaries: Genome Scientists as Sociocultural Entrepreneurs*. // Goodman, A. H., Health, D. and Lindee, S. M. (eds) *Genetic Nature/Culture: Anthropology and Science Beyond the Two-Culture Divide*. Berkeley : University of California Press. 2003.

Gotting, G. *Michel Foucault's Archaeology of Scientific Reason*. — Cambridge, etc. : Cambridge University Press, 1989.

Janoff S., Kim S-H. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // *Minerva* 47 (2):119–146. 2009.

Mol A. *The body multiple: ontology in medical practice*. Duke University Press. 2002.

Nakayama K., Miyashita H., Yanagisawa Y., Iwamoto S. Seasonal effects of UCP1 gene polymorphism on visceral fat accumulation in Japanese adults. *PLoS One*. 2013 Sep 25;8(9)

Rahimzadeh V., Avard D., Se'ne'cal K., Knoppers B. M., Sinnett D. To disclose, or not to disclose? Context matters // *European Journal of Human Genetics* (2015) 23, 279–284

¹ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // *Непри-косновенный запас* 2004, 2(34)

Rajan K. S. Two Tales of Genomics: Capital, Epistemology, and Global Constitutions of the Biomedical Subject // Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. The MIT Press Cambridge, Massachusetts. 2011. 193–217.

Regalado A. Engineering the Perfect Baby. // MIT Technology Review (5 March 2015)

Puping L., Yanwen X., Xiya Z., Chenhui D., Rui H., Zhen Z., Jie L., Xiaowei X., Yuxi C., Yujing L., Ying S., Yaofu B., Zhou S., Wenbin M., Canquan Z., Junjiu H. CRISPR/Cas9-mediated gene editing in human tripronuclear zygotes // Protein & Cell. — 2015. — Vol. 6, no. 5. P. 363–372

Spaethling, J. M., Sanchez-Alavez, M., Lee, J., Xia, F. C., Dueck, H., Wang, W., Fisher, S. A., Sul, J.-Y., Seale, P., Kim, J., Bartfai, T., Eberwine, J. Single-cell transcriptomics and functional target validation of brown adipocytes show their complex roles in metabolic homeostasis. FASEB J. 2016 Jan;30(1):81–92.

Schimpl S., Puchta H. Revolutionizing plant biology: multiple ways of genome engineering by CRISPR/Cas // Plant Methods. — 2016. — Vol. 12. — P. 8

Takahashi A, Adachi S, Morita M, Tokumasu M, Natsume T, Suzuki T, Yamamoto T. Post-transcriptional Stabilization of Ucp1 mRNA Protects Mice from Diet-Induced Obesity. Cell Rep. 2015 Dec 29; 13(12):2756–67.

Wiesing U. The History of Medical Enhancement: From Restitutio ad Integrum to Transformatio ad Optimum? // Medical Enhancement and Posthumanity / ed. B. Gordjin, R. Chadwick Springer Science + Business Media B. V., 2008. P. 3.

Waldby, C. The Visible Human Project: Informatic Bodies and Posthuman Medicine. London: Routledge. 2000.

Venter C. J. A Life Decoded: My Genome: My Life. New-York, Penguin Group, 2007

Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия мышления. Одесса, 2013. с. 59–73

Герасимова И. А. Биомедицинские технологии как проблема истории и философии науки // Эпистемология и философия науки. Т. XL, № 2, 2014. С. 5–18

Касавин И. Т. Социальная философия науки: идея и проект // Эпистемология и философия науки. Т. XLII, № 4, 2014

Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас 2004, 2(34)

Северинов К. Редактирование генома с CRISPR/Cas9. URL: <http://postnauka.ru/faq/59807> [Дата обращения 17.03.2016]

Тищенко П. Д. Биотехнологии инхенсента: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике, Вып. 20., 2015 С. 21–41.

Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Звездный час философии // Вопросы философии № 12, 2015. С. 198–204

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб. А-сэд. 1994 г. 408 с.

Максимизация жизни, улучшение человека и спортивный дух: критика утилитаристской аргументации о легализации допинга

Г. Б. Юдин

Life maximization, human enhancement and the spirit of sports: against utilitarian defense of relaxing doping regulations

G. B. Yudin

Аннотация. В статье обсуждается этическая обоснованность легализации допинга (ослаблении ограничений на приём препаратов) в спорте. Предлагается анализ утилитаристского аргумента в пользу легализации на основании недопустимости запрета причинения вреда себе. С опорой на критику утилитаризма Ж. Батаем показано, что утилитаризм ограничивается логикой максимизации жизни, в то время как растрата полезности и причинение вреда себе являются важной частью человеческой социальной активности и способствуют укреплению сообщества благодаря борьбе за признание. Мы показываем, что утилитаристская аргументация о легализации допинга упускает из внимания значение «спортивного духа» и определяем это понятие с опорой на идею наднационального единства спортивного сообщества. В статье показано, что допинг способствует разрушению спортивного сообщества и межнациональной вражде за счёт стимуляции агрессивной конкуренции и подрыва общих оснований участников соревнований. Предложенные аргументы косвенным образом свидетельствуют в пользу нецелесообразности легализации допинга и указывают на необходимость мер по консолидации спортсменов. В заключении показано, каким образом фактор сообщества может использоваться для аргументации по поводу целесообразности улучшения человека в целом.

Ключевые слова: спорт, допинг, улучшение человека, утилитаризм, сообщество, биополитика, Жорж Батай.

Abstract. This paper discusses the grounds for legalization of doping (relaxing doping controls) in sports. First, I analyze the utilitarian prohibition to limit self-harm. I rely on Georges Bataille's criticism of utilitarianism to show that utilitarianism is restricted to the logic

of life maximization and inevitably overlooks that wasting utility and self-harm are necessary parts of human social life and reinforce community by stimulating the struggle for recognition. I also demonstrate that utilitarianism ignores the significance of the 'spirit of sport' and define this concept with the idea of supernational unity of athletes. The argument claims that doping provides for destruction of the community of athletes and increase international hostility, because it reinforces aggressive competition and undermines common grounds of the competitors. The paper indirectly argues against doping legalization but primarily points to the urgency of measures to reinforce unity among athletes from different countries. In conclusion I suggest that the community factor can be used for in ethical discussions of human enhancement in general.

Keywords: sports, doping, human enhancement, utilitarianism, community, biopolitics, Georges Bataille.

Одной из наиболее активно обсуждаемых тем в связи с улучшением человека является допинг в спортивных играх. Причины этого лежат на поверхности: именно в спорте запрос на расширение человеческих возможностей особенно очевиден. И поэтому именно в спорте фармакологические лаборатории и компании зачастую предлагают новинки, которым в будущем предстоит стать частью нашей повседневной жизни. Допинг выглядит запретным плодом: если открыть ему дорогу, наше будущее может необратимо измениться, в лучшую или худшую сторону.

В последние годы в профессиональном спорте резко возросло число допинговых скандалов. Олимпийские игры 2016 года запомнились, в первую очередь, дисквалификацией сборной России в целом ряде дисциплин, включая легкую и тяжёлую атлетику, а также полным отстранением российских паралимпийцев. И хотя подозрения в существовании централизованных программ обмана антидопинговых служб в России стали центральной темой обсуждения, с проблемами столкнулись и атлеты из многих других стран, а в некоторых случаях — целые федерации (как, например, в случае болгарской тяжёлой атлетики). Вкупе с относительно недавними событиями в велоспорте, где полицейские расследования обнаружили, что применение допинга было практически тотальным, всё это заставляет говорить о том, что допинг представляет не просто техническую проблему для современного спорта, а угрожает его существованию в нынешнем виде.

На этом фоне всё более интенсивными становятся дискуссии о целесообразности «легализации допинга»¹. В самом деле, при некотором взгляде на проблему стремление прибегать к допингу выглядит настолько повсеместным, что ограничения на его использование представляются искусственными. Совершенствование запрещённых средств стимуляции спортсменов происходит наперегонки с развитием технологий их обнаружения, и вместе эти процессы представляют собой часть общего прогресса фармакологии, расширяющей (enhancing) возможности человека. Так стоит ли так упорно бороться против прогресса? Почему бы просто не легализовать допинг?

В этом контексте проблема допинга становится частью более общих дискуссий о биоэтическом регулировании улучшения человека. Для обыденного сознания стандартный аргумент против допинга уже выглядит неубедительно: если спортивная фармацевтика стала неотделимой и важной частью профессионального спорта, имеет ли смысл вести разговор о том, что некоторые препараты более вредны или более «нечестны», чем другие? Тем более, что то, что разрешено сегодня, оказывается запрещено завтра, и наоборот.

Всё больший вес приобретает либеральная (либертарианская) позиция, состоящая в том, что никто не имеет права мешать человеку, который хочет нанести себе вред, если он при этом не наносит вреда окружающим. Кроме этического обоснования, эта позиция содержит в себе и прагматический аргумент: запрещать наносить себе вред не только неправильно, но и бесполезно, потому что человек всё равно найдёт способ это делать, несмотря ни на какие запреты. История с допингом наилучшим образом подтверждает этот тезис: в то время как антидопинговые службы всеми силами борются за здоровье атлетов, сами атлеты ищут способ нанести себе вред и преуспевают в этом.

В данной работе мы рассмотрим либеральный аргумент за легализацию допинга. Мы покажем, что аргумент о недопустимости запрета на причинение вреда себе, по сути, сводится в утилитаристском языке к утверждению о том, что причинить вред себе невозможно. Далее мы обратимся к критике утилитаризма Жоржем Батаем и продемонстрируем, как Батай показывает, что причинение вреда

¹ Более корректно следует говорить об ослаблении контроля над употреблением допинга, поскольку препарат является допингом лишь до тех пор, пока он входит в запрещённые списки. Легализация допинга привела бы к его исчезновению.

себе не только возможно, но и весьма характерно для человеческой природы. С помощью Батая мы введём иной критерий оценки улучшений человека, чем тот, что предлагает утилитаризм и покажем — критерий поддержания сообщества, и покажем, какое значение этот критерий имеет в современном мире. Наконец, с помощью полученного критерия мы проанализируем проблему легализации допинга и выдвинем аргумент против неё, которые редко учитываются в современных дебатах — этот аргумент состоит в том, что допинг разрушает спортивное сообщество и поэтому чреват распространением вражды между индивидами и нациями.

Следует отдельно отметить, что в данной статье мы не будем говорить о проблеме допинга с точки зрения критерия честной конкуренции, а сосредоточимся на аргументе о причинении вреда себе. В условиях, когда спортивные достижения невозможны без серьёзной технологической и фармакологической поддержки (что не означает, что технологии и фармакология играют решающую роль в достижениях), спортивная конкуренция в любом случае включает в себя работу технолог, команд обслуживания, физиотерапевтов и т. д. Поскольку большие победы невозможны без участия вспомогательных технологий, одни спортсмены всё равно имеют технологическое преимущество над другими, так что легализация допинга не может ни радикально ухудшить, ни радикально исправить эту ситуацию.

Утилитаристский аргумент о причинении вреда себе

Радикальный либеральный (либертарианский) аргумент в дискуссиях об улучшении человека предполагает, что любые модификации должны быть разрешены, поскольку человек сам делает свободный выбор, который не вредит другим. За этим аргументом стоит рассуждение в теоретической рамке утилитаризма. Улучшение человека понимается как максимизация индивидуальной полезности, которая в данном случае может быть в широком смысле названа максимизацией жизни, потому что она приводит к увеличению либо продолжительности жизни, либо её насыщенности ли выгод, которые она может принести.

Раз улучшение человека может быть понято как максимизация полезности (жизни), то к нему применима утилитаристская антропологическая модель. Эта модель была предложена основоположником утилитаризма Иеремией Бентамом в его знаменитом «принципе полезности». Согласно Бентаму, «под принципом полезности пони-

мается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью»¹. Таким образом, человек рассматривается как машина по максимизации счастья, которое может быть операционализировано как полезность, и, напротив, сокращению страдания. Полезность общества Бентам понимает как суму индивидуальных полезностей, так что если максимизация моей полезности не сокращает полезности кого-то другого, то моё действие автоматически будет общественно полезным.

Бентам уделяет специальное внимание опровержениям принципа полезности. Наиболее сильный аргумент против своих оппонентов он выдвигает, пользуясь формальным характером принципа полезности. Неважно, что именно понимается под полезностью; мы всегда стремимся максимизировать то, что в настоящий момент считаем полезным. Из-за этого противники принципа полезности попадают в логическую ловушку: «когда человек хочет опровергать принцип пользы, то свои доводы для этого он, сам того не сознавая, извлекает из этого же самого принципа»². В самом деле, если мы утверждаем, что сообразовываться с полезностью дурно, то мы тем самым предполагаем, что это бесполезно, поскольку полезность Бентам изначально задаёт как самую общую характеристику блага. Сильное место утилитаризма Бентама является одновременно и его слабым местом: в конечном счёте, рассуждение может быть сведено к тривиальному «благом для индивида является всё, что полезно индивиду, т. е. всё, что есть для него благо».

При этом в утилитаризме закрепляется принцип логического примата индивидуального блага, который далее развивается в либеральной мысли, направленной на защиту индивидуальности. Ближайший последователь Бентама Дж. С. Милль развернул антропологию Бентама в модель «экономического человека», являющуюся аксиомой политической экономии: «Политическая экономия ... исходит из предпосылки, что человек в силу своей природы предпочитает больший объем богатства меньшему во всех случаях»³.

¹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998. С. 4.

² Там же С. 6.

³ Mill J. S. On the Definition and Method of Political Economy // D. Hausman (ed.) The Philosophy of Economics: An Anthology. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 42.

Здесь абстрактная полезность сводится к более узкому богатству, однако в ходе последующего развития экономическая наука совершит обратный ход от преумножения материального богатства к максимизации редких ресурсов вообще¹. Наиболее абстрактной формой «ресурса» как философской категории сегодня является жизнь; мы вернёмся к этому ниже.

На основании этой модели Милль формулирует принцип невмешательства в максимизацию индивидуальной полезности, который должен ограничивать действия регулятора по отношению к индивиду: «Принцип этот заключается в том, что люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, — личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие. Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать, или что-либо не делать, на том основании, что от этого ему самому было бы лучше, или что от этого он сделался бы счастливее, или наконец, на том основании, что, по мнению других людей, поступить известным образом было бы благороднее и даже похвальнее»².

Таким образом, даже если индивид объективно причиняет себе вред, это не является основанием для ограничения его действия. Поэтому, например, недопустимо ограничивать вредные привычки, не причиняющие вреда окружающим, или применение медикаментов, которые имеют для индивида вредные последствия. Этот аргумент имеет прямое значение для принятия решений по регулированию улучшения человека, так как он задаёт критерий индивидуальной полезности в качестве основного и ориентирует на поиск возможного побочного вреда для полезности окружающих³.

Этот же аргумент используется и сторонниками легализации допинга в профессиональном спорте. С точки зрения Дж. Савулеску и Б. Фодди, использование допинга работает в интересах (максими-

зирует полезность) как атлетов, так и зрителей¹. Задача первых — улучшать свои спортивные результаты и выигрывать. Вторые хотят видеть больше спортивных соревнований, с более интенсивной конкуренцией и также с более высокими результатами. Поскольку допинг (в частности, эритропоэтин и анаболические стероиды) позволяет спортсменам быстрее восстанавливаться, он действует к обоюдной выгоде спортсменов и аудитории.

С этой точки зрения, спорт представляет собой «стремление к физическому совершенствованию человека (с точки зрения навыков или силы) в рамках деятельности, подчинённой правилам», причём эти правила произвольны². В таком случае, два требования, которым должны удовлетворять правила игры, состоят в том, чтобы они: а) позволяли спортсменам проявлять и совершенствовать свои качества; б) позволяли сравнивать атлетов друг с другом. Легализация допинга (то есть препаратов, которые сейчас считаются недопустимыми, т. к. допинг существует лишь по отношению к действующим правилам) не мешает ни одному из этих принципов, а напротив, только способствует им, Савулеску и Фодди упоминают также о спортивном духе. Они не дают ему определения, но отмечают подозрения в том, что допинг будет подрывать спортивный дух на том основании, что технологическая гонка уже сейчас является де-факто частью соревнования. Ниже мы покажем, что это чрезмерно узкое понимание спортивного духа, и допинг в действительности вредит спортивному духу, что влечёт за собой более пагубные последствия, выходящие за пределы игры.

Единственное дополнительное ограничение внеутилитаристского плана, на которое готовы пойти Савулеску и Фодди, состоит в том, чтобы тестировать состояние здоровья спортсменов и не допускать тех, кто не соответствует определённым конвенциональным, но медицински обоснованным критериям (например, уровень красных кровяных телец в крови). В этом случае на спортсмена ложится ответственность по использованию препаратов таким образом, чтобы он не нанёс фатального вреда его здоровью. Здесь возможны некоторые возражения. Во-первых, такая политика резко увеличит стимулы к экспериментированию с медикаментами, что подвергнет

¹ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 10–23.

² Милль Дж. С. О свободе // Хрестоматия. Политология. М.: Гардарики, 2000. С. 622.

³ Holm S., McNamee M. Physical Enhancement: What Baseline, Whose Judgment? // Enhancing Human Capacities. Malden; Oxford: Blackwell, 2011. P. 296.

¹ Savulescu J., Foddy B. Le Tour and Failure of Zero Tolerance: Time to Relax Doping Controls // Enhancing Human Capacities. Malden; Oxford: Blackwell, 2011. P. 304–312.

² Ibid. P. 309.

атлетов большому риску¹. Впрочем, предполагается, что профессиональный спорт в любом случае безусловно вреден для здоровья, и потому нет смысла контролировать за спортсменов вред, который они готовы себе нанести. Во-вторых, нормы могут различаться для разных людей, и в условиях, когда малейшее различие может обеспечить преимущество, установить безопасные нормы становится трудной задачей.

Однако здесь нет необходимости разбирать реализуемость ограничения, предлагаемого Фодди и Савулеску. Нас больше интересует содержание их общего аргумента, который по существу является утилитаристским аргументом о недопустимости ограничения причинения индивидом вреда себе. По сути, утверждает, что спортсмены целенаправленно по роду своей деятельности вовлечены в причинение вреда себе; единственный вред, которого они хотели бы избежать — это несчастные случаи, которые связаны с их физическим состоянием (например, известны случаи гибели атлетов во время соревнований из-за допинга). Т. е. вред, который они сознательно допускают — это долговременный вред их здоровью.

Если проанализировать этот аргумент внимательнее, то станет ясно, что категория вреда не имеет смысла. В самом деле, спортсмены максимизируют свою полезность, измеренную через заработок, славу, престиж, ощущение борьбы и т. д. Риски для здоровья являются ценой, которую они платят за это; однако вообще любое совершаемое нами действие неизбежно имеет свою цену (хотя бы в виде затрат времени и альтернативных издержек несовершенства какого-либо другого действия). Таким образом, от приёма препаратов увеличивается субъективная полезность спортсменов, и с субъективной точки зрения ни о каком вреде здесь говорить невозможно. Конечно, можно предположить, что спортсмены неправильно рассчитывают свою полезность, и в действительности вред от препаратов превышает выигрыш от будущих результатов. Однако с утилитаристской точки зрения это бессмысленное суждение: в конечном счёте, никто, кроме действующего, не знает, насколько для него важно добиться результата на данном конкретном старте и чем он готов ради этого рисковать.

¹ Murray T. The Misguided Quest for the Ethics of Enhancement. In: A. Akabayashi (ed.) The Future of Bioethics: International Dialogues. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 201.

Этот вывод можно получить и из общего рассмотрения принципа полезности. Поскольку индивид всегда занят максимизацией полезности, он не может действовать во вред себе. Точка зрения окружающих по поводу последствий его действий не принимается утилитаристами во внимание, поскольку индивид является исходной точкой утилитаристского анализа. Тот же формальный аргумент, который позволил Бентаму опровергнуть своих оппонентов, показывает, что предполагаемое действие во вред также является действием в расчёте на пользу, если индивид желает максимизировать этот вред. Наиболее красноречивым примером является самоубийство: с точки зрения утилитариста, осознанное самоубийство является актом увеличения полезности, как её понимает действующий. В нём нет никакого безусловного вреда себе, ибо откуда мы можем знать, стоит ли вообще жизнь того, чтобы влачить своё существование?

Таким образом, содержание принципа Милля состоит не в том, что нанесение вреда себе не должно запрещаться, а в том, что нанесение вреда себе невозможно. Иллюзия того, что некто наносит вред себе, может возникнуть только у наблюдателя со стороны, который ошибочно примеряет на действующего собственные критерии полезности. А раз нанесение вреда себе невозможно, то максимизация индивидуальной полезности не должна ограничиваться (если она не наносит вред окружающим — в этом случае в дело уже вступают их представления о полезности). С последовательно утилитаристской точки зрения, в использовании допинга нет и не может быть никакого вреда себе¹.

Критика утилитаризма Ж. Батаем: грата и сообщество

Утилитаризм стал одним из основных подходов в современной этике и, разумеется, многократно подвергался критике. Мы обратимся здесь к возражениям, выдвинутым против утилитаризма Жоржем Батаем, поскольку они направлены на центральный утилитаристский тезис и позволяют зафиксировать то, что теряется при выборе утилитаристской перспективы. При этом следует оговориться, что Батай, хотя и разрабатывал собственную политическую философию, не ставил цель предложить последовательную этическую

¹ Тогда ограничение Савулеску-Фодди связано лишь с тем, что мы на основании здравого смысла предполагаем, что спортсмен в нормальных обстоятельствах не хотел бы скоростной смерти от применения допинга — а не с тем, что, с нашей точки зрения, такая смерть была бы объективно нежелательна и должна быть предотвращена.

доктрину, которая была бы способна давать этическую оценку любым действиям и составить конкуренцию утилитаризму. Поэтому здесь наша задача состоит в краткой реконструкции позиции Батая с тем, чтобы использовать её для вынесения сужения по вопросу о легализации допинга.

Батай начинает свою критику с того, что обращает внимание на устойчивую склонность людей «безрассудно расточать и разрушать», которая плотно закреплена в ряде социальных институтов. Мы постоянно вовлекаемся в демонстративное потребление, жертвоприношения, а также в яростные состязания, характерным примером которых является спорт. Деструктивная, бесполезная природа этих видов деятельности ускользает от внимания утилитариста, который видит в них лишь «духовные», а потому несущественные явления¹.

Среди этих разрушительных практик особое внимание Батая привлекает обряд потлача у североамериканских индейцев, аналоги которого детально описаны этнографами в разных частях света и проанализированы Марселем Моссом. Мосс определяет потлач как «тотальные поставки агонистического типа» — это означает, что в процесс вовлечены два (или более) клана, составляющих вместе некоторое более широкое сообщество (племя), которые связаны максимально возможными взаимными обязательствами и обмениваются масштабными дарами (поставками) в форме ожесточённого соперничества с целью «передарить» друг друга так, чтобы оппонент оказался неспособен вернуть дар². Императив, стоящий за потлачем, состоит в том, чтобы продемонстрировать оппоненту свою преданность ему и в то же время независимость от материальных ограничений через готовность безвозмездно отдать ему всё что угодно (участники не рассчитывают на ответный дар — напротив, их цель состоит в том, чтобы совершить такой ар который уже не может быть возвращён). Обычно ввиду агонистического характера дара потлач сопровождается пирами, избыточным потреблением ресурсов, переходящим в их уничтожение, и в некоторых случаях может переходить в оргии, жертвоприношения и ритуальные убийства.

Батай обращает внимание на то, что потлач полностью опровергает господствующие утилитаристские представления о потреблении как о максимизации полезности. Обряд, который воплощает в себе всю суть потребления, на деле оказывается построен на ис-

¹ Батай Ж. Понятие траты // Ж. Батай. Проклятая доля. Понятие траты. М. : Гнозис; Логос, 2003. С. 186.

² Мосс М. Опыт о даре. М. : КДУ, 2011. С. 143.

треблении. Действия потребляющих индивидов обусловлены не индивидуальным насыщением, а диктуются им сообществом, к которому они принадлежат. В таких современных ситуациях, как демонстративное потребление, несложно разглядеть эти принципы ориентации на окружающих и на сообщество (а какое потребление не является демонстративным в капиталистическом мире, пронизанным потребительскими символами и брендами?).

Смысл аргумента Батая против утилитаризма состоит в том, что люди не только могут стремиться к страданию и уничтожению полезности, но, более того, эта склонность является для них одной из базовых. Это, впрочем, можно понять, только если отталкиваться в трактовке человеческого поведения не от индивида, а от сообщества, которое способно диктовать ему смысл его действий. Потлач выполняет функцию интеграции сообщества, оберегает индивидов и кланы от воинственного противостояния друг с другом и задаёт конечный смысл их хозяйственной деятельности с помощью системы престижа, получаемого за щедрость.

Потлач показывает, что утилитаристская позиция в действительности противоречива. В самом деле, для того, чтобы объяснить целенаправленную деятельность по уничтожению ресурсов, которая является ключевой для человеческих сообществ, утилитаристу придётся ответить на вопрос о том, что здесь максимизируется, какая именно полезность? Если функция индивидов состоит в максимизации растраты, то есть бесполезности, то тогда придётся согласиться с тем, что речь идёт о «полезности бесполезности». Но тогда само понятие «полезности» становится тождественным своей противоположности и бессодержательным.

Вопреки этому Батай утверждает, что в человеческих обществах помимо деятельности по производству и сохранению ресурсов, на которой концентрируются утилитаристы, существует также «непроизводительная трата» — «роскошь, траур, войны, культы, возведение бесполезных монументов, игры, зрелища, искусства, перверсивная сексуальная активность (при которой рождение детей не является целью)»¹. Цель траты не может быть сведена к преумножению ресурсов. Трата всегда ориентирована на другого и на сообщество, на требование признания со стороны другого и сообщества, на готовность жертвы ради другого и ради сообщества, и потому работает на консолидацию сообщества.

¹ Батай Ж. Понятие траты. С. 188.

Соотношение этих двух элементов, производительного накопления и непроизводительной траты, с точки зрения Батая, обуславливает историческую динамику нашего времени. Современный капитализм возник в тот момент, когда в обществе возобладали буржуазная мораль и оно вытеснило трату, полностью заместив её накоплением. Уточняя тезис Макса Вебера о происхождении капитализма с позиций теории траты, Батай говорит, что «переворот, совершённый Реформацией, — как это и видел Вебер, — имел, несомненно, глубокий смысл: смысл перехода к новой форме экономики. И если обратиться к той страсти, что одушевляла великих реформаторов, можно сказать, что, наделив крайними последствиями требование религиозной чистоты, она разрушила сакральный мир, мир непродуктивного потребления, и отдала землю людям производства, буржуа»¹.

Однако поскольку в человеческой природе изначально сочетаются два начала, производительное и разрушительное, репрессия одного из них неизбежно приводит к реакции. Подавление энергии разрушения приводит к тому, что индивидуализм как будто бы выводит человека из под контроля сообщества и освобождает его от ориентации на другого. Конечно, в действительности мотивы престижа и траты никуда не исчезают, как можно видеть в упомянутых институтах демонстративного потребления, а также в спортивной конкуренции. Однако там они существуют в превращённой форме, лишь в форме демонстрации собственного статуса, но без готовности жертвы ради сообщества, дающего этот статус. В результате социальная солидарность не находит себе выхода в актах взаимного признания и одаривания, и сообщество оказывается под угрозой. Это чревато усугублением взаимной враждебности между частями сообществ, распространении милитаризма и, в конечном счёте, войной. Именно таким пугающим образом непроизводительное, антиутилитаристское, и социальное начало берёт реванш у принципа максимизации.

С точки зрения «принципа потери», как его называет Батай, действия следует оценивать на предмет их влияния на поддержание сообщества. Речь в данном случае идёт не об общем благе, а именно о поддержании сообщества, которое не может выжить в условиях господства индивидуалистического принципа полезности. Поскольку

¹ Батай Ж. Проклятая доля // Ж. Батай. Проклятая доля. Понятие траты. М. : Гнозис; Логос, 2003. С. 114.

Батай вводит два базовых принципа, то этическая оценка, в действительности, будет более сложной: речь скорее идёт о поддержании равновесия. Однако поскольку в настоящее время принцип индивидуальной полезности является господствующим и уже порождает взрывные, реваншистские реакции, мы остановимся на императиве поддержания сообщества и посмотрим, какое значение он имеет в ситуации регулирования улучшения человека и, в частности, в проблеме легализации допинга.

Максимизация жизни и биополитика

Батай замечает, разбирая утилитаристский принцип, что он включает в себя, с одной стороны, «приобретение и сохранение благ», а с другой — «воспроизводство и сохранение человеческой жизни»¹. Тем самым он предвосхищает эволюцию утилитаризма и экономики в целом во второй половине XX столетия. По мере развития капитализма преумножающая активность человека обратилась вовнутрь, переключившись с накопления богатства на максимизацию жизни. То, что нынешнее время стало временем бурного развития биотехнологий, является следствием всё возрастающего значения биологической жизни в организации общества.

То обстоятельство, что жизнь лежит в основе современного политико-экономического уклада, было подробно проанализировано в работах Мишеля Фуко, опиравшегося, в том числе, на интуицию Батая. Фуко показал, как становление политической экономики как дисциплины было частью нового режима правления, предполагающего и продвигающего собственную модель человека — модель *homo oeconomicus*. Экономический человек, сосредоточенный на максимизации собственной полезности, выключается из политической жизни сообщества и концентрируется на частных, индивидуальных ресурсах. Параллельно в результате становления системы национальных государств в поствестфальской Европе и межгосударственной экономической конкуренции происходит переосмысление государственной власти. Государство начинает рассматривать состоящее из отдельных индивидов население как источник собственной мощи и богатства, и впервые проявляет серьёзный интерес к тому, чтобы индивиды обогащались. Если прежде их жизнь была нужна для того, чтобы ей можно было

¹ Батай Ж. Понятие траты. С. 186.

распорядиться (например, как ресурсом в бою), то теперь индивиды должны быть живы, чтобы максимизировать ресурсы. Как говорит Фуко, если прежде государство позволяло жить и могло казнить по своему усмотрению, то теперь оно предпочитает «заставлять жить и позволять умереть»¹.

Это включение жизни в содержание политической власти Фуко называет «зарождением биополитики» — политики, разворачивающейся на уровне биологической жизни². Медицинские и биотехнологические прорывы современности являются лишь стороной общего биополитического переустройства общества. Другой его стороной является радикальное переустройство власти, становление техник самодисциплины, благодаря которым индивиды добровольно подчиняются установившемуся режиму власти. Индивидуализация и главенство принципа максимизации личной полезности подтачивает сообщество и институционализирует агрессивную конкуренцию между индивидами, которые забывают о коллективных основаниях совместной жизни.

Современные технологии расширения человека — часть этого импловзивного процесса, в ходе которого человек всё сильнее обращает усилия на максимизацию себя, собственных витальных и физических возможностей. Доминирующая сегодня утилитаристская этика предписывает индивиду осознавать себя прежде всего как живое биологическое существо, объективировать своё тело, относиться к собственному здоровью и жизни как к ресурсу, которым необходимо умело управлять³. Направление громадных человеческих усилий в развитие технологий исправления и улучшения человеческой биологии было бы невозможным, если бы жизнь, здоровье, безболезненное существование, физические возможности для получения удовольствия не стали ценностью номер один. Биотехнологии стали частью агрессивной конкуренции между людьми, стремящимися к наибольшей полезности и жаждущими получить преимущества за счёт расширения возможностей своего тела.

Этическая оценка биотехнологий и, в частности, технологий улучшения человека должна принимать в расчёт «фактор сообщества» — то, в какой степени внедрение новых технологий способствует или препятствует поддержанию солидарности между людьми

¹ Foucault M. Histoire de sexualité I: La volonté de savoir. Paris: Gallimard, 1976. P. 181.

² Foucault M. Naissance de la biopolitique. Paris: Gallimard/Seuil, 2004.

³ Rose N. The Politics of Life Itself. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007. P. 22–23.

ми. Оценка такого рода не должна делать выбор между «разрешать индивиду» или «запрещать индивиду» — выбор, которым ограничивается либеральная утилитаристская этика. Однако разрешение или запрещение не обязательно должно быть целью этической оценки, такая альтернатива без надобности сужает этическую проблематику. Индивиды зачастую действуют так, а не иначе, потому что у них не остаётся реального выбора, если они хотят преуспеть в рамках действующих институциональных обстоятельств, и тогда предметом этической оценки должны стать сами эти обстоятельства, стимулирующие индивидов к определённому поведению. В случае, если институты способствуют исчезновению солидарности между людьми и усилению враждебности, их воздействие должно быть включено в этическую оценку.

Допинг как угроза спортивному духу

Применим эти рассуждения к проблеме легализации допинга. Напомним, основные опасения противников легализации связаны с вредом для здоровья атлетов и подрывом честности соревнований. Выше мы уже показывали, что эти доводы недостаточно убедительны и могут быть опровергнуты утилитаристской аргументацией в пользу легализации. Однако из-за того, что проблема обычно обсуждается в утилитаристских терминах, из виду теряется фактор сообщества.

Как отмечалось ранее, «спортивный дух» в рамках этой дискуссии чётко не определяется и понимается приблизительно как очищенное от технологических манипуляций соревнование, что-то вроде битвы богатырей «один на один». В то же время, рассуждения Батая позволяют увидеть в спортивном соревновании и другой духовный феномен. Агонистическая конкуренция с риском для здоровья, в которую вовлечены спортсмены, представляет собой момент интеграции «спортивного сообщества», частью которого спортсмены являются. Признание, которого спортсмен ищет в соревновании — это, в первую очередь, признание со стороны конкурентов, и только потом — со стороны зрителей. Сообщество спортсменов выступает тем самым как источник престижа, которого ищут спортсмены, и именно поэтому в нём имеют значение не только результаты соревнований, но и преданность игре, и деятельность по её развитию и популяризации.

В современном мире спортсмены часто выступают в роли представителей своих народов. Несмотря на то, что значение соревнований между национальными командами (или клубами) в разных вида спорта разное (скажем, в велоспорте оно достаточно низко), всё же наиболее крупные спортивные события по-прежнему имеют содержание соревнования между политическими единствами. О спорте как сублимации войны сказано достаточно — Дж. Оруэлл называл спорт «войной за вычетом стрельбы»¹. Сегодня спортивное соревнование между атлетами как представителями народов обозначает некоторые общие рамки, в которых народы готовы признавать друг друга и объёмлющее их единство. Конкуренция за победу имеет свое конечной целью не победу, а воспроизводства спортивного объединения, реальными частями которого являются сами атлеты, а репрезентируемыми частями — все народы мира. Тем самым реализуется умиротворяющая функция спорта, которую время от времени выдвигает на первый план олимпийское движение. Лозунг «главное не победа, а участие» обретает здесь конкретный политико-философский смысл — недаром непризнанные государства так стремятся стать участниками международных соревнований.

Несмотря на то, что отдельные атлеты, спортивные федерации или народы преследуют цель победы в соревновании, эта цель не является единственной и даже основной. Основным смыслом их деятельности является поддержание «спортивного духа», то есть духа сообщества, объединяющего спортсменов, а косвенно — народы. Без этого сообщества ни победы, ни соревнования были бы невозможными — для того, чтобы оппонент признал твою победу, необходимо для начала, чтобы вы образовывали с ним объединение, которое не распадется, как только один выиграет, а другой проиграет. Поэтому ценность самого объединения логически оказывается для спортсменов выше ценности победы.

Однако в реальности ценность победы может перевешивать ценность того, что мы называем здесь «спортивным духом». Это ведёт не только к нечестной игре, то есть игре с нарушением запретов — такую проблему можно было бы, как справедливо указывают утилитаристы, частично решить снятием запретов. Это ведёт и к стремлению атлетов расширить возможности своей физиологии за счёт биотехнологий, получить тем самым конкурентное преимущество и добиться победы, которая стала наивысшей ценностью.

¹ Mangan J. A. (ed.) *Militarism, Sport, Europe: War Without Weapons*. London; Portland : Frank Cass, 2005.

Результатом является подрыв единства спортсменов и усиление враждебности между спортсменами и народами. Распространение убеждённости в том, что «все принимают допинг» чревато именно такими последствиями. Независимо от того, верно ли такое подозрение, такая позиция неприемлема для спортсмена и участника сообщества, поскольку она перформативным образом разрушает моральные основания сообщества, объявляя его фикцией. Невозможно включение в сообщества того, кто отрицает ценность самого сообщества и объявляет о примате индивидуальных интересов. Именно поэтому мы видим сегодня, что спортивные соревнования всё в меньшей степени выполняют объединяющую роль и всё больше являются поводом для международных конфликтов и выступают как метафора военной мощи. Этическая сомнительность допинга, таким образом, заключается не в наносимом им вреде здоровью спортсменов, а в целевой ориентации биотехнологического расширения возможностей спортсменов, которая вступает в конфликт с духом спортивного сообщества. Ключевая для спорта задача интеграции оказывается невыполнимой не потому, что допинг воспрещён, но потому что биотехнологическое улучшение спортсменов ставит победу выше спортивного единства и усугубляет агрессивную конкуренцию между спортсменами и народами.

Данный аргумент, показывающий нежелательность допинга для спорта, само по себе ещё не является обоснованием для запрета легализации допинга. Из него следует, что проблема состоит в господствующем стремлении атлетов и стран к использованию допинга. Именно это стремление должно стать основной темой дискуссий о допинге. Соответственно, укрепление спортивного духа и консолидация спортивного сообщества — основная задача, которую необходимо решить, чтобы вернуть спорту объединяющую роль. Сегодня идентичность многих спортсменов практически не формируется их принадлежностью к спортивному сообществу и заслоняется их национальной идентичностью. В этих условиях расширение применения допинга практически неизбежно.

Легализация допинга в таких условиях будет только стимулировать дальнейшее размежевание спортивного сообщества, нарастание антагонизма между странами, и приведёт к невозможности международных спортивных соревнований. По этой причине легализация не является адекватным ответом на текущие

вызовы, которые допинг бросает мировому спорту. В то же время, простой запрет и дальнейшее расширение полицейских мер также не может быть решением и наверняка приведёт к совершенствованию тактик обхода запретов, поскольку причина нигде не исчезнет.

Заключение

Мы предложили подход, который позволяет привлечь дополнительные соображения в дискуссию о проблеме допинга. С нашей точки зрения допинг не подлежит легализации, однако наши соображения опираются не на аргументы о вреде здоровью спортсменов или о нечестности, а на аргумент о необходимости поддержания спортивного духа. Мы исходим из того, что максимизация жизни, формой которой является улучшение спортсменов биотехнологическими средствами, работает против интеграции спортивного сообщества и тем самым подрывает современный спорт и лишает его важной политической функции установления наднационального единства.

Предложенные здесь аргументы могут быть использованы и для этической оценки других технологий улучшений человека. Рассуждения Батая и Фуко показывают, что максимизация жизни имеет свойство увеличивать её экономизацию, стимулировать конкуренцию и размывать основы для солидарного существования. Очевидно, например, что школьники и студенты используют стимуляторы, позволяющие обходиться без сна, усваивая гигантский объём материала, в условиях, когда этого требуют учебные программы и ситуация конкуренции с другими студентами. Утилитаристская дилемма «разрешить/запретить» здесь не имеет смысла: гораздо более адекватной была бы отмена привязки учёбы к результату, устранение избыточной конкуренции между учащимися и укрепление солидарности. Практические рекомендации, не сводящиеся к оценке необходимости полицейских запретов, существенно повышают ценность биоэтических дискуссий.

Литература

- Foucault M.* Histoire de sexualité I: La volonté de savoir. Paris : Gallimard, 1976.
Foucault M. Naissance de la biopolitique. Paris : Gallimard/Seuil, 2004.
Holm S., McNamee M. Physical Enhancement: What Baseline, Whose Judgment? // *Enhancing Human Capacities*. Malden; Oxford : Blackwell, 2011. P. 291–303.

Mangan J. A. (ed.) *Militarism, Sport, Europe: War Without Weapons*. London; Portland : Frank Cass, 2005.

Mill J. S. On the Definition and Method of Political Economy // *D. Hausman* (ed.) *The Philosophy of Economics: An Anthology*. New York : Cambridge University Press, 2008.

Murray T. The Misguided Quest for the Ethics of Enhancement. In: *A. Akabayashi* (ed.) *The Future of Bioethics: International Dialogues*. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 193–204.

Rose N. *The Politics of Life Itself*. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2007.

Savulescu J., Foddy B. *Le Tour and Failure of Zero Tolerance: Time to Relax Doping Controls // Enhancing Human Capacities*. Malden; Oxford : Blackwell, 2011. P. 304–312.

Батай Ж. Понятие траты // *Ж. Батай. Проклятая доля. Понятие траты*. М. : Гнозис; Логос, 2003. С. 183–206.

Батай Ж. Проклятая доля // *Ж. Батай. Проклятая доля. Понятие траты*. М. : Гнозис; Логос, 2003. С. 7–182.

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998.

Милль Дж. С. О свободе // *Хрестоматия. Политология*. М. : Гардарики, 2000. С. 617–625.

Мосс М. Опыт о даре. М. : КДУ, 2011. С. 134–285.

Роббинс Л. Предмет экономической науки // *THESIS*. 1993. Вып. 1. С. 10–23.

Биотехнологии будущего в оценках молодежи¹

Вал. А. Луков

Future biotechnologies as viewed by the youth

Val. A. Lukov

ВВЕДЕНИЕ

Характеризуя биосоциологические основы изучения молодежи в новых условиях, которые возникают и утверждаются по мере становления информационного общества, мы отмечали, что риски для будущей жизни человека и существования человечества нарастают по мере того, как открываются возможности для все большей реализации тех природных свойств молодежи, которые мы обозначили как «дикость» и «инновационность». Мы в этой связи обращали особое внимание на то, что, черпая из этих свойств молодых поколений ресурс своего развития, информационное общество в то же время оказывается незащищенным от новых болезней, которые в определенном ракурсе есть модификация болезней старых, не раз приводивших процветающие цивилизации к упадку и полному исчезновению. Биосоциологический взгляд на новые ресурсы развития молодежи не может не соединяться с биоэтическим пониманием границ вмешательства человека в свою природу и природу общества (Луков, 2013а: 220). В этой связи существенными для общественной реакции и научного прогнозирования были названы актуальные проблемы биосоциологии молодежи, среди которых, в частности, были сформулированы и такие (Луков, 2012аb, 2013b):

– в молодежной среде в наибольшей мере накапливается готовность к экспериментам в области телесности, а также развития интеллектуальных и психических сверхспособностей. По мере реализации этой готовности в действиях (смена пола, вживление чипов в тело и т. п.), которые охватывают критическую массу молодежи, возникнут условия для существенной трансформации картин мира и в целом знаниевых систем ориентации в окружающей действительности (тезаурусов);

– индивидуальные эксперименты, затрагивающие природу человека как биосоциального существа, открывают дорогу к изменениям человеческих общностей и новым направлениям социального конструирования реальности как ментальной деятельности, особенно тесно связанной с инновационным потенциалом молодежи.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-30057/16).

Но могут ли эти предположения, выступающие как теоретические гипотезы, найти подтверждение на эмпирическом уровне? Есть ли свидетельства того, что в молодежной среде действительно происходит формирование картин мира, в которых человек как биосоциальное существо предстает наделенным новыми свойствами, которыми он не обладает от природы?

Цель данной статьи состоит в выявлении эмпирических свидетельств, позволяющих подтвердить, скорректировать или отвергнуть гипотезы относительно конструируемой на теоретическом уровне позиции молодежи по вопросам перспектив человека. Нас прежде всего будет интересовать вопрос об отношении молодежи к новым биотехнологиям, которые могут повлиять на определенные свойства человека как биосоциального существа.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках научного проекта «Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека» (руководитель Б. Г. Юдин; проект поддержан грантом РФФ № 15-18-30057/16) в мае-августе 2016 г. было проведено социологическое исследование «Социальные ожидания и опасения развития технологий “улучшения” человека в молодежной среде». Инструментарий исследования подготовлен нами на основе разработок, выполненных на предыдущих стадиях названного проекта. Полевую часть исследования в форме анкетного опроса по этому инструментарию проводил коллектив социологов Московского гуманитарного университета (руководитель А. И. Ковалева).

Исследование проводилось по целевой выборке. Общее число опрошенных составило 733 чел.¹ При этом выделялись две подвыборки: первую составили молодые специалисты в области биологии, медицины, разработки медицинских и биотехнологий, биоэтики, психологии и студенты, получающие специальности в этих сферах; вторую составили студенты, аспиранты различных гуманитарных, технических и других специальностей, не получающих подготовку в области медицинских и биотехнологий.

¹ Мы пользуемся теми данными опроса, которые были обработаны к 1.08.2016 г. При завершении обработки всех полученных в полевой части исследования данных некоторые приводимые в статье распределения могут незначительно расходиться с окончательными.

Анкетный опрос проводился в вузах и научных организациях Москвы, Анадыря, Белгорода, Братска, Екатеринбурга, Иркутска, Кызыла, Новосибирска, Элисты, Якутска. В режиме экспертного опроса и наблюдения по той же группе вопросов исследование проводилось также среди участников Международной научной школы для молодежи «Концепции постчеловека в философии и технонауке», проходившей на базе отдыха «Нежеголь» Белгородского государственного национального исследовательского университета. Российские молодые участники школы приехали из Белгорода, Волгограда, Воронежа, Курска, Липецка, Москвы, Перми, Саратова, Санкт-Петербурга.

Большинство опрошенных составляли студенты, что отразилось на социально-демографических характеристиках участников анкетного опроса. Женщины составили 67,8% респондентов, мужчины — 32,2%. Доля в выборке женщин несколько больше, чем в распределении полов, фиксируемых в целом по российским вузам: по данным 2009/2010 учебного года, доля женщин в составе студентов государственных и муниципальных вузов России составляла 56,3% (Молодежь в России, 2010: 90), но, во-первых, в некоторых регионах эта доля значительно больше (в Новгородской области, например, 67,7%), во-вторых, в исследовании по целевой выборке скорее важно наличие достаточных по объему подвыборок каждого из полов.

Возрастная дифференциация опрошенных представлена следующими группами: до 18 лет (20,1%), от 19 до 20 лет (45,0%), от 21 до 22 лет (18,4%), от 23 до 24 лет (7,0%), 25 лет и старше (8,9%); незначительное число участников не сообщили данные о своем возрасте (0,7%). Таким образом, в число опрошенных попали в основном представители средней возрастной подгруппы (если исходить из принятой в российском законодательстве позиции отнесения к молодежи лиц в возрасте от 14 до 30 лет). Распределение респондентов по уровню образования: высшее — 15,8%, незаконченное высшее — 81,7%, имеют ученую степень кандидата, доктора наук — 1,8%.

Данные, полученные в ответ на вопрос «По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?», были сгруппированы в две группы, которые составили две подвыборки исследования. К первой — «биолог, медик, психолог» — были отнесены 149 респондентов (20,3%), ко второй — «другие специальности» — 540 респондентов (77,8%). Нет данных по этому вопросу у 16 респондентов (2,2%).

Сферы деятельности, в которых трудятся или планируют работать после получения высшего образования респонденты, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение опрошенных по сферам деятельности

В какой сфере Вы трудитесь (для студентов — планируете работать в будущем)?	Ваш пол:		
	мужской	женский	Всего
промышленное производство	10.7	5.7	7.2
сельское хозяйство	4.7	2.0	2.9
медицина	3.8	11.3	8.9
гуманитарные и социальные науки	43.2	44.1	43.5
естественные науки	6.0	12.3	10.2
сфера образования	11.1	15.8	14.2
техника и технологии	17.9	7.1	10.5
другие сферы деятельности	17.9	17.0	17.9
Всего	100.0	100.0	100.0

В большинстве своем опрошенные не имеют общего трудового стажа (53,1%), так что сферы деятельности для многих — скорее предмет намерений. Стаж до 1 года имеют 19,1%, от 1 года до 3 лет — 16,1%, свыше 3 лет — 11,1% опрошенных. Таким образом, на картины мира основной части респондентов трудовая деятельность в той или иной сфере еще не могла оказать существенного влияния. О том же свидетельствует и распределение ответов участников исследования по вопросу о должностном статусе: 88,9% отметили, что им присущ статус учащих (студентов, аспирантов, докторантов).

Такой состав опрошенных представляет определенный интерес. С одной стороны, мы имеем возможность выявить мнения молодых людей, находящихся в возрасте активного освоения будущей профессиональной деятельности и в то же время — освоения более фундаментальных и разносторонних отношений дружбы и любви, чем это присуще подросткам, «открытия Я» и размышлений о смысле жизни, своем месте и роли в жизненном потоке, построения семьи и размышлений о новом поколении в парадигме «отцы-дети», где молодой человек уже значительно чаще идентифицирует себя не с «детьми», а с «отцами».

Будущая профессиональная деятельность еще не стала для большинства основным делом жизни, но уже дифференцируются источники информации о том, что составит предмет осваиваемой профессии, возникает устойчивый круг контактов в профессиональном сообществе, формируется круг «своих», отличающийся, среди прочего, по присущему ему дискурсу и формам организации повседневности.

Следует отметить, что в проведенном эмпирическом исследовании проявились некоторые из этих особых обстоятельств, характеризующих респондентов. Прежде всего это относится к распределению ответов на вопрос о том, из каких источников опрошенные молодые люди чаще всего получают информацию о проектах «улучшения» человека — новых биологических и медицинских технологиях, изобретениях, открытиях и т. п. Наибольшие различия выявились между сгруппированными в кластеры «биолог, медик, психолог» и «другие специальности». Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Источники информации о проектах «улучшения» человека с распределением респондентов по специальности (в % к числу опрошенных)

Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о проектах «улучшения» человека — новых биологических и медицинских технологиях, изобретениях, открытиях и т. п.?	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
из сообщений на научных мероприятиях, конференциях	41	27.5%	60	10.5%	2	12.5%
из общения в социальных сетях	69	46.3%	253	44.4%	6	37.5%
из профессиональной литературы	28	18.8%	31	5.4%	1	6.3%
из научно-популярных и информационных программ СМИ	68	45.6%	354	62.1%	6	37.5%
от научных руководителей, наставников	41	27.5%	57	10.0%	2	12.5%
из повседневных контактов с коллегами по работе, учебе	46	30.9%	102	17.9%		
другое	1	0.7%	24	4.2%		
Нет данных			5	0.9%	3	18.8%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

Для позиции относительно источников информации «из сообщений на научных мероприятиях, конференциях» различия первой и второй подгрупп характеризуются значением t-критерия Стьюдента = 4.38, т. е. различия статистически значимы (при $p < 0,05$). То же относится к позициям «из профессиональной литературы» (4.0), «из научно-популярных и информационных программ СМИ» (3.61), «от научных руководителей, наставников» (4.53), «из повседневных контактов научно-популярных и информационных программ СМИ» (3.16).

Таким образом, из предложенных вариантов ответов лишь по позиции «из общения в социальных сетях» различия двух подгрупп статистически не значимы (t-критерий Стьюдента = 0.42).

Если сравнить эти данные с теми, которые получаем при сопоставлении источников информации для представителей разных полов, то картина такова (табл. 3):

Таблица 3

Источники информации о проектах «улучшения человека» с распределением респондентов по полу (в % к числу опрошенных)

Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о проектах «улучшения» человека — новых биологических и медицинских технологиях, изобретениях, открытиях и т. п.?	Ваш пол:							
	мужской		женский		Нет данных		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
из сообщений на научных мероприятиях, конференциях	36	15.4%	66	13.4%	1	20.0%	103	14.1%
из общения в социальных сетях	93	39.7%	232	47.0%	1	20.0%	326	44.5%
из профессиональной литературы	20	8.5%	39	7.9%	1	20.0%	60	8.2%
из научно-популярных и информационных программ СМИ	141	60.3%	286	57.9%	1	20.0%	428	58.4%
от научных руководителей, наставников	24	10.3%	76	15.4%			100	13.6%

из повседневных контактов с коллегами по работе, учебе	30	12.8%	118	23.9%			148	20.2%
другое	10	4.3%	15	3.0%			25	3.4%
Нет данных	3	1.3%	2	0.4%	3	60.0%	8	1.1%
Всего	234	100.0%	494	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Здесь существенные для дифференциации опрошенной молодежи по приобретенной или получаемой специальности ответы, как правило, не содержат статистически значимых различий (по первым четырем позициям t-критерий Стьюдента = 0,72; 1,85; 0,3; 0,61), статистически значимые различия выявляются только по ответам «от научных руководителей, наставников» (2,00) и «из повседневных контактов с коллегами по работе, учебе» (3,81).

Таким образом, половые различия незначительно сказываются на предпочтении тех или иных источников информации по данной тематике.

В плане возрастной дифференциации картина такова (табл. 4).

Возраст выступает как важный фактор, определяющий для молодого человека пользование тем или иным источником информации по проблематике «улучшения» человека. Если провести границу между первыми двумя возрастными подгруппами (младшие возраста) и остальными (старшие возраста), то статистически значимы окажутся различия в использовании первых четырех источников: информация с научных конференций, из профессиональной литературы — «в пользу» старшей возрастной группы (t-критерий Стьюдента = 3,11; 2,53), информация из общения в сетях, из программ и материалов СМИ — «в пользу» младшей возрастной группы (2,94; 3,35). Такое распределение представляется вполне естественным, оно коррелирует с постепенным встраиванием молодого человека в профессиональное сообщество.

Таблица 4

Источники информации о проектах «улучшения человека» с распределением респондентов по возрасту (в % к числу опрошенных)

	Ваш возраст															
	до 18 лет		19-20 лет		21-22 года		23-24 года		25 лет и старше		Нет данных		Всего			
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		
Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о проектах «улучшения» человека — новых биологических и медицинских технологиях, изобретениях, открытиях и т. п.?	72	49,0%	156	47,3%	57	42,2%	22	43,1%	18	16,9%	1	20,0%	1	20,0%	326	44,5%
из сообщений на научных мероприятиях, конференциях	9	6,1%	20	6,1%	18	13,3%	6	11,8%	6	9,2%	1	20,0%	1	20,0%	60	8,2%
из профессиональной литературы	101	68,7%	200	60,6%	71	52,6%	23	45,1%	32	49,2%	1	20,0%	1	20,0%	428	58,4%
из научно-популярных и информационных программ СМИ	22	15,0%	51	15,5%	16	11,9%	6	11,8%	5	7,7%					100	13,6%
от научных руководителей, наставников																
из повседневных контактов с коллегами по работе, учебе	33	22,4%	29	21,5%	10	21,5%	5	19,6%	7	7,7%					148	20,2%
другое	5	3,4%	8	2,4%	8	5,9%			5	7,7%					26	3,5%
Нет данных	1	0,7%	1	0,3%	2	1,5%			1	1,5%	3	60,0%	8	1,1%	733	100,0%
Всего	147	100,0%	330	100,0%	135	100,0%	51	100,0%	65	100,0%	5	100,0%	26	3,5%	733	100,0%

ПОНЯТИЕ «УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

При формировании инструментария эмпирического исследования мы исходили из трактовки понятия «улучшение человека» как представления о 1) таких физических, психических и духовных качествах человека, которые в наибольшей степени соответствуют установившимся в обществе (сообществе) ожиданиям относительно здорового, успешного, счастливого человека как фундаментальной основы более справедливой и счастливой жизни; 2) имеющих ныне и проектируемых для реализации в будущем способах и технологиях достижения этих качеств. Очевидно, что такие представления опираются на определенную *картину мира*, которая выступает ядром тезауруса — субъектной организации знаний, необходимых для ориентации в окружающей природной, социальной, интеллектуальной, духовно-нравственной среде и для саморазвития субъекта (человека, группы, общества и т. д.) в соответствии со сформировавшейся идентичностью и опирающегося на нее целеполагания. В таком понимании «улучшения» человека мы исходим из тезаурусной теории и методологии исследования (Луков, Луков, 2013, 2014).

В данном случае необходимо учитывать два обстоятельства, которые связаны, в одной стороны, с особенностями объекта исследования, в другой — с теми специфическими аспектами, которые соотносятся с предметной областью изучения «улучшения» человека.

Применительно к первому обстоятельству мы должны обратить особое внимание на то, что опора в ответах об «улучшении» человека на сложившуюся у респондентов картину мира осложняется тем, что у молодого человека составляющая ядро тезауруса картина мира еще не устоялась, на ее формирование интенсивно воздействуют различные факторы, нередко противоположные по производимому эффекту. Картина мира в период молодости может динамично трансформироваться, хотя, конечно, сохраняя уже освоенные константы, идущие от первичной социализации.

Второе обстоятельство, которое важно иметь в виду, — принципиальная направленность самого тезиса об «улучшении» человека в будущее, в зону неизвестного и трудно предсказуемого. Высокая степень неопределенности характеризует все направление форсайт-исследований, в частности, в сферах управления, стратегического планирования в бизнес-сфере и т. д. (Jemala, 2010), здесь неизбежна опора в выводах на мнения экспертного сообщества, что, тем

не менее, не может быть надежной гарантией предвидения будущего таким, каким оно предстанет в отдаленной перспективе. Имеет значение и возникшая практика псевдофорсайтов (Малахова, 2014, электронный ресурс), которая потому и расширяется, что будущее выступает как трудно формализуемая область исследований. Тем более в нашем случае существенно, что молодому человеку, отвечающему на вопросы анкеты, нет возможности опереться на достоверное знание и многое остается в сфере предположений, мнений, догадок, фантазий. Следовательно, трактовка таких ответов должна учитывать большую роль ценностно-нормативных регуляторов, которые могут заменять знание, полученное из опыта (жизненно-профессионального), — особенно с учетом молодежной аудитории опроса.

В полной мере это относится и к тому, на какой основе исследователю строить для молодых респондентов шкалы ответов на вопросы относительно перспективных или, напротив, опасных для «улучшения» человека направлений воздействия на его природу — таких направлений, которые опираются на имеющиеся и проектируемые (ожидаемые) достижения в сфере био- и медицинских технологий.

За основу при составлении шкал нами были взяты характеристики трансчеловека, которые выделил один из основоположников трансгуманизма FM-2030 (литературное имя Ферейдуна М. Эсфендиари, бельгийского писателя-фантаста, футуролога и философа). По его первоначальному определению, транслюди не обязательно должны быть наиболее ориентированными на будущее или самыми сведущими в технологии людьми и не обязательно должны осознавать свою «связующую роль в эволюции». По мере того, как идеи FM-2030 распространялись и росла популярность трансгуманистического движения, понятие трансчеловека стало включать в себя аспекты самоидентификации и активной деятельности как раз вокруг таких признаков трансчеловека, как улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение, распределенная индивидуальность, достижение неограниченного долголетия (Луков, 2013а: 50–51).

Соответственно, и в «шкалу опасений» — тех технологических решений, которые могут быть признаны опасными для здоровья человека и его будущего существования, — были включены технологии или результаты их применения, которые вызывают обществен-

ный резонанс и широко представлены в дискурсе, поддерживаемом средствами массовой информации. Мы обратились к таким алармистски представленным в СМИ тематизмам, как: геномодифицированные продукты питания; управление полом неродившегося ребенка; изменение пола при помощи хирургического вмешательства; нейролингвистическое программирование; клонирование человека; ксенотрансплантация (пересадка органов от животных человеку); использование органов умерших людей.

Такова содержательная рамка для оценивания молодежью перспектив «улучшения» человека. С ее помощью можно сделать первые шаги для выявления предрасположенности различных групп молодежи к фактическому осуществлению предполагаемых сценариев «улучшения» человека и соответствующим изменениям в социальной стратификации и межкультурной коммуникации.

Отношение молодежи к проектам «улучшения» человека, выдвигаемым трансгуманизмом

Одномерное распределение ответов опрошенной молодежи на вопрос о перспективных для «улучшения» человека направлениях воздействия на его природу дает представление об общей тенденции признания/непризнания такой перспективы на основе пяти выделенных сценариев, обозначенных в манифестах трансгуманизма. Такое распределение характеризуется положительными выборами (ответ «да») в следующих объемах: улучшение тела имплантати (киборгизация) — 43,4%, преодоление половых различий (бесплодность) — 10,9%, искусственное размножение — 32,1%, распределение сознания и личности человека в нескольких телах — биологическом и технологическом (распределенная индивидуальность) — 23,6%, достижение неограниченного долголетия — 45,0%. Итак, по крайней мере два из обозначенных сценариев, а именно киборгизация и фактическое бессмертие, представляются перспективными (иначе говоря, ожидаемыми) для почти половины молодежи, получившей или получающей высшее образование. Собственно, и сценарии искусственного размножения представлены значительным числом положительных выборов — их отметили около одной трети опрошенных, да и распределенная индивидуальность, поддержанная примерно одной четвертью опрошенных, также может рассматриваться как желаемая для значительной части нового поколения. Лишь сценарий достижения бесплодности мало привлекателен.

Но уже и на уровне такого рода обобщений видны некоторые несообразности. Их можно обнаружить при анализе доли ответов «не знаю». Относительно сценария «искусственное размножение» доля не определившихся с ответом достигает одной пятой опрошенных (19,8%), по сценарию «распределенная индивидуальность» — превосходит одну четверть опрошенных (27,8%). Очевидно, что эти сценарии менее понятны и менее известны из повседневной коммуникации и сообщений СМИ и популярных произведений массовой культуры, чем, например, сценарии «киборгизация» и «бесплодность». Эти сценарии набирают значительное число отрицательных ответов (т. е. рассматриваются молодежью как бесперспективные с точки зрения «улучшения» человека): доля давших такой ответ среди всех опрошенных достигает 42,2% относительно «киборгизации» и даже 75,2% относительно «бесплодности». В последнем случае, по видимости, проявляется регулирующее воздействие социализационной нормы (Ковалева). Тот же эффект можно предположить относительно значительного числа отрицательных выборов по сценарию «искусственное размножение» (47,6%).

Представляет интерес распределение ответов относительно ожидаемых сценариев «улучшения» человека с учетом основных социально-демографических характеристик опрошенной молодежи, а именно с учетом различий по полу, возрасту и характеру деятельности, определяемому полученным или получаемым высшим образованием и особенностями осуществляемой или ожидаемой профессии. В этом порядке рассмотрим полученные в эмпирическом исследовании данные.

Половая принадлежность респондентов — наиболее заметный фактор различий при выборе ими тех или иных позиций в большинстве эмпирических исследований. Как этот фактор проявляется в данном случае?

В табл. 5 на стр. 144 представлены полученные данные с учетом половых различий респондентов.

Таблица 5

**Распределение ответов молодежи на вопрос
«Считаете ли Вы перспективными для улучшения человека
такие направления воздействия на его природу, как...»
(с учетом различий по полу)**

Улучшение тела имплантами (киборгизация)	Ваш пол:							
	мужской		женский		Нет данных		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Да	132	56.4%	185	37.4%	1	20.0%	318	43.4%
Нет	71	30.3%	238	48.2%			309	42.2%
Не знаю	30	12.8%	71	14.4%	1	20.0%	102	13.9%
Нет данных	1	0.4%			3	60.0%	4	0.5%
Всего	234	100.0%	494	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Преодоление половых различий (бесполость)	Ваш пол:							
	мужской		женский		Нет данных		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Да	26	11.1%	53	10.7%	1	20.0%	80	10.9%
Нет	175	74.8%	375	75.9%	1	20.0%	551	75.2%
Не знаю	32	13.7%	66	13.4%			98	13.4%
Нет данных	1	0.4%			3	60.0%	4	0.5%
Всего	234	100.0%	494	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Искусственное размножение	Ваш пол:							
	мужской		женский		Нет данных		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Да	64	27.4%	171	34.6%			235	32.1%
Нет	129	55.1%	218	44.1%	2	40.0%	349	47.6%
Не знаю	40	17.1%	105	21.3%			145	19.8%
Нет данных	1	0.4%			3	60.0%	4	0.5%
Всего	234	100.0%	494	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Распределение сознания и лич- ности человека в нескольких те- лах — биологи- ческом и техно- логическом (рас- пределенная ин- дивидуальность)	Ваш пол:							
	мужской		женский		Нет данных		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Да	67	28.6%	106	21.5%			173	23.6%
Нет	107	45.7%	242	49.0%	1	20.0%	350	47.7%
Не знаю	58	24.8%	145	29.4%	1	20.0%	204	27.8%
Нет данных	2	0.9%	1	0.2%	3	60.0%	6	0.8%
Всего	234	100.0%	494	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Достижение неограниченного долголетия	Ваш пол:							
	мужской		женский		Нет данных		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Да	124	53.0%	206	41.7%			330	45.0%
Нет	78	33.3%	194	39.3%	1	20.0%	273	37.2%
Не знаю	31	13.2%	92	18.6%	1	20.0%	124	16.9%
Нет данных	1	0.4%	2	0.4%	3	60.0%	6	0.8%
Всего	234	100.0%	494	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Наиболее заметны различия между юношами и девушками в оценке перспективности сценария «киборгизация»: соответственно, 56,4 и 37,4%. Положительные ответы значительно чаще дают представители мужского пола, чем женского, различия статистически значимы (t-критерий Стьюдента = 4,86). Значимы и различия в положительных оценках сценария «распределенная индивидуальность» (t-критерий Стьюдента = 2,06), «неограниченное долголетие» (t-критерий Стьюдента = 2,86) — в пользу выборов, сделанных мужчинами. Предпочтения, основанные на половой принадлежности статистически значимы и для сценария «искусственное размножение» — но в этом случае в пользу выборов, сделанных женщинами (36,6% при 27,4% в ответах мужчин; t-критерий Стьюдента = 2,01). «Бесполость» как перспективный сценарий «улучшения» человека не характеризуется статистической значимостью в аспекте дифференциации респондентов по половой принадлежности (t-критерий Стьюдента = 0,15).

Возрастную дифференциацию респондентов, как отмечено выше, мы свели в пять групп. Применительно к ответам на вопрос о перспективности сценариев «улучшения» человека полученные данные представлены в табл. 6 на стр. 146.

**Распределение ответов молодежи на вопрос
«Считаете ли Вы перспективными для улучшения человека такие направления воздействия
на его природу, как...» (с учетом различий по возрасту)**

Улучшение тела имплантами (киборгизация)	Ваш возраст												Всего	
	до 18 лет		19–20 лет		21–22 года		23–24 года		25 л. и старше		Нет данных		абс	%
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		
Да	57	38.8%	149	45.2%	59	43.7%	22	43.1%	30	46.2%	1	20.0%	318	43.4%
Нет	70	47.6%	136	41.2%	56	41.5%	19	37.3%	28	43.1%			309	42.2%
Не знаю	20	13.6%	44	13.3%	20	14.8%	10	19.6%	7	10.8%	1	20.0%	102	13.9%
Нет данных			1	0.3%							3	60.0%	4	0.5%
Всего	147	100.0%	330	100.0%	135	100.0%	51	100.0%	65	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Преодоление по- ловых различий (бесполость)	Ваш возраст												Всего	
	до 18 лет		19–20 лет		21–22 года		23–24 года		25 л. и старше		Нет данных		абс	%
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		
Да	17	11.6%	37	11.2%	20	14.8%	4	7.8%	1	1.5%	1	20.0%	80	10.9%
Нет	112	76.2%	253	76.7%	97	71.9%	35	68.6%	53	81.5%	1	20.0%	551	75.2%
Не знаю	18	12.2%	39	11.8%	18	13.3%	12	23.5%	11	16.9%			98	13.4%
Нет данных			1	0.3%							3	60.0%	4	0.5%
Всего	147	100.0%	330	100.0%	135	100.0%	51	100.0%	65	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Искусственное размножение	Ваш возраст												Всего	
	до 18 лет		19–20 лет		21–22 года		23–24 года		25 л. и старше		Нет данных		абс	%
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		
Да	39	26.5%	111	33.6%	45	33.3%	18	35.3%	22	33.8%			235	32.1%
Нет	80	54.4%	148	44.8%	61	45.2%	23	45.1%	35	53.8%	2	40.0%	349	47.6%
Не знаю	28	19.0%	70	21.2%	29	21.5%	10	19.6%	8	12.3%			145	19.8%
Нет данных			1	0.3%							3	60.0%	4	0.5%
Всего	147	100.0%	330	100.0%	135	100.0%	51	100.0%	65	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Распределение сознания и личности человека в нескольких телах — биологическом и технологическом (распределенная индивидуальность)	Ваш возраст												Всего	
	до 18 лет		19–20 лет		21–22 года		23–24 года		25 лет и старше		Нет данных		абс	%
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		
Да	33	22.4%	81	24.5%	33	24.4%	15	29.4%	11	16.9%			173	23.6%
Нет	71	48.3%	155	47.0%	64	47.4%	21	41.2%	38	58.5%	1	20.0%	350	47.7%
Не знаю	43	29.3%	92	27.9%	38	28.1%	14	27.5%	16	24.6%	1	20.0%	204	27.8%
Нет данных			2	0.6%			1	2.0%			3	60.0%	6	0.8%
Всего	147	100.0%	330	100.0%	135	100.0%	51	100.0%	65	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

Достижение неограниченного долголетия	Ваш возраст												Всего	
	до 18 лет		19–20 лет		21–22 года		23–24 года		25 лет и старше		Нет данных		абс	%
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		
Да	69	46.9%	154	46.7%	60	44.4%	22	43.1%	25	38.5%			330	45.0%
Нет	56	38.1%	120	36.4%	50	37.0%	17	33.3%	29	44.6%	1	20.0%	273	37.2%
Не знаю	22	15.0%	53	16.1%	25	18.5%	12	23.5%	11	16.9%	1	20.0%	124	16.9%
Нет данных			3	0.9%							3	60.0%	6	0.8%
Всего	147	100.0%	330	100.0%	135	100.0%	51	100.0%	65	100.0%	5	100.0%	733	100.0%

В этом аспекте исследования представляют интерес несколько данных, отличающихся от средних показателей по выборке в целом.

Если среди тех, кому еще нет 19 лет, сценарий «киборгизации» не кажется перспективным для 47,6% опрошенных, то в возрастной группе 25 лет и старше положительно характеризуют эту перспективу 46,2% опрошенных.

Идея «бесполости» у 23–24-летних чаще, чем в других возрастных группах, вызывает ощущение неопределенности (ответ «не знаю» — 23,5%, ср. 11,8% в группе 19–20-летних), у респондентов в возрасте 25 лет и старше доля положительных оценок этого сценария сокращается до 1,5%.

Идея искусственного размножения наименее привлекательна для самой младшей (до 18 лет — 54,4%) и самой старшей (25 лет и старше — 53,8%) возрастных групп.

Сценарий распределенной индивидуальности чаще обозначается как приемлемый в возрастной группе 23–24-летних (29,4%), но респонденты в возрасте 25 лет и старше чаще всего отвергают такую перспективу (58,5%). Подобным образом в этой возрастной подгруппе чаще всего отвергается перспектива неограниченного долголетия (44,6%; на фоне, например, 33,3% в предыдущей возрастной группе).

Возрастная дифференциация в ответах не является в данном случае независимой величиной, она тесно связана с обстоятельствами профессиональной подготовки, образовательными и жизненными траекториями респондентов. Она позволяет также акцентировать некоторые обстоятельства, связанные с разделением кластеров по профессиональному признаку, особенно существенным для данного исследования. Этот признак отражен в вопросе «По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?». Полученное многообразие ответов (более 70) было, как выше отмечено, сгруппировано в две позиции, которые соответствуют выделенным в соответствии с целями исследования двум подгруппам (кластерам). Распределение ответов этих подгрупп на вопрос о перспективах выделенных сценариев «улучшения» человека представлено в табл. 7.

**Распределение ответов молодежи на вопрос
«Считаете ли Вы перспективными для улучшения человека
такие направления воздействия на его природу, как...»
(с учетом различий по профессиональному признаку)**

По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование? Да		Улучшение тела имплантатами (киборгизация)				
		Нет	Не знаю	Нет данных	Всего	
биолог, медик, психолог	абс	51	71	27		149
	%	34.2%	47.7%	18.1%		100.0%
другие специальности	абс	258	238	73	1	570
	%	45.3%	41.8%	12.8%	0.2%	100.0%
Нет данных	абс	11		2	3	16
	%	68.8%		12.5%	18.8%	100.0%

По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование? Да		Преодоление половых различий (бесполость)				
		Нет	Не знаю	Нет данных	Всего	
биолог, медик, психолог	абс	16	105	28		149
	%	10.7%	70.5%	18.8%		100.0%
другие специальности	абс	62	438	69	1	570
	%	10.9%	76.8%	12.1%	0.2%	100.0%
Нет данных	абс	3	9	1	3	16
	%	18.8%	56.3%	6.3%	18.8%	100.0%

По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование? Да		Искусственное размножение				
		Нет	Не знаю	Нет данных	Всего	
биолог, медик, психолог	абс	40	73	36		149
	%	26.8%	49.0%	24.2%		100.0%
другие специальности	абс	192	269	108	1	570
	%	33.7%	47.2%	18.9%	0.2%	100.0%
Нет данных	абс	4	8	1	3	16
	%	25.0%	50.0%	6.3%	18.8%	100.0%

По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили высшее образование? Да		Распределение сознания и личности человека в нескольких телах — биологическом и технологическом (распределенная индивидуальность)				
		Нет	Не знаю	Нет данных	Всего	
биолог, медик, психолог	абс	32	69	47	1	149
	%	21.5%	46.3%	31.5%	0.7%	100.0%
другие специальности	абс	137	274	157	2	570
	%	24.0%	48.1%	27.5%	0.4%	100.0%
Нет данных	абс	4	8	1	3	16
	%	25.0%	50.0%	6.3%	18.8%	100.0%

По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили высшее образование? Да		Достижение неограниченного долголетия				
		Нет	Не знаю	Нет данных	Всего	
биолог, медик, психолог	абс	52	56	40	1	149
	%	34.9%	37.6%	26.8%	0.7%	100.0%
другие специальности	абс	276	210	82	2	570
	%	48.4%	36.8%	14.4%	0.4%	100.0%
Нет данных	абс	3	8	2	3	16
	%	18.8%	50.0%	12.5%	18.8%	100.0%

С учетом этого небезынтересно, что значительная часть участвовавших в исследовании молодых людей вполне определенно признают перспективными для «улучшения» человека трансгуманитический набор основных путей воздействия на его природу. Относительно киборгизации число положительных выборов вместе с «сомневающимися» (не определившимися с ответом или не давшим его) составляет около половины всех респондентов.

Сформулированы подходы к проведению на этапе 2016 г. пилотажного опроса экспертов по тематике проекта. Обосновано, что при организации соответствующих исследований необходимо разделить две задачи: первая связана с выявлением понимания и отношения к проектам «улучшения» человека в среде молодых ученых и специалистов, в той или иной мере имеющих отношение к возможному осуществлению таких проектов; вторая — с установлением готовности молодежи к осуществлению такого рода проектов как

Распределение ответов по 3 вопросу

Какие технологические решения Вы считаете опасными для здоровья человека и его будущего существования?	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
генномодифицированные продукты питания	69	46.3%	276	48.4%	7	43.8%
управление полом неродившегося ребенка	74	49.7%	268	47.0%	5	31.3%
изменение пола при помощи хирургического вмешательства	66	44.3%	247	43.3%	5	31.3%
нейролингвистическое программирование	26	17.4%	98	17.2%	4	25.0%
клонирование человека	67	45.0%	222	38.9%	7	43.8%
ксенотрансплантация (пересадка органов от животных человеку)	50	33.6%	276	48.4%	4	25.0%
использование органов умерших людей	25	16.8%	123	21.6%		
другое	3	2.0%	4	0.7%		
указанные технологии не настолько опасны для человека, как об этом говорят некоторые ученые и журналисты	14	9.4%	42	7.4%		
пальмовое масло			1	0.2%		
ядерное оружие			1	0.2%		
полная киборгизация человека			1	0.2%		
все опасны			1	0.2%		
вживление чипов в тело человека	1	0.7%				
создание генномодифицированных лекарств	1	0.7%				
Нет данных					3	18.8%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

в целом, так и в отношении себя. В этой второй задаче уже не имеется в виду профессиональная подготовка молодых респондентов, существенно то, каковой в новых поколениях определяется граница экспериментов над природой человека, которую недопустимо пе-

реходить, или такая граница и вовсе не признается существенной. Очевидно, что такие сведения могут быть лишь в некоторой степени почерпнуты из анкетного опроса. Для интерпретации потребуются данные, полученные и другими исследовательскими методами и технологиями, включая, в частности, экспертный опрос, анализ документов и др. Много может прояснить программная и организационная подготовка научной школы по данной тематике. Эта позиция изложена в опубликованной в соответствии с планом работы по проекту на 2015 г. статье: Луков В. А. «Улучшение» человека: взгляд молодежи // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20. М., 2015. С. 38–61. В статье рассмотрено существо проблемы «улучшения» человека в аспекте преемственности и смены поколений с учетом того, что сама идея такого улучшения имеет разную интерпретацию в зависимости от формы ее представления (утопия, идеология, проект). Молодежный аспект проблемы связан в статье с парадоксом социальной субъектности — того свойства, приобретение которого характеризует молодежь как социальную группу. Показано, что к биосоциологическим исследованиям молодежи применима «теорема Томаса». В этом ключе ставятся задачи исследования отношения молодежи к перспективам «улучшения человека».

Распределение ответов по 3 вопросу

Какие технологические решения Вы считаете опасными для здоровья человека и его будущего существования?	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
генномодифицированные продукты питания	69	46.3%	276	48.4%	7	43.8%
управление полом неродившегося ребенка	74	49.7%	268	47.0%	5	31.3%
изменение пола при помощи хирургического вмешательства	66	44.3%	247	43.3%	5	31.3%
нейролингвистическое программирование	26	17.4%	98	17.2%	4	25.0%
клонирование человека	67	45.0%	222	38.9%	7	43.8%
ксенотрансплантация (пересадка органов от животных человеку)	50	33.6%	276	48.4%	4	25.0%
использование органов умерших людей	25	16.8%	123	21.6%		

другое	3	2.0%	4	0.7%		
указанные технологии не настолько опасны для человека, как об этом говорят некоторые ученые и журналисты	14	9.4%	42	7.4%		
пальмовое масло			1	0.2%		
ядерное оружие			1	0.2%		
полная киборгизация человека			1	0.2%		
все опасны			1	0.2%		
вживление чипов в тело человека	1	0.7%				
создание генномодифицированных лекарств	1	0.7%				
Нет данных					3	18.8%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

Распределение ответов по 4 вопросу

Эксперименты по совершенствованию человеческой природы — это неизбежный путь к улучшению жизни новых поколений в будущем. Опасности таких экспериментов и даже ошибки не должны оставаться ученым.	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
Да	19	12.8%	79	13.9%	4	25.0%
Скорее да, чем нет	36	24.2%	157	27.5%	3	18.8%
Трудно сказать	42	28.2%	153	26.8%	3	18.8%
Скорее нет, чем да	35	23.5%	114	20.0%	1	6.3%
Нет	17	11.4%	67	11.8%	1	6.3%
Нет данных					4	25.0%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

Улучшать человека надо воспитанием с ранних лет. Никакие биотехнологии не сделают человека лучше и его жизнь счастливее.	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
Да	68	45.6%	314	55.1%	6	37.5%
Скорее да, чем нет	46	30.9%	148	26.0%	4	25.0%
Трудно сказать	22	14.8%	62	10.9%	2	12.5%
Скорее нет, чем да	8	5.4%	29	5.1%		
Нет	5	3.4%	17	3.0%		
Нет данных					4	25.0%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

Определять, какие эксперименты с природой человека допустимы, а какие нет, должны эксперты на основе научных данных.	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
Да	61	40.9%	281	49.3%	3	18.8%
Скорее да, чем нет	56	37.6%	147	25.8%	2	12.5%
Трудно сказать	20	13.4%	81	14.2%	6	37.5%
Скорее нет, чем да	8	5.4%	40	7.0%	1	6.3%
Нет	4	2.7%	21	3.7%		
Нет данных					4	25.0%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

Человека в некоторых сферах должны заменить киборги с встроенными программами действия. Это касается полиции, армии, персонала режимных предприятий и вредных для здоровья производств.	По какой специальности (направлению подготовки) Вы получили (получаете в настоящее время) высшее образование?					
	биолог, медик, психолог		другие специальности		Нет данных	
	абс	%	абс	%	абс	%
Да	15	10.1%	93	16.3%	1	6.3%
Скорее да, чем нет	32	21.5%	92	16.1%	4	25.0%
Трудно сказать	40	26.8%	113	19.8%	3	18.8%
Скорее нет, чем да	19	12.8%	101	17.7%	3	18.8%
Нет	43	28.9%	171	30.0%	1	6.3%
Нет данных					4	25.0%
Всего	149	100.0%	570	100.0%	16	100.0%

Распространение практики проведения псевдофорсайтов также может оказывать негативное влияние. По мере того как популярность форсайта в научном сообществе росла, а число таких исследований увеличивалось, у исследователей и/или организаторов появился соблазн выдавать за форсайт проекты, которые по сути таковыми не являются (не основаны на базовых принципах методологии форсайта) и скорее соответствуют традиционным подходам к прогнозированию 4. Появление таких псевдофорсайтов в разных предметных областях и широкое распространение информации о них дискредитирует метод форсайта как среди заказчиков таких проек-

тов (поскольку результаты не соответствуют ожиданиям), так и среди общественности. В качестве примера можно привести российский форсайт-проект «Детство 2030» (2008–2011 гг.) — его результаты вызвали резко негативную оценку как Государственной Думы, так и общественных организаций, а полемика получила широкое освещение в СМИ, исказив тем самым представления в обществе о сути и значении метода форсайта.

Малахова, Н. (2014) Ключевые факторы интеграции метода форсайта в систему управления исследованиями и разработками (Электронный ресурс). URL: <https://foresight.hse.ru/news/138924636.html>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Jemala, M. (2010) Evolution of foresight in the global historical context // Foresight. Vol. 12, No. 4. P. 65–81.

Луков, В. А. (2012a) Биосоциология молодежи и будущее гражданского общества // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 13–19.

Луков, В. А. (2012b) Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 146–156.

Луков, В. А. (2013a) Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 430 с.

Луков, В. А. (2013b) О проектировании заданных телесных и интеллектуальных свойств человека // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 219–224.

Луков, В. А., Луков Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2014) Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 18–35.

Малахова, Н. (2014) Ключевые факторы интеграции метода форсайта в систему управления исследованиями и разработками (Электронный ресурс). URL: <https://foresight.hse.ru/news/138924636.html> (дата обращения 19.08.2016).

Молодежь в России. 2010: (2010) Стат. сб. /ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России». 166 с.

**Формирование ожиданий путей
развития человеческого потенциала у молодежи
под влиянием биологических
и медицинских технологий «улучшения» человека¹**

В. А. Лапшин

**Formation of ways of development of human
potential expectations of young people under
the influence of biological and medical technologies
“improve” the human**

V. A. Lapshin

Аннотация. В статье в социально-философском ключе исследуется взаимосвязь улучшения человеческого тела посредством применения биологических и медицинских технологий и изменения человеческого потенциала молодежи. На основе предварительных данных анкетного опроса молодых ученых и студентов «Социальные ожидания и опасения развития технологий «улучшения» человека в молодежной среде», исследуется влияние данных технологий на условия формирования человеческого потенциала молодежи. Сравниваются результаты анкетного опроса и проведенных исследователем фокус-групп. Выявляется специфика восприятия «улучшения» человека лицами с ОВЗ.

Ключевые слова: человек, человеческий потенциал, био-модификации, улучшение человека, трансгуманизм, лица с ограниченными возможностями здоровья, инвалиды, молодежь.

Abstract. In an article in the socio-philosophical vein examines the relationship to improve the human body through the use of biological and medical technologies and the changes in young people's human potential. On the basis of preliminary data questionnaire survey of young scientists and students “Social expectations and concerns the development of technologies to” improve “the human in the youth environment”, explores these technologies impact on the conditions of formation of young people's human potential. We compare the results of a questionnaire survey conducted by researcher and focus groups. It reveals the specifics of perception of “improving” the human faces with HIA.

¹ «Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №15-18-30057)».

Keywords: man, human potential, bio-modifications, human improvement, transhumanism, persons with disabilities, persons with disabilities, youth.

Как отмечалось нами ранее¹, человеческий потенциал представляет собой совокупность культурных, интеллектуальных, инновационных, биосоциальных свойств, способностей и ресурсов отдельной личности, социальной группы или общества в целом, которые у них уже сформированы или формируются, но еще не реализованы. Он, с одной стороны, являясь источником социокультурных изменений, сам определяется условиями, возникшими в культуре и общественных отношениях. Одним из таких условий является готовность и способность общества (особенно его наиболее новационной части — молодежи²) принимать или не принимать те или иные социальные, культурные, информационные или даже биосоциальные изменения. Как отмечалось исследователем биомедицины проф. Б. Г. Юдиным, на современном этапе именно общество дает социальный заказ науке на исследование тех или иных направлений будущего развития и тормозит те направления, которые не вызывают общественного одобрения³, от этого социального заказа в свою очередь зависят стратегии развития человеческого потенциала.

Для исследования взглядов молодежи на пути развития человеческого потенциала под влиянием биологических и медицинских технологий «улучшения» человека, в частности «био-модификаций», мы осуществили проведение 4-х фокус-групп на базе Московского государственного гуманитарно-экономического университета и сопоставление их результатов с предварительными данными, получаемыми в ходе анкетного опроса молодых ученых и студентов «Социальные ожидания и опасения развития технологий «улучшения» человека в молодежной среде» (представлен-

¹ Лапшин В. А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1. С. 259–263.

² Луков, Вал. А. Инновационный потенциал: возможно ли его считать атрибутом молодежи // Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. / под общ. ред. Вал. А. Лукова. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2011. С. 7–16.

³ Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 73–86. Юдин Б. Г. Редактирование генома: социально-этические проблемы. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Наукоедение. Реферативный журнал. 2016. № 2. С. 21–33.

ными в статье проф. В. А. Лукова)¹. Данная работа была проведена на основе сравнения данных полученных разными методами социологического исследования (качественными и количественными). Особенность исследования именно в рамках Московского государственного гуманитарно-экономического университета заключается в инклюзивном подходе к образованию в данном вузе, в связи с этим 50% участников фокус-групп составляли лица с ограниченными возможностями по здоровью (ОВЗ) (общее количество участников фокус-групп составило 36 человек, часть модераторов также были лица с ОВЗ). Благодаря этому мы получили возможность при помощи разных методов социологического исследования не только сравнить социальные ожидания молодежи, направленные на развитие технологий «улучшения» человека, но и выявить наличие или отсутствие специфики восприятия таких улучшений лицами с ограничениями по здоровью.

При анализе предварительных данных исследования «Социальные ожидания и опасения развития технологий «улучшения» человека в молодежной среде» В. А. Луковым² отмечается, что, несмотря на отрицательное отношение большинства опрошенных (41,5%), в ответе на вопрос «как Вы относитесь к экспериментам людей-модификаторов (изменяющих свое тело с помощью надрезов, разрезов, ожогов, вживления под кожу объемных предметов)?» 45.1% респондентов (суммарное значение ответов на вопросы: «боди-модификаейшн» — это очень здорово, но не для меня», «это забавно», «такие эксперименты позволяют увидеть возможности изменений человеческого тела в будущем», «это хороший способ отличаться от других людей, быть оригинальным», «поддерживаю такие эксперименты, они свидетельствуют о свободе человека и его смелости и даже героизме») имеют в целом позитивное представление (пусть и с примесью иронии) о возможности модификации собственного тела. Примечательно также, что только 11,3% участников ничего не знают о таких модификациях, что свидетельствует о широком распространении в обществе данных идей. Важно отметить, что результаты всех фокус-групп в целом имеют незначительные отличия с результатами анкетирования в ответах у лиц без ограничений по здоро-

¹ Луков В. А. Эксперименты с телесностью: боди-модификаейшн как биосоциальный феномен // «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2016. Выпуск № 1: 59–63.

² Там же.

вью, однако отличаются от ответов лиц с ОВЗ. Так, если на вопрос анкетирования «как вы относитесь к экспериментам людей-модификаторов...» лишь выбрали 2,1% выбрали вариант «я сам (а) из числа этих людей», то фокус-группа показала, что среди лиц с ОВЗ более 15% являются потребителями модификаторов. Анкетный опрос показал, что лишь небольшая часть молодежи (8,5%) рассматривает боди-модификанты как перспективу телесного развития человека в будущем, однако фокус-группы среди лиц с ОВЗ подобный ответ дали более 30% .

Представления респондентов данного исследования о перспективах «улучшения» человека в целом совпадают и в анкетном опросе, и в фокус группах при ответах на вопрос «Считаете ли вы перспективными для улучшения человека такие направления воздействия на его природу, как...», где рассматриваются такие варианты ответов, как «распределение сознания и личности человека в нескольких телах — биологическом и технологическом (распределенная индивидуальность)», «достижение неограниченного долголетия». При этом наблюдается существенная разница в ответах касающихся вариантов «преодоление половых различий (бесполость)», «искусственное размножение» между участниками фокус-групп без ОВЗ и с ОВЗ. Вопрос гендерной идентичности достаточно часто вставал как входе проведения всех 4-х фокус-групп, так и входе преподавательской работы с лицами с ОВЗ. Лица с ОВЗ часто испытывают проблемы, связанные с гендерной идентичностью и половым поведением¹; часто ставятся вопросы «может ли «инвалид» встречаться (заключать брак) с «нормальным», «воспринимает ли «здоровый» «инвалида» как потенциального сексуального партнера» и т. д. Прослеживается изменение гендерной идентичности у ряда участниц фокус-групп, связанных с нарочитым отрицанием женских гендерных ролей. Приводя пример, отметим, что если 68,3% опрошенных во время анкетирования категорически возражали против уничтожения гендерных различий в ходе «улучшения»

¹ Воеводина Е. В. Гендерные аспекты инвалидности и социальная эксклюзия инвалидов на уровне института семьи // Вестник социальной работы. 2013. № 1. С. 110–116.; Воеводина Е. В. Гендерная идентичность женщин с инвалидностью // Социально-гуманитарные знания. 2016. Т. 1. С. 259–266.; Биктимирова Ф. М., Ничипоренко Н. П., Аухаев Э. И. Особенности мотивационной сферы и гендерные аспекты у инвалидов с нарушениями структуры и функций конечностей// Вестник межнационального центра исследования качества жизни. 2013. № 21–22. С. 104–108.

человека в будущем, то для участников фокус-групп с ОВЗ ответ не столь категоричен. Так ответы «да» и «не знаю» дали более 45% опрошенных, против 22,6% среди анкетированных. Здесь отчетливо прослеживается влияние биосоциального фактора на последующие пути развития человеческого потенциала. Выделяется зависимость социальных статусов и ролей, возможностей реализации интеллектуального и инновационно-деятельностного потенциалов¹ человека от его биомедицинского статуса (здоровье, физическое развитие, внешность и т. п.).

Если, как отмечается В. А. Луковым, значительная часть участвовавших в исследовании молодых людей вполне определенно признают перспективными для человека трансгуманистический набор основных путей воздействия на его природу², при этом около половины респондентов отрицают такой путь развития, то контекст исследования лиц с ОВЗ показывает значительно более толерантное отношение к любым «улучшениям» природы человека. Важно отметить, что речь в фокус-группах не велась о преодолении ОВЗ, и ответы касались, прежде всего, изменения социальной сферы взаимодействия.

Таким образом, на основе предварительных данных анкетного опроса «Социальные ожидания и опасения развития технологий «улучшения» человека в молодежной среде» и результатов проведенных фокус-групп, можно сделать вывод, что значительный процент молодежи связывает развитие человеческого потенциала в будущем с технологиями «улучшения» человека, толерантно воспринимает идеи трансгуманизма и изменения тела в рамках субкультур. Кроме того, исследование выявило особенности восприятия технологий «улучшения» человека у лиц с ОВЗ, особенно ярко здесь проявляется гендерный аспект потенциального изменения человека. Отмечается также, что практически 90% опрошиваемых осведомлены о возможности био-модификации своего тела, что говорит о распространённости данных идей в современном обществе.

¹ Лапшин В. А. Социально-философский аспект исследования человеческого потенциала молодежи // Философские проблемы биологии и медицины Сборник статей. Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова, Московское философское общество. 2015. С. 254–257.

² Луков В. А. Эксперименты с телесностью: боди-модификация как биосоциальный феномен // «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2016. Выпуск №1: С. 59–63.

Литература

Биктимирова Ф. М., Ничипоренко Н. П., Аухадеев Э. И. Особенности мотивационной сферы и гендерные аспекты у инвалидов с нарушениями структуры и функций конечностей // Вестник межнационального центра исследования качества жизни. 2013. № 21–22. С. 104–108.

Воеводина Е. В. Гендерная идентичность женщин с инвалидностью // Социально-гуманитарные знания. 2016. Т. 1. С. 259–266.

Воеводина Е. В. Гендерные аспекты инвалидности и социальная эксклюзия инвалидов на уровне института семьи // Вестник социальной работы. 2013. № 1. С. 110–116.

Лапшин В. А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1. С. 259–263.

Лапшин В. А. Социально-философский аспект исследования человеческого потенциала молодежи // Философские проблемы биологии и медицины Сборник статей. Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова, Московское философское общество. 2015. С. 254–257.

Луков В. А. Эксперименты с телесностью: боди-модификация как биосоциальный феномен // «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2016. Выпуск №1: С. 59–63.

Луков Вал. А. Инновационный потенциал: возможно ли его считать атрибутом молодежи // Государственная молодежная политика : российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. / под общ. ред. Вал. А. Лукова. Вып. 1. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2011. С. 7–16.

Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 73–86.

Юдин Б. Г. Редактирование генома: социально-этические проблемы (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2016. № 2. С. 21–33.

Авторы выпуска Authors

Белялетдинов Роман Рифатович — младший научный сотрудник Института философии РАН.

Belyaletdinov R. Rh. — Junior research associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
roman_rb@iph.ras.ru

Гребенщикова Елена Георгиевна — доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН.

Grebenshchikova E.G. — doctor of Philosophy, Head of the Center for Research and Information Studies on Science, Education and Technology, ISSS RAS.

aika45@yandex.ru

Кожевникова Магдалена — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН.

Kozhevnikova Magdalena Ph.D., Researcher, Institute of Philosophy.
kmagdalen@yandex.ru

Лапшин Василий Андреевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Lapshin V.A. — assistant professor of department philosophy, cultural studies and political science at the Moscow Humanitarian University, PhD.

socrab@inbox.ru

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заместитель главного редактора журнала «Знание. Понимание. Умение».

Lukov Val. A. — Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies of Moscow University for the Humanities, deputy chief editor of journal «Knowledge. Understanding. Skill».

v-lukov@list.ru

Попова Ольга Владимировна — старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр здоровья детей».

Popova O.V. — senior researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Federal State Budgetary Institution «Scientific Centre of Children Health», researcher Ph.D.

j-9101980@yandex.ru

Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, заведующий Сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Tishchenko P.D. — department chief, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Ph.D.

pavel.tishchenko@yandex.ru

Шевченко С.Ю. — аспирант Института философии РАН.

Shevchenko S.Y. — postgraduate student of Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

simurg87@list.ru

Юдин Борис Григорьевич — доктор философских наук, профессор, член-корр. РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Yudin B.G. — doctor of Philosophy, major research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Prof., Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Ph.D.

byudin@yandex.ru

Юдин Григорий Борисович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.

Yudin G.B. — PhD in Philosophy, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University — Higher School of Economics.

gregloko@yandex.ru

Научное издание

Рабочие тетради по биоэтике

Выпуск 23

**Гуманитарный анализ биотехнологических проектов
«улучшения» человека**

Под редакцией член-корреспондента РАН Б. Г. Юдина

Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой

Подписано в печать 05.12.2016 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 10,25 Тираж 500 экз.
Заказ № 194.

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5.